КиберЧарь

Теклоф

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Смеклоф

КиберЧаръ

«Автор»

2024

Смеклоф

КиберЧаръ / Смеклоф — «Автор», 2024

Представьте, что сто лет назад произошла Октябрьская революция, которая не только избавила народ от власти церкви и царизма, но поменяла вообще всё! Абсолютно все люди научились вырабатывать магическую энергию и пошли по пути развития Homo Magus. Прошло сто лет, наступил 21 век, в России всё заменили магическими подписками. Больше не надо убираться и готовить, слушать ругань и громкую музыку от соседей. Энергия позволяет питаться без реальной еды и мгновенно перемещаться в пространстве. Почти нет болезней и вообще проблем. В идеальном мире люди ничего не делали, а только наслаждались жизнью, пока невидимые враги не привезли в Москву супер проклятье.За несколько дней люди потеряли способность вырабатывать энергию, колдовать, и самое страшное — жить как привыкли.Решить проблему пытаются сотрудники служб магической безопасности и исследования новых чар, но ближе всех к разгадке неожиданно подходят уборщики магического мусора и ветераны магической войны.

© Смеклоф, 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Перед юбилеем 5
Глава 2. Заговоры 44
Глава 3. Пандеклятье 73
Глава 4. Началось! 106
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Смеклоф
КиберЧаръ

Глава 1. Перед юбилеем

Почти выдавили свободу из лёгких…

Он плеснул в лицо холодной воды и переступил с ноги на ногу. Ступни немели от ледяного кафеля на полу ванной комнаты, но её будто не существовало на самом деле. Стоило закрыть глаза, как в темноте снова проступало ущелье. Острые камни, сдирающие кожу. Ослепительный сполох справа. Едкая пыль, забивающая всё, вплоть до кишок. Режущий незащищённую сетчатку сполох слева. Потоки адской лавы, срывающиеся со склонов к лагерю смертников. Ветер, плюющийся раскалённым паром. Гигантское чаровище…

Он снова сунул лицо под воду. Кошмары отступили, но зеркало продолжало пугать мерзкой рожей со впалыми щеками, чёрными кругами под глазами и редкой щетинистой бородкой, над которой уже сорок три года смеялись все встречные маги.

От холодной плитки на полу окончательно онемели ноги, поэтому он торопливо выбрался из ванной в тёмный коридор и на ощупь двинулся к спальне. Задел плечом дверной косяк и, ругаясь, кое-как доковылял до кровати. Не обойдёшь ведь – самую большую купил! Чтобы растянуться в позе магической звезды. А теперь жалел. Из-за клятых кошмаров подскакивал по пять раз за ночь и пробирался мимо неё в темноте. Все пальцы отшиб об углы. Один раз чуть не сжёг со злости, хорошо охранные чары сработали. Они и сейчас мерцали под потолком, но света не давали, только делали спальню выше. Словно наверху не было ничего кроме бескрайнего звёздного неба.

В этот раз он благополучно преодолел все углы и ноги уже сгибались, чтобы опустить тело на матрас, когда под кроватью что-то ухнуло, и пол посыпался. Одна босая нога сразу соскользнула в яму, вторая беспомощно поехала следом, а он лишь размахивал руками. Заклятья застряли внутри сжавшегося подсознания, а разум окутало липким отчаянием, парализующим волю. Гигантское чаровище его всё-таки достало. Пробуравило пять тысяч километров земных недр от того самого ущелья. Выследило ускользнувшую жертву и приползло – добить. Он уже видел в расширяющейся дыре снимающий кожу язык. Под ногами крутились костедробильные жернова, высекая сухие искры и тот самый скрежет, от которого вставали дыбом волосы даже у бывалых вояк. Будто гигантский тупой нож с зазубренным, съеденным ржавчиной лезвием очень медленно, но с титаническим усилием, царапал стекло. Оно хрустело как печенье, ломалось и осыпалось, как кости бесчисленных жертв, которые скатывались в пасть чаровища. В гигантский круговорот из острых клыков и тупых жвалов, перетирающих даже охранную рунную броню со знакомым скрипом высохшего мела по сухой школьной доске.

Страх стиснул его, выдавливая последние остатки разума. От него нельзя спастись! Оно переродилось из мегаватт магической энергии, высвободившейся во время мученических смертей бесчисленных жертв. Поэтому чаровище ломало любое сопротивление. Оно вместилище первородных страхов и безумных мифов. Новостные порталы России писали, что на фронте применяли запрещённые Женевской конвенцией чары, что воины и мирные жители гибли сотнями, но правда, как всегда, была страшнее.

Непослушная рука всё-таки ухватилась за край кровати. Он даже вцепился в простынь и подтянулся. Лён треснул под пальцами, но тренированные мышцы всё равно потащили тело вверх, хватаясь за лоскуты. Тогда ноги захрустели от удара огромных челюстей. В штанинах зачавкало и захлюпало. От сладкой вони слиплись ноздри, а он завопил… и окончательно проснулся, дико озираясь.

Свалился во сне на пол, поэтому и очухался от губительного морока. Или это ещё один безумный слой кошмара? Он подтянул колени к подбородку, ощупывая себя и всё ещё не веря, что уцелел. От чаровища невозможно спастись. Из лагеря никто не вышел живым. Но охранные чары под потолком лениво поблёскивали, напоминая, что ему всё причудилось. Что никакого чаровища нет… вот только он знал, что оно есть.

Заставил себя разогнуться. Сел, прислонился спиной к стене и накрыл п-руну на плече. Всё в голове, особенно магия. Знаки на коже только напоминания об изменении разума. Метки, показывающие кто на что способен, как далеко продвинулся на пути визуализации, овеществлении фантазий и превращении мыслей в реальность. Сколько складок на сгибах пальцев теперь светятся колдовским огнём. Все костыли в виде посохов, колец и волшебных палок в дореволюционном прошлом. Сохранились только руны. Эта напоминала архаичное солнце с кривыми стрелками лучей. Его путеводная звезда, которая сделает его настоящим героем, и поможет наконец вырваться из пасти чаровища. П-руна досталась ему на всё той же нереальной войне, которую и войной то поначалу не называли.

– Изкурнож! – крик получился сдавленным и тонким, но его всё равно услышали.

– Что пожелает хозяин Пушкин?

– Ты меня ещё по имени отчеству назови!

– Как назвать?

Странный мурлыкающий голос раздавался из ниоткуда и отовсюду. В тон слов переливались и мерцали охранные чары под потолком.

– Называй без рода.

– Как скажите, хозяин, позвольте поздравить вас с наступившим юбилеем.

– С чем? – Пушкин вздрогнул, всё ещё пытаясь прийти в себя.

– Сейчас ещё ночь, но уже наступило седьмое октября – столетие Великой октябрьской революции технического прогресса и магического равенства без узурпации церкви и царизма…

– Хватит! Усыпи меня.

Мурлыкающий голос музыкально прокашлялся.

– Обязан напомнить, что во время навеянного сна ваш организм не отдыхает по-настоящему, а магическая энергия не восстанавливается…

– Без тебя знаю! – разозлился Пушкин. – Ты эту рожу видел? А мне каждый день зеркало напоминает. Думаешь нравится?

– Тогда просто расслабьтесь, посчитайте овец, я включу музыку…

– Пошёл на шишень, чучело начарованное!

– Простите, но я не чучело начарованное, а последняя версия умного дома Избушка на КУРьих НОЖках.

– Бестолочь. Кошмары меня с ума сведут. Я без навеянного сна вообще спать не могу. Понял? Не понял… Я беру на себя всю ответственность за вред своему здоровью, так понял?

– Ваша клятва зафиксирована и передана в магистрацию Центрального округа Москвы, – согласился Изкурнож. – Она зарегистрирована под номером…

– Ясно-ясно. Усыпляй давай!

Из угла выплыл слабо светящийся силуэт домового, и чтобы не вырубиться прямо на полу, Пушкин поспешил забраться обратно на кровать. П-руна на плече больше не жгла воспоминаниями, поэтому он отнял ладонь от кожи и лёг на спину, вытянув руки вдоль тела.

– Поздравляю вас со столетием Великой революции технического прогресса и магического равенства. Теперь все, независимо от способностей, получают столько чар, сколько им нужно для счастливой жизни.

– А крепостной строй заменён на поголовную сдачу энергии государству, – из вредности буркнул Пушкин.

Полупрозрачный силуэт домового замер и почесал торчащую во все стороны спутанную шерсть. Маленькие чёрные глазки мигнули, но он быстро собрался и ответил.

– Зато каждый получает взамен подписку на все нужные для счастья и здоровья заклинания…

– Заткнись, а лучше спой.

– Приятных снов, хозяин без рода, – промурчал голос из ниоткуда и отовсюду.

– Бестолковый чаруша…

Входящий в стандартную магическую подписку бытовых чар домовой забрался на подушку и начал разбрасывать сонную пыль, такую же эфемерную и прозрачную, как он сам, бубня под нос убаюкивающую песенку:

– За Смородиной рекой
Сну даруеца покой.
Добра сила ести там
За долам и за горам.
Сновиденье дремотой
Посылает вам покой.
Шобы идша по млеку
Спал тихонько на боку.
Шобы очи заволок
Буде сон тэбэ глубок.

Мурлыкающий голос подпевал, пока в ответ не зашуршал ещё тихий храп. Тогда домовой со сдавленными охами, держась за лохматую спину, соскочил с кровати и исчез в своём углу. А под потолком ещё сильнее засверкали охранные заклятья расширенной магической подписки бытовых чар.

***

Ночь в приёмной «Уберём Всё-Всё», сокращённо «В.В.» проходила тихо, но Лялька всё равно дёргалась. Уж слишком сильно ненавидела государственные праздники. Особенно такие пафосные, как юбилей Великой октябрьской революции. От бессмысленных парадов и демонстраций смертоносных заклятий на дешёвых одноразовых манекенах веяло средневековым шабашем. Времена изменились – двадцать первый век на дворе. Люди давно не хомо сапиенс, а уже сто лет как хомо магус, но некоторые всё ещё ведут себя как контра недобитая. Бряцают дубинами и сотрясаются боевыми кличами.

– Чего зависла? Интересное увидела? – напарница тоже что-то чувствовала, поэтому и ходила из угла в угол как заведённая.

Лялька оторвала взгляд от ладони и мелькающие перед глазами новости растворились, а руны стандартной подписки погасли на коже. Ещё больше она ненавидела ночные дежурства в компании Алиссы. Потому, что та не умела поддерживать разговор, а вопросы адресовала самой себе.

– Учёные выяснили, пойди мы сто лет назад другим путём, без магии. Сейчас, чтобы смотреть видосики в Паутиннике, пришлось бы надевать специальные очки, – бросила она, продолжая бродить по приёмной.

В зеркалах за диванами отражались огненные всполохи её волос. Стёкла вбирали пламень и розовели от удовольствия, пытаясь запечатлеть на своей поверхности тонкие брови, грозные зелёные глаза, чуть вздёрнутый нос и в самый раз полные губы.

– Прикинь? Никаких рун и ежедневной платы за подписку! Надел очки и пялься на что хочешь.

Лялька вздохнула, украдкой поглядывая на чужое великолепие, ещё больше подчёркнутое кружевным декольте и размашистой юбкой с оборками, под которой вышагивали слишком длинные и стройные ноги в белых чулках. Ей самой, с её немодными чёрными кудрями, серыми

глазами и носом с едва заметной, но опрометчивой горбинкой, о таком оставалось только мечтать. Тем более, что в проклятой рыжей ведьме заключалось столько страстей, что от цоканья каблуков почти загорался паркет. Хорошо хоть стены приёмной «Уберём В.В.» были далеко друг от друга. Их директор Пушкин говорил, что после дешёвой аренды, это второе по важности преимущество их приёмной.

– А как в очках видосы смотреть? На стёклах что ли?

– Если бы не открыли, что у всех есть мана, открыли бы какую-нибудь другую шишень, – поморщилась Алисса.

– И как бы эта другая энергия переносила видосы на стёкла? Без чар всё равно ничего не получится, они всё делают…

– Разбираешься как модные чары работают? Купила подписку на связь, каждый день кидаешь ману в оплату, пялишься в руны, и всё? Думаешь всё поняла? Что-то сработало, и ты всё увидела, а как и что сработало всё равно не знаешь.

Лялька деловито выставила ладонь, показывая сверкающие на подушечках руны: «пополнение», «питание», «магия» и «подписка» под большим пальцем, но высказаться не успела. На столе мигнуло серое стекло приёмного зеркала, оставшегося от старых хозяев. По нему постоянно хотелось провести пальцем, чтобы разогнать по кругу наливное яблочко, с которого когда-то началась эпоха магической связи на расстоянии. Губы даже прошептали старинный рекламный слоган:

– Мы изобрели общение заново…

Но в сером тумане проступило искажённое лицо, затянутое зелёной слизью.

– Вас приветствует общество «Уберём В.В.»…

– Вы тоже умрёте! – расплывшийся силуэт попытался собраться, но только ещё сильнее исказился. – Пандеклятье…

Лялька вздохнула, но всё же изгнала из голоса раздражённые ноты. Лицо показалось знакомым, но кто это, она так и не поняла. Сбило упоминание теории заговора.

– Не волнуйтесь! Вы сегодня принимали зелья…

Её прервал душераздирающий вопль. Лицо упало к нижней рамке зеркала, а прямо за ним лопнул зеленушный пузырь прорвавшегося проклятья.

Склонившаяся над столом Алисса отскочила.

– Ни маны себе! Ты видела? А вдруг по-настоящему?

Она скакнула к шкафу с рюкзаками экипировки.

Лялька только поморщилась и провела коготком по ладони, зажигая руну подписки. Стоило только подумать, как в голове потянулись длинные гудки, а потом голос предупредил, что гражданин Пушкин вряд ли ответит в ближайшее время. Пришлось убрать кулак с оттопыренными мизинцем и указательным пальцем от уха.

– Он под пылью, как всегда, – хихикнула Алисса, качнув тяжёлое пламя волос и закинув за спину рюкзак. – Сами с этим недокаченным пандеклятьем разкошмаримся.

– Чего радуешься?

– Что раскроем заговор самого могущественного клять…

– Теперь куратору звонить…

– Переколдовала?

Лялька вздохнула и невольно накрутила длинный локон на мизинец.

– Думаешь, мне хочется?

Она несколько раз повернула приёмное зеркало, пока напарница подходила, но на протянутый рюкзак только покачала головой.

– Знаешь же, что будет. Четвёртый Азеф нас с тобой по ритуалам и допросам затаскает, мы уборщики четвёртого уровня, никаких самостоятельных операций.

– Звони Дивногорскому. Лучше он, чем крыса МСБ-шная.

В ответ раздалось только неопределённое хмыканье.

– Чтобы прослушать очередную лекцию, а в конце узнать, что он занят? Они на своём выезде.

Алисса поморщилась, но даже это придало ей ещё больше потустороннего шарма.

– Всё сама. Всё сама.

Она покрутила перед лицом раскрытую ладонь, нехотя нажала проступившую на коже руну подписки, но потом стряхнула её.

– Напиши Четвёртому, что не дозвонились, выезжаем на вызов, пусть приезжает, как сможет.

От коварной улыбки потемнело в комнате.

– Держи свои чары при себе, – буркнула Лялька. – Сама придумала, сама и пиши.

– Всё сама, – Алисса шмыгнула носом, что-то быстро барабаня ногтем по ладони и махнула подбородком. – Погнали!

– А наводку магохода делать?

– Тоже я?

Ответом был очередной горестный вздох. Лялька щёлкнула пальцем по зеркалу. Связываться с допотопной техникой не хотелось, но звонок поступил на неё, и деваться было некуда. Пришлось гонять пальцем невидимое яблоко, пока не установилась связь. Рябь в отражении тут же сменилась буквами: «Срок корпоративной подписки подошёл к концу, пополните счёт для возобновления».

– Я экономом не пойду!

– Тихо! Тихо! – подняла изящные руки Алисса. – У меня сейчас нет, я потом отдам…

– Отдашь? Ты мне уже три зарплаты должна.

В ответ высокомерно подлетела рыжая чёлка.

– Кто виноват, что у тебя маленькая зарплата?

– Такая же, как у тебя, – заскрипела Лялька.

Они задумчиво смотрели на надпись в зеркале, пока огненные пряди не подскочили от догадки.

– У тебя тоже нет!

Рюкзак со снаряжением полетел на пол.

– Твоё какое дело?

– Опять чёрных котов по приютам кормила?

– Тебя не спросила…

Алисса положила ей руку на плечо, не дав договорить.

– Остаётся эконом.

– Может скотовозкой…

В плечо сильнее впились длинные лакированные ногти.

– Не успеем! Четвёртый прочитает сообщение и всё испортит. Пошли!

Лялька вздохнула так, что запотело зеркало.

– Тогда ты ведёшь!

– Тогда ты питалка!

Напарница затрясла головой.

– Я волшебница, а не энергодавалка!

Они уставились друг на друга, пытаясь переглядеть, пока Алисса неожиданно не сдалась.

– Ладно, – пробормотала она и потёрла ладонь. – Но лучше тебе не заблудиться по дороге.

Руна «питание», отвечающая за исходящую энергию, еле-еле сияла. Так что Лялька всё сразу поняла.

– У тебя после списания суточной энергии ничего не осталось? – она в отчаянии затрясла головой, не веря в происходящее. – Сколько?

Алисса поморщилась.

– Маны четыреста… ну четыреста пятьдесят…

– Нам тысяча нужна! Давай всё! Иначе сама будешь с Четвёртым разбираться.

Руна «питание» засияла в полную силу, осветив ладонь Алиссы. У Ляльки замигала руна «пополнение» и от всплеска полученной маны зашевелились волосы. Пришлось добавить всю свою, чтобы хватило для перехода. Она протёрла зеркало ладонью и потыкала пальцем в серость стекла. Оставалось настроиться. Наводка магохода на место откуда поступил звонок для магического изменения сознания четвёртого уровня, такого как у неё, непростая задача. А уж само путешествие через изнанку мира…

– Давай, трусиха, всё дело в твоей башке!

– Я без подписки этого не делала.

– Это как поблудиться. Страшно только в первый раз!

Лялька поморщилась, но постаралась сконцентрироваться. Прокрутила в памяти нужные упражнения, зачем-то закрыла глаза, скорее всего, чтобы не видеть наглую физиономию под рыжей чёлкой. Представила, что вкачивает собранную по крупицам энергию в магоход, и обеих утянуло в его омут. Только в отличие от путешествия по подписке при самостоятельном переходе трясло и подбрасывало, а сверкающий перламутровый коридор дрожал под ногами и раскачивался из стороны в сторону. За его прозрачными перегородками проступила изнанка мира. Над трубами городского энерговода возвышалась хрустальная пирамида. Она мигала и пульсировала, пропуская через себя мегаватты собранной с граждан энергии, которая текла сквозь стеклянные толщи стен вверх. Собиралась из ручейков в реки, в мощные потоки, в разрушительные волны и вливалась в ослепительно сверкающий пик. Вся пирамида переливалась и вибрировала, но сквозь радужные отсветы всё равно просматривались бесчисленные этажи, лестницы и переходы, составляющие гигантский лабиринт. Хорошо ещё, что идти придётся через четвёртый уровень, он хоть как-то освещён и вроде даже проходим. Нижние ярусы скрывал полный мрак и ужас.

Лялька сглотнула. Отгоняя непрошеные мысли. Выстроенный ею коридор, хоть дрожал и дёргался, всё-таки упирался в пирамиду гораздо выше тёмного основания, но медлить всё равно не стоило. Тонкая путеводная нить наводки магохода едва мерцала под ногами. Лучше её не терять.

– Говорила же, первый раз – тоже экстаз, – ухмыльнулась Алисса. – Шевелись, не будь бревном.

Они побежали вперёд. Ноги проминали пол, пружинили и подскакивали. От шагов в полупрозрачные перегородки коридора била отдача, и он раскачивался всё сильнее, уже сам передавая их ногам скопившуюся дрожь. Она с гудением уходила в мышцы и наполняла их тяжестью и жаром.

– Бббб…ссс…ттреее…

Перед глазами всё крутилось, а от запаха грозовой тучи ещё сильнее кружилась голова. Сверкающий пик пирамиды то падал под ноги, то опять взлетал вверх. Снова нырял вниз, как будто бы отрывая тёмное основание от перепутанных вен энерговодов.

Челюсть тоже подпрыгивала и не давала ничего выговорить. Ярусы под радужными всполохами приближались, но коридор начал таять. Пол пошёл волнами, а перегородки вздыбились гармошкой. Путеводная нить совсем потухла, для её подпитки не хватало энергии.

Ляльку швырнуло вправо. Она ударилась плечом, отскочила и расцарапала левый бок. Ойкнула, расставила ноги посильнее, чтобы сохранить опору и рванулась дальше. В подошвы ударила очередная волна и подбросила её вверх.

Пирамида крутанулась ещё несколько раз и нависла над ними. Её качнуло сначала в одну сторону, потом в другую. Затрясло сильнее, и коридор оторвался от радужной стены.

– Ббсс…тре!

Их уже мотало от перегородки до перегородки. Полупрозрачные стенки изгибались и вибрировали, теряя остатки цвета и плотности. Ноги больше не пружинили, а проваливались в пол. Вязли, липли и присасывались к стеклянной поверхности. Вырывать их, чтобы бежать дальше, было всё труднее, но до радужной стены тоже осталось всего несколько метров. Только теперь перед проходом в пирамиду зияла бездна.

Лялька растеряла почти всю сосредоточенность, и чтобы не лишиться остатков концентрации и воли, снова закрыла глаза.

– Всё в голове, – пробормотали онемевшие губы, но изменений сознания четвёртого уровня не хватало, чтобы поверить окончательно.

Уверенность иссякала, сдавая позиции отчаянию. Без зрения обострились другие чувства. От бившего в ноздри озона першило в горле, а нарастающее гудение сдавливало голову. Её нога вроде оторвалась от смятого пола коридора, но застряла в липком киселе сомнений. Она вроде бы двигались, но не приближалась. А невидимая бездна под ней только увеличивалась.

– Архимаг тебя подери!

Алисса прыгнула, но налетела на спину напарницы. Обе на мгновение потеряли равновесие, и Лялька открыла глаза. Её мутило, желудок, несмотря на попытки успокоиться, карабкался к горлу, наполняя его горечью. Огонь в надменных глазах под рыжей чёлкой тоже погас. Зрачки пожелтели и вытянулись как у кошки. Пустота между прозрачным коридором и входом в пирамиду то приближалась, то удалялась. Воздух гудел, словно гигантская тетива, натянутая от одного края мира до другого и готовая вот-вот порваться. Внизу в темноте блестели извивающиеся вены энерговодов. Они разъезжались в подобие хищной ухмылки, обнажая сияющую пропасть первородной энергии. Раскалённую как магма в сердце земли. Леденющую как сердце древнейшего ледника. Острую как мифический самосек-кладенец. Пугающую как бесконечный зацикленный сам в себе кошмар. Смертельную как сама жизнь.

Лялька сильнее дёрнулась вперёд, разглядела безумный взгляд рядом, и перестала дышать. Перестала думать. Смотреть вниз. Как будто даже существовать. Тогда и вера потеряла смысл – осталась только уверенность в силе магической энергии.

Накопленная инерция кинула их во внутренности пирамиды. Алисса схватилась за ладонь напарницы, они подскочили и побежали за вновь появившейся путеводной нитью наводки магохода.

Во все стороны разлетались бесчисленные туннели. Из них вылетал утробный рокот и отчаянные человеческие вопли. У обеих волосы поднялись на затылках, но смотреть по сторонам было нельзя. Только на сверкающую под ногами нить – единственный верный путь через бесконечный лабиринт изнанки мира. Полоса светилась волшебным огнём надежды, разгоняя собирающиеся по углам сумерки. От неё исходила почти незримая, но успокаивающая мелодия, которую нельзя спеть. Она не складывалась в звуки доступные человеку. Её можно только мурлыкать у себя глубоко в голове. В потаённых чертогах разума, куда нет доступа ничему чуждому и опасному.

Эхо их шагов гремело на всю пирамиду. В такт им раздавался то голодный вой, то злое урчание, то мерзкое мокрое чавканье.

– Всё в голове, в голове, – бормотала Лялька.

Тени на стенах напоминали кресты или высокие прямоугольники с закруглёнными краями. За ними поднимались ещё более тёмные искажённые людские силуэты.

Алисса натужно выдула пар и поморщилась. Замёрзли плечи и ноги. По туннелю змеились белёсые кружева инея. Хрустели под ногами, вихрями поднимались вверх, царапали голую кожу и норовили влететь в рот или забить нос.

– В голове…

Лялька сильнее сжала ладонь напарницы и дёрнула, увлекая за собой. Кресты вздымались всё выше, напоминая про войны с религиозными фанатиками, которые подлой магией обращали умирающих людей в камень. В бездушные плиты заполонившие целые поля. Осквернившие землю и доблесть умерших в бою. Они до сих пор сохранились в мемориальных местах, напоминая о сотворённом зле. Вот и теперь их тени прорывались из детских страшилок через тонкую грань изнанки мира.

– Не смотри вокруг! Только на наводку!

Они на бегу завернули за угол. Тонкая путеводная нить утолщалась, перекручивалась и свивалась петлёй, висящей поперёк туннеля.

Алисса заскрипела зубами. Её пальцы разжались, и чужая ладонь выскользнула на свободу. Лялька закричала «Всё!», и проскочив петлю, они упали на грязный асфальт у тёмного входа в подъезд многоэтажки.

***

Оно урчало в темноте. Скребло. Чавкало. Подвывало. Скрежет когтей, царапающих асфальт, отдавался визгливым эхо и резал уши. Борозды наполнялись радужным маслом, сверкающим даже во мраке. Клешни подгребали под себя, засовывая в зубастую пасть всё, что попадалось. На них наматывались длинные кислотно-зелёные полимерные кишки, путались, затягивались узлами и собирались уплотнениями. Набухшие шишки рвались и проливались жирными лужами между когтей. Потоки мутной жижи скатывались по грязному жёлобу вдоль тротуара и обрушивались между чугунными прутьями решётки в бездонную бездну под городом.

За машиной, морщась от ядовитого смрада, неспешно вышагивал дворник в синем комбинезоне со звездой на фоне луны – символом магистрации Центрального округа Москвы. В его окрашенной в цвет комбинезона бороде с визгом носились мелкие духи, но он их словно не замечал, бездумно размахивая пышной метлой и мурлыкая под нос.

– Э-э, чароблох казённый! Ты чего на нашей территории трёшься?

Из подворотни, потирая носы, выбрались два типа: молодые по голосу, но с длиннющими, по последней моде, бородами. У одного вплетены нитки с разноцветным бисером, у другого люминесцентными красками нарисована голая девица в полный рост, которая кокетливо покачивала бёдрами в такт движений бороды и вроде даже подмигивала.

Дворник не сразу понял, что обращаются к нему, а потом застыл с занесённой метлой, перестав чиркать ею по дорожному покрытию. Мелкие духи испуганно скрылись в волосах и спрятались под подбородком, а огромные глыбы исчезающих во мраке домов, словно надвинулись. Магический полог покоя скрывал огни их окон и подавлял звуки шумных застолий и семейных скандалов, поэтому казалось, что над фонарными столбами протянулась бесконечная бездна ночи. Зеленоватый свет отражался от неё и светил только вниз, словно обрезанный невидимым лезвием.

– Ты чего шуршун государственный, тебе всё можно?

Модные типы тоже были задрапированы в рабочие комбинезоны, только вместо символа магистрации их грудь и спины украшали надписи «Уберём В.В.».

Уборочная машина заскребла сильнее и прибавила ходу.

– Вали, подметала подзаборная! Тут мы работаем!

Дворник замычал и вжал указательный палец в ладонь, отключая руну «подписка». Цветные затычки в ушах ту же растаяли радужным туманом, грохочущая музыка стихла, а начарованные духи вынырнули из-под бороды и тоже исчезли.

– Что за моделька такая? – заинтересовался тип с бисером.

– Воздушная Хаврошка Знахарь Два.»

– А метла?

– Помело стандартное…

– Вот я и смотрю! – встрял тип с нарисованной девицей. – Маготходы не собирает, а только разбрасывает. А если сток тута засорится, на нашей территории? Что потом? Скажут ваша территория, сами тута, за свою ману исправляйте?

– Да я то что? – дворник попытался спрятать метлу за спину, но она тоже растворилась в воздухе, и он вжал голову в плечи. – Мне сказали, я иду. Откуда мне…

– Башку мне не дури, бздюлина архимагова, свиток путевой кажи!

– Полегче, Бидбей, он же при исполнении… – проворчал тип с бисером в бороде.

– Я ща тоже исполню! Мало не покажется!

Дворник отшатнулся, зашарил рукой в нагрудном кармане, но потом хлопнул себя по лбу. Ткнул в руну «грамота», и над ладонью появился свиток с печатями и вензелями. Он раскрылся и замахал краями листа, словно крыльями. Над растопыренными пальцами проступила надпись с названием Центрального округа и картой местности.

– Бюрократы чудодейные! Свитки что ли не сменили? – Бидбей весь сморщился, и без того узкие глаза на опухшем лице почти исчезли, зато рот разошёлся от уха до уха, поэтому и крик получился на всю улицу. – Всё равно вали отсюдова!

В темноте что-то взвыло и по заревам вокруг фонарных столбов прошла рябь. На безлюдной улице стало ещё темнее. Охранные чары активировались, прислушиваясь к разрастающемуся скандалу и сравнивая его признаки с противоправными действиями из хранилища данных магистрации. Нежное салатовое сияние потемнело до ядовито-болотного.

– Полегче…

– Заткнись, Дивногорский, без тебя тошно!

Дворник затряс рукой, убирая свиток, и припустил за уборочной машиной. Шум от её клешней и когтей уже стих, но остаточное эхо ещё бродило между тёмными исполинами человейников, проскакивало в арки и уносилось визгливым эхом в глухие колодцы слипшихся домов.

Бидбей шмыгнул носом и хлопнул себя по бороде, как раз по ягодицам нарисованной девицы. Она что-то пискнула и залилась стыдливой краской, но на её кокетство давно не обращали внимания.

– Это не просто… – забормотал Дивногорский.

– Чё ты вечно каркаешь? Надо Пушке звонить…

– Это не ошибка! Наше прошение положили в долгий ящик.

– Это на тебя положили! – снова заершился Бидбей. – Тыщу раз грил, не дразни. Сам местный стал после полдня…

– Зато из тебя травник ещё лезет…

Они разошлись на разные тротуары и пару минут с ненавистью смотрели друг на друга. Дивногорский морщился и мял бороду, так что тонко гремел разноцветный бисер. Его напарник быстро загорался, но и отходил так же. Он первый пересёк дорогу и вытянул из рюкзака два куска медной проволоки, изогнутые буквой «Г».

– Чё лупишься? Я стажёр – ты наставник, мне искать, развиваться и менять сознание. А тебе смотреть и поправлять, если косячу.

– Не тряси воздух, – буркнул Дивногорский. – Качай свой третий уровень. Рамка сама не ищет. Ищет разум! Инструментальная магия – штука капризная.

Бидбей зажал проволоку в кулаках и пошёл по улице, закатив глаза. Даже он слыхал, что такими костылями уже никто не пользуется. Есть же зелья расширяющие сознания, медитация и обряды. Он вздохнул и проворчал сквозь зубы:

– Кто ещё травник, – но продолжал концентрироваться на проволочной рамке, пока асфальт не побледнел до прозрачности слюды.

Полосы, похожие на отсветы фонарей, разбегались под его ногами в несколько слоёв. Сверху более яркие и сочные, а чем глубже, тем старее, бледнее и тоньше. Они перекручивались и сплетались между собой.

– Тут тебе не лес, не поле. В большом городе шишь определишь, где остатки одноразовых клятий, а где свежак. Слишком много источников…

– Кончай свои лекции!

– Наводка была верная, кто-то тут сильно незаконно наворожил.

Бидбей что-то прорычал в ответ. Рамка в его руках затряслась и концы разошлись ещё сильнее, хотя должны были сходиться при приближении к цели. Концентрация пошатнулась, поэтому пришлось брать себя в руки, останавливаться и вертеться, отлавливая эманации магических следов.

– Найдём остатки незаконных чар – получим хороший куш…

– В пень иди, училка! Нужно будет совет посоветовать, сам спрошу.

Дивногорский вздохнул.

– Вот, Азеф, напарник. А ты магоходная наводка с помехами на всех уровнях самосовершенствования.

Ему ничего не ответили. Слышно было только мягкие крадущиеся шаги Бидбея, и едва различимый, музыкальный звон медной проволоки.

– Глаза можно закрыть, а уши в трубочку свернуть клятьями, только обратно не развернёшь… или слышать не будешь… Зараза! С тобой и самоконтроль и накопленную энергию, всё на шишень растеряешь, – Дивногорский сделал несколько глубоких вдохов, особым образом выдувая воздух, так что снова загремел бисер, и продолжил спокойнее. – Остатки энергии от заклятий притягивает к энерговодам, поэтому их тут…

– Нашёл! – Бидбей застыл у прохода во двор. – Вроде жирное!

– А чего раньше не нашли?

– Так машина эта уборочная петлю перерубасила, она и замкнулась вся. А энергии много, ещё вот клятье какое-то нерабочее. Пушке звоним? Я сразу понял, что ты проверяешь. Обычно работать архимаг не заставит, а тут сам…

Дивногорский покачал головой.

– Много ты про меня знаешь. Я, в отличие от некоторых, к каждой чаре с чуйством, толком и расставушкой.

Он подошёл вплотную, заглянув через плечо более низкого, коренастого напарника. Концы рамки бились друг об друга и дрожали. Это уже был не нежный музыкальный звон меди, а тревожный грудной набат бронзы. Под асфальтом пульсировало ядовито-зелёное сияние, наполовину скрытое действующим энерговодом. Громадная труба аж сияла от потоков, текущей по ней магической энергии. Даже удивительно, как две проволоки могли пробиться через такие помехи. Только если клятье не такое уж нерабочее, как кому-то кажется. Было в этом мерзком зеленушном сгустке что-то угрожающее.

– Звони, конечно. Эта шишень нам не по рангу.

– Сам звони, – шмыгнул носом Бидбей. – Ты же наставник!

– Опять подписку связи не оплатил?

– Твоё какое дело? – взвился стажёр, пряча рамку в рюкзак. – Завидуешь, что я коплю и богатею, а ты дворником помрёшь?

– Лучше хорошим дворником, чем…

– Пошёл ты! – завопил Бидбей, но громадная труба в прозрачном слое дороги неожиданно загудела и заискрилась, так что оба отскочили, переглядываясь.

Ядовитое пятно увеличивалось с каждой пульсацией. Из него потянулись пугающие щупальца. Энерговод пока ещё притягивал сияющую опухоль, но уже не так настойчиво, как минуту назад.

Модные типы попятились.

Дивногорский сглотнул и распрямил ладонь. Покрутил пальцем, будто что-то катал.

– Старообрядец шишов, а ещё меня травником звал, – сплюнул напарник. – Катись-катись яблоко золотое по блюду серебрённому. Кажи гор высоту и небес…

– Не-бес-си! – Дивногорский согнул указательный палец, надавив на руну «подписка», а потом сжал ладонь в кулак, оттопырил большой и приставил к уху.

– Не отвечает!

– Опять пылью наужинался! – рассвирепел Бидбей. – Его ща всей архимаговой магистрацией не сбудишь. В контору звони!

Они так и отступали, а над дорогой, выгнувшись пузырём, продолжало разрастаться зеленушное пятно. Оно колыхалось, как заплесневелый холодец. Дрожало в нетерпении, искало их всеми отростками, постукивая по асфальту.

Дивногорский снова вжал руну «подписка» и опять покачал головой.

– Автоответчик! «Уберём В.В.», мы очень важны и нам обязательно ответят…

– На посохе эту клиенторинтировастей вертеть, МСБ зови!

Они сделали ещё несколько шагов.

Пятно продолжало надуваться. Тонкая плёнка охранных чар, пока сдерживала скопившееся внутри проклятье, но становилась всё тоньше и тоньше. Её растягивало, заставляя скрипеть и подвывать. От едва различимого писка свело челюсти и разболелись зубы. Магический дурман просачивался через остатки охранного клятья и расползался по округе зеленушным облаком. А когда Бидбей ткнул в руну «питание», отвечающую за исходящую энергию, чтобы подпитать плёнку охранных чар, пузырь разнесло от оглушительного свиста.

***

Барная стойка накренилась. Пятый Азеф хотел заказать ещё виски, но не мог решить какому из барменов. Так уж повелось, что они всегда видели, когда и кому хватит. Поэтому если потребовать ещё порцию у дурного морока, из заведения выставят проветриться. А дышать холодным ночным воздухом совсем не хотелось. Хотелось упиться, чтобы забыть обо всём на свете. Особенно…

– Твоему отцу это бы не понравилось!

Попытка сфокусироваться на пятне, которое перегородило половину барной стойки, провалилась. Непосильная задача – разобрать в мазне человека. Хотя голос слишком знакомый, чтобы не узнать.

– Особенно про моего отца! – недовольно гаркнул Пятый Азеф в мутное пятно. – Особенно про него! Уйди!

– Только не сегодня, – возразил слишком знакомый голос. – Началось!

Теперь уже накренилась не только стойка, а весь бар. Стул предательски скрипнул ножками и сбрыкнул. Кажется, до этого кто-то хотел встать и сбежать. Оставалось только вспомнить кто и куда. А пока можно было самоотверженно предаваться свободному падению. Он как пёрышко, покачиваясь, слетел вниз, и как мешок с дерьмом оглушительно грохнулся об пол.

– Внимание! – проревел знакомый голос. – Соблюдайте спокойствие, не пытайтесь противодействовать и вмешиваться. Работает Магическая Служба Безопасности!

В баре резко посветлело. На несколько мгновений мутное пятно на фоне яркой вспышки стало темнее, а потом на Пятого Азефа набросилась резкость, ясность и понимание. Вспомнилось всё, особенно то, что не хотелось вспоминать. Размякшим мышцам вернулась прежняя гибкость и сила. Ноги сами собой согнулись, распрямились и подняли его с пола. А голова начала подло соображать.

– Магическое воздействие в рамках операции МСБ – завершено! Возвращайтесь к своим делам. Спасибо за понимание!

Знакомый голос вырывался изо рта знакомого лица. Вот только видеть его хотелось ещё меньше, чем отца. Третий Азеф был на него похож: старообрядческая борода лопатой, строгие губы, длинный прямой канонический нос и сосредоточенные, непроницаемые глаза. Прямо герой батальной живописи. Ещё бы строгий деловой костюм заменить на мантию с посохом.

– Чего тебе?

– Здесь говорить не стоит…

– Иди ты со своей секретностью!

– Скоро все узнают!

Пятый Азеф не успел повернуться, застыв посреди бара. Чара впилась прямо в позвоночник, отбив на несколько мгновений все двигательные функции. Брат отца продолжил МСБ-шную операцию, подхватил его под руку и потащил в укромный тёмный угол, бормоча на ходу:

– Рано или поздно это должно было случиться.

– Ну, началось и началось. Я-то тут причём?

– Твоё «Уберём В.В.» напоролось на пандеклятье.

Весь испарившийся под чарами алкоголь резко впрыснулся обратно. Голова закружилась, а ватные ноги подогнулись. Даже дышать стало нечем. Спёртая дымная атмосфера бара не впихивалась в лёгкие, а застревала на подходах. Очень-очень захотелось умереть, но кто бы ему дал.

– Всё это нарочно? – еле выдавил Пятый Азеф.

Его швырнуло за маленький столик в углу, а Третий Азеф навис сверху.

– Смотри за Пушкиным днём и ночью…

– Так вот почему отец меня отпустил? Всё это было очередной разработкой? Мне позволили сбежать с ритуала? Дали бросить МСБ? Не помешали стать мусорщиком?

– У Пушкина проклятая руна. П-руна активируется…

– Внедрили без моего согласия и рассчитываете, что я поскачу под вашу дудку? Давно медкомиссию проходил?

Третий Азеф сел рядом и доверительно уставился ему в глаза.

– Брось эти штучки!

Пятый Азеф отвернулся и невольно прижал руку к сердцу. Сквозь рубаху засветились защитные руны, а чужие заклятья обернулись паром и поползли к потолку, перемешиваясь с едким дымом.

– Я думал ты недопротрезвел.

Оправдание прозвучало слишком по-детски.

– Засунь себе свои приказы туда, куда вы с папашей любите их другим совать!

Третий Азеф нахмурился и протянул руку, но получил по пальцам и замер. Руны под рубахой так светились, что Пятый Азеф почти растворился в их сиянии. И смотрел оттуда, как демон летнего затмения. Не мигая, только чуть щурясь. Его красные глаза посветлели. Разгладились даже мешки под ними. Зато от губ провалились упрямые родовые складки, и побритое лицо застыло.

– Забыл мой уровень, дядя?

Третий Азеф покачал головой.

– Вот и хорошо. Не придётся сжигать тут всё вместе с тобой.

Защитные руны погасли, и в баре окончательно потемнело. По изгибам дыма во мраке снова полилась незамысловатая мелодия. Исчезли грязные разводы на столах и тёмные багровые пятна на полу. Единственный скучающий бармен за стойкой перестал сканировать гостей единственным глазом и защёлкал длинным чёрным ногтем по бокалам. Их стеклянные бока звякали в ответ, очищаясь от липких отпечатков и мутного осадка на дне. У профессиональной магической подписки свои преимущества, одна помогает мусор убирать, другая посуда мыть, а третья алкоголь варить.

Пятый Азеф поднял руку и заорал:

– Двойной виски безо льда. Четыре раза.

– Пока ты нажираешься, твои новые друзья…

– Они мне не друзья.

Третий Азеф кивнул.

– Твои новые коллеги из «Уберём В.В.» умирают от проклятья.

Пятый Азеф только хмыкнул и почесал щетину на подбородке. Пора было побриться, а то волосня на лице сильно бесила.

– Тем более не понимаю, почему ты тратишь время здесь, а не спасаешь их от ужасного проклятья?

– Твой дядя уже погиб…

– Какой? По старшинству?

– Твой наставник в МСБ…

– Какой именно? По старшинству? – издевательский тон племянника настолько явно провоцировал, что Третий Азеф собрался и нехотя выговорил:

– Четвёртый…

– Он ещё и глухой! Двойное виски безо льда! – заорал Пятый Азеф. – Ничего не слышит, шишень. Поэтому я и сижу у стойки, – он попытался встать.

– Лучше бы ты пил дома, а не шлялся по…

– Сам пей…

– Пожалуйста, – протянул Третий Азеф. – Не делай вид, что тебе плевать. Он же твой дядя…

– Шмоня он конченая, а не дядя. Без него всем будет лучше.

Глядя на надменную усмешку племянника, дядя только вздохнул.

– Не прикидывайся, что не понимаешь, насколько всё серьёзно. Нас давно предупреждали, что невидимые враги нанесут удар в самое сердце России…

– Поэтому вы ждали двадцать лет и ничего не делали? Ещё заверни про маловажность талантов и одинаковые возможности для всех! Ежедневно отправляй всю энергию в оплату подписок и получай жалкие чары для безбедной жизни!

– А что не так? – искренне удивился Третий Азеф.

Племянник поджал губу, уже почёсывая не щетину, а шрамы на щеках, но сдержаться всё равно не смог.

– За сто лет не осталось настоящих магов. Одни тупые питалки, которые только копят и отдают энергию, больше ничего. Они без подписки стакан воды не наколдуют. Сидят в Паутиннике, жрут ненастоящую жрачку, пьют ненастоящее пойло и лятькают ненастоящих людей.

– Ты как недоколдованное клятье, каждый раз повторяешь одно и то же. Самому не надоело? Сейчас важно другое. П-руна Пушкина – отменит пандеклятье. Ещё же не все мозги пропил? Помнишь теорию? П-руна чаще всего активируется в том месте, где началось проклятье, тогда…

– Папаша наконец затопчет МИФ, всех спасёт, станет героем нашей великой страны и займёт место архимага? Азефы будут величайшим родом России и приведут страну к долгожданному светлому будущему? В котором всё равно останутся одни питалки, чаруши и брехня?

Третий Азеф встал.

– Зря ты так. Хоть попробуй отвези туда Пушкина, вот два адреса, – он смахнул что-то с ладони, и у племянника зачесалась руна «подписка» от полученного сообщения. – Позже пришлю тебе всё, что мы накопали.

– Секретные данные? – ужаснулся Пятый Азеф и заорал на ответный кивок. – Не лезьте в мои сны!

– Секретные данные передаются только по закрытым каналам.

– Проклятый род! Как вы меня достали! Отвали! Бармен, двойное виски безо льда!

Третий Азеф отступил на несколько шагов и снова превратился в размытое пятно. Прокрался по темноте и исчез так же внезапно, как появился. Только качнулась завеса дыма там, где он прошёл, и скрипнула невидимая дверь.

Тогда Пятый Азеф поглубже залез обратно в укромный тёмный угол и нажал ногтем на руну «подписка» на ладони. Оттопыривать пальцы и прикладывать их к уху, ему уже не требовалось. Двенадцатый уровень позволял слишком многое, чтобы отвлекаться на такую ерунду. В голове раздались гудки и приятный женский голос, сообщил, что ни Пушкин, ни Дивногорский, ни автоответчик «Уберём В.В.» не отвечают или не существуют. Немного поколебавшись, он представил, что хочет услышать Четвёртого Азефа. В ушах заиграла траурная музыка и густой, тягучий бас трагически произнёс:

– Скорбим. Наш друг, коллега и гражданин навеки отключён от общественной сети связи.

***

Открытая дверь подъезда очумело таращилась на появившихся из ниоткуда напарниц, а они во все глаза разглядывали вздувшийся пузырь проклятья, выпирающий из стены: от фундамента до второго этажа, и продолжающий расти. Сверкающая черта путеводной нити упиралась именно в него. Сыпались кирпичи и по штукатурке хрустели длинные трещины. Мигнул фонарь на столбе, и магический полог покоя, скрывающий верхние этажи и подавляющий звуки – отключился. Стали видны грозди высунувшихся из окон жильцов. Они тыкали пальцами, мяли в гримасах опухшие лица и кричали, перебивая друг друга.

– Отключили…

– …шаболды…

Алисса подскочила, как отпущенная пружина и скривилась. Болело колено. Приземление на асфальт не прошло даром, ещё и стрелка на чулках пошла, портя соблазнительный комплект с короткой юбкой. Но даже эта катастрофа не могла надолго отвлечь от жуткого пузыря.

– Никогда такого не видела.

Ей словно эхо вторили вопли из окон.

– Какого…

– …понаделали!

Лялька шумно втянула странный кисловатый запах и то же начала подниматься, отряхивая помятый брючный костюм. Оторваться от пульсирующего пузыря было трудно. Он гипнотизировал и лишал собственных мыслей, загоняя их в вязкую трясину кисельных внутренностей. Под тонкой плёнкой охранного заклятья, там куда указывала путеводная нить, что-то ворочалось и не находило себе места.

– Включите его немедленно!

Напарницы поморщились от крика, но не успели даже повернуться, как между ними ввинтился пёстрый ураган в безразмерном оранжевом плаще, состоящий из значков, шарфа и фенек.

– Немедленно!

Пузырь дрогнул в ответ на крик и продолжил расползаться по стене. По штукатурке потекла жирная вонючая слизь. Когда на неё попадал свет фонаря, было видно, что вокруг кружатся едва различимые пятна спор.

– Как его выключить? – отмахнулась Алисса. – Это проклятие высшей ступени. Впору архимага вызывать…

– Не выключить! А включить! Какое проклятие? Включи полог! По какому праву вы его отрубили? Жильцы в панике! Что не видите? Мы за него платим своей энергией! Мы имеем право…

– Да кто вы такая? – вмешалась Лялька.

– Я комендант дома! – гордо заколыхался пёстрый ураган.

– Мы ничего не выключали, нас вызвали на уборку…

– Тогда почему он отключился?

– Подписка закончилась? – съехидничала Алисса.

– Вы мне ещё похамите! – набросилась на неё комендантша. – Мы честное законопослушное население, всё всегда платим вовремя. Тут вам не голодранцы какие… Вы хоть представляете кто живёт в этом доме?

– Вы?

Лялька отступила на пару шагов, чтобы не стать новой жертвой пёстрого урагана, но на неё тут же посыпались угрозы из окон. Жильцы требовали спокойствия и тишины, а пузырь продолжал пульсировать и расширяться. Слизь дотекла до асфальта и зашипела. Свет фонаря вспыхнул ярче и в пузыре проступила фигура человека с закатившимися глазами и спутанной бородой.

В тот же момент за спинами напарниц заскрипели открывшиеся врата транспортного перехода. В воздухе протаяли четыре тёмных человеческих силуэта. Будто посреди Москвы в ткани мироздания продрали дырку в космос. В ней засветились звёзды и мигнуло разноцветное зарево. Оно заполнило тьму в силуэтах и стекло, оставив после себя четырёх бородатых парней, поскользнувшихся будто на банановых корках и кубарем покатившихся по асфальту.

– Магистра…

– еверного…

– окру…а…

– Чё за…

Чья-то нога в модном ботинке с загнутым на восточный манер носом перекинулась через чьё-то плечо. Руки оказались снизу под чужими телами, а полы плащей сплелись чуть ли не узлами. Пока они, цепляясь друг за друга, пытались подняться и сохранить остатки достоинства и самообладания, комендантша во всю глотку завопила:

– Это всё устрашистки! Покой поломали!

Бородатые парни едва успели пригнуться, как начавшие блёкнуть тёмные силуэты за их спинами загорелись вновь и сорвались с места. Полетели к подъезду, скрипя по асфальту и оставляя за собой след из искр и непроницаемой растянутой тени.

– Сдурела стерва? – попыталась вцепиться в пёстрый ураган Алисса.

Лялька сглотнула и прижала руки к бокам, чтобы не оторвало чарами. Тёмные силуэты перечеркнули улицу густой непроницаемой пеленой. Растянулись как резиновые, накрыли напарниц и втащили в себя. Пахнуло озоном и холодом, мгновенно сменившимся жаром сауны. Тьма прилипла к глазам, но тут же вспыхнула яркими сполохами. Промелькнул, словно на обратной перемотке, лабиринт в пирамиде. Копошащиеся внизу черви энерговодов под полупрозрачным коридором. Мигнуло на прощание радужное сияние, и их бросило вниз в бесконечный чёрный колодец.

– Шмоня-яяя!

От Алиссиного крика по спине пробежали мурашки, Лялька скукожилась ещё сильнее, но прижатые руки с силой оторвало от боков. Не помогла даже защитная руна на груди. Она попыталась засветиться, но сразу погасла, отозвавшись болью в сердце. В ушах засвистел ветер. Напарниц уносило в густую черноту колодца. Они падали всё быстрее и быстрее. Ветер зло шипел в лицо, отдаваясь звоном в голове. Прокатывался ледяными волнами по телу и трепал одежду. Становилось всё холоднее и страшнее. По коже пронеслись стада мурашей и исчезли в руках. Тогда из тьмы выскочили массивные кольца и наделись на запястья. Об них ударились ещё более тяжёлые браслеты, а следом совсем неподъёмные болванки-наручи. Они спрятали руны на ладонях, отняв доступ ко всем чарам магической подписки. Так резко нахлобучились

на кисти, что треснули ногти, но стоны заглушило звяканье цепей. От количества и сил наложенных чар волосы встали дыбом, а липкий холодный воздух прилип к коже.

– Хватит! – взмолилась Алисса.

Их с силой дёрнуло, остановило, резко развернуло и впечатало в пружинящую стену тьмы. Закрутило по часовой стрелке. Причёски окончательно распались. Штанины начали скатываться по ногам, а рукава по рукам. Алиссина юбка вывернулась и задралась. Теперь поехавшая стрелка на чулках особенно бросалась в глаза. Когда их повернуло головами вниз, из темноты выплыла бородатая рожа с яркими голубыми глазами.

– А-а-а! – заорала Лялька.

– Вы задержаны по пакту о предотвращении мирового устрашизма и пособничества невидимым врагам. После дознания будет выбрана мера пресечения.

– Кто вы? Что происходит? Где мы? – подключилась Алисса.

Огромная бородатая рожа, высотой с человека, висела в воздухе и слегка покачивалась. Там, где должна быть шея – не было ничего – только непроницаемая тьма. Плотная, вязкая, липкая, ворочающаяся – словно живая.

– Что вы видите?

– Что за вопрос? Какой-то шишев морок, придурошный розыгрыш. Башка отдельно от остального.

– Интересно, – закивала голова так, что затряслась борода. – Что-то ещё?

– Где мы?

– Как я уже сказал, вы задержаны Магическим Исследовательским Ведомством. После дознания будет выбрана мера пресечения.

– Где мы находимся?

– У нас, – терпеливо повторил дознаватель. – Вы видите что-то ещё кроме головы? Вы употребляли зелья…

– Нет! – закричала Алисса. – Мы ничего не видим. Мы не в управлении МИФ, в шишовом нигде.

– Без «Ф», нормально называй! МИВ! Шишень с тобой! Медицинское освидетельствование пройдёте позже. Что скажите о пособничестве устрашистам?

– Мы не виноваты, – старательно сдерживая дрожь, выговорила Лялька.

– В таком случае, – ещё сильнее заблестела ледяными глазами голова, – вас отпустят. Подробно отвечайте на вопросы.

Алисса напряглась, так что натянулись цепи, но только для того, чтобы сделать несколько коротких глубоких вдохов и шумно выдохнуть. После этого, она сразу же обвисла и закрыла глаза. А потом язвительно спросила, несмотря на шипение напарницы.

– А то чё?

Бородатая рожа довольно улыбнулась.

– Верну наших стажёров, которых вы оскорбили при неудачном выходе из транспортного перехода. Дам им возможность отомстить. Вас когда-нибудь драли в четвёртом?

– А вас?

Дознаватель довольно заржал.

– Поняла? Слишком красивая для умной…

– Бывают исключения. У тебя ни рожи, ни…

– Мы работаем в компании «Уберём В.В.», – перебила Лялька.

– Мусор убираем, понял, мусор? – подхватила Алисса.

Бородатая рожа засияла победоносной улыбкой.

– Не такая уж и умная, кукла. Может ты и поняла, что всё не по-настоящему, но надо ещё понять…

– Что это навь? Может ещё задвинешь, что она плохо изучена?

Дознаватель шумно выдохнул.

– Да почему у нас любая кукла в курсе государственных секретов? Кто вам сказал?

– Ходят слухи…

– Какие слухи? А… ладно… Раз вы в курсе, должны понимать, что это самый новый и опасный раздел чар. Побочных эффектов больше, чем потребителей подписок в России. Поэтому, быстрее отвечайте на вопросы. При длительном нахождении в нави разогревается головной мозг.

– Было бы что греть…

– Хватит! – заорала Лялька. – Мы будем сотрудничать.

Алисса покачала головой, криво улыбнулась и показала язык, но больше не болтала.

Дознаватель изучающе шарил по подвешенным кверху ногами девушкам, будто не услышав сказанного. От движений его глаз по коже проходил холодок. Особенно на обнажённых участках.

– Через десять минут температура вашего мозга повысится на пять градусов больше положенных сорока. А через полчаса…

– Пар из ушей пойдёт? – не выдержала Алисса.

Бородатая рожа стала ещё мрачнее.

– Поняла, что всё не на самом деле, но никак не поймёшь, что я могу порвать тебя на части, пережевать, выплюнуть и собрать обратно? И никто ничего не узнает. Да и кому придёт в голову защищать устрашисток.

– Мы не устрашистки! – в один голос выкрикнули напарницы.

– Как вы оказались на улице Свободы дом девять дробь одиннадцать?

– Нам позвонили, что там пандеклятье. Есть теория заговора… – выпалила Лялька.

– Я все их знаю. Что дальше?

– Сделали наводку магохода… повели транспортный переход туда, откуда поступил звонок…

– Дальше? – рявкнул дознаватель.

– А нельзя нас повернуть на ноги? – встряла Алисса, косясь на торчащие из-под задравшегося платья трусы.

Огромная бородатая рожа, высотой с напарниц, снова расплылась в гигантской улыбке.

– Нет. Так мозги скорее закипят. Продолжайте. Быстрее!

– У нас закончилась корпоративная подписка, пришлось отправляться экономом. Но проход вышел хуже, чем обычно, нас выбросило об асфальт.

– Почему?

Лялька попыталась пожать плечами, но оказывается, сделать это, когда висишь вниз головой, не так-то просто.

– Я первый раз, энергии было впритык или из-за проклятья…

– Зачем вы его навели?

Алисса хмыкнула.

– Ты что не понимаешь? – совсем расстроился дознаватель. – Навести проклятье во время празднования юбилея Великой октябрьской революции – всё равно, что наплевать на сто лет технического прогресса и магического равенства. Невидимые враги повсюду, а вы им помогаете.

– Мы ничего не делали!

– А чем вы занимались? Мусор убирали?

Лялька вздохнула.

– Наш куратор задерживался…

Бородатая рожа закачалась.

– Что уборщики четвёртого уровня полезли в клятья двенадцатого, расскажешь МСБ. Как вы убираете энергию?

– Издеваетесь? – зашипела Алисса.

– Пока интересуюсь.

– Я расскажу, расскажу, – зачастила её напарница. – Когда заклинания срабатывают всегда остаётся остаточная энергия…

– Всегда, у всех?

Лялька облизала губы.

– Творить заклятья без подписок и рун запрещено федеральным законом о магии. Всю свободную энергию надо передавать государству для противодействия невидимым врагам. Исключение для сотрудников силовых ведомств, целителей, мусорщиков… полный список не помню, но в критической ситуации население имеет право применять магию для спасения…

– Если питалки ещё вспомнят, как, – брякнула Алисса.

– Вы что-то имеете против большинства собирающего энергию на благо страны?

Ответом стала напряжённая тишина.

– Дальше! – рявкнул дознаватель.

– От неподписочной магии остаётся намного больше энергии. Потому что рассчитать её остаточное количество сложнее, – продолжила Лялька.

– Поэтому вы и охотитесь за запрещёнкой?

Напарницы совсем стихли. Несколько мгновений слышался только звон цепей. Молчала и гигантская бородатая рожа. В темноте за ней что-то двигалось. Плавали неясные сгустки ещё более чёрной материи.

– Знаете, когда открыли навь?

– Не отвечай…

– Ещё в пятидесятых. Тогда просто не хватило знаний и технологий. Люди попадали сюда и гибли. Недаром это место назвали подкоркой энергетического поля земли. Это подсознание нашего мира. Здесь столько страшных закоулков, что вы и представить себе не можете.

– Мы выполняли свою работу! – гордо заявила Алисса. – Делали мир чище. Вторичное использование энергии…

– Мусор – это вклад в будущее! – передразнил дознаватель. – Лучше заткнись! А ты продолжай про уборку!

– Даже без запрещённой магии всегда остаётся энергия. Подписка доступна всему населению, поэтому даже крохи превращаются в огромное количество. Мы её собираем и продаём. Её отправляют обратно на производство, подпитывают подписки… – затараторила Лялька.

Бородатая рожа сощурила голубые глаза.

– Которые делают нашу жизнь лучше?

– Мммы, – начала Лялька и сжала губы.

Алисса заморгала, но почти сразу вскрикнула:

– Он тебя проверяет! Ищет к чему прикопаться! Мы не помощницы невидимых врагов!

– А разве бывают другие устрашистки? – дознаватель шумно прочистил горло. – Если бы нам не были нужны все результаты испытаний в нави, давно бы засунул тебе твою подругу в рот. Заткнись! А ты докажи, что вы наши?

Лялька побледнела. Про Навь ходили жуткие слухи. Секретная разработка МИФ поглотила тысячи жизней и продолжала пожирать новые.

– Может договоримся? – подмигнула Алисса.

Бородатая рожа надула щёки и дунула так, что обеих вжало в стену тьмы, а браслеты так врезались в руки, что потемнело в глазах.

– Это всё в голове, – Лялька побледнела ещё сильнее и закричала. – Любовь к родине не доказывают! Тот, кто про это говорит, либо манипулятор, либо псих.

– Неужели? – набычился дознаватель. – Значит невидимые враги могут осквернить юбилей революции, а вы будете смотреть? Зачем чего-то доказывать, вы же, итак, настоящие патриотки?

Он не успел закончить, глубоко во тьме внизу бесконечного колодца зазвенел сигнал тревоги.

– Висите молча, пришли данные по проклятью, – мерзкая ухмылка растворилась в темноте.

Но напарницы долго не выдержали.

– Договоримся? Ты совсем? Ещё бы своими мужиками похвасталась, – взвизгнула Лялька. – Сколько у тебя их было? Полтора? Два миллиона?

– Не завидуй, девочка. Сохнешь по одному Пушкину, сохни молча!

– Да я…

– А я пытаюсь вытащить нас отсюда.

– Как? Переспать с этой башкой? Ты о чём-нибудь другом думать можешь?

– Могу, но доказывать тебе не собираюсь. Я не манипулятор и не псих.

Лялька покраснела.

– А кем ты себя считаешь?

– У меня нет папочки героя войны, чтобы меня отмазал.

Вместо ответа во мраке забряцали цепи.

– Никто вас не отмажет! – загремел дознаватель.

Его бородатая рожа снова закачалась в темноте.

– Вы мне надоели. По проклятью подтвердилось. Вы ни при чём. По остальному отчитывайтесь МСБ. Про Навь даже думать запрещаю – это гостайна!

Его язык вытянулся и оставил липкий след на Алиссиной ляжке. Слюна брызнула и на шею Ляльки. Жгло нестерпимо, но они не успели даже пикнуть. Шквал, задувший снизу, сорвал цепи и подбросил их вверх с такой силой, что перехватило дух. Сразу навалился дикий шум, и холодная темнота сменилась липкими объятиями людей. Обезумевшие жильцы вцепились в них со всех сторон. На их безумных лицах отражалось гнилое сияние проклятья.

***

Из бара пришлось выйти. Даже подписка «Магистр» не открывала магоход в помещении. Улица дыхнула непривычной кислой вонью и холодом. Пятый Азеф поморщился и царапнул ногтем указательного пальца по руне «подписка». Повинуясь беззвучной команде, появилась разноцветная воронка. В его версии изнанки пирамида сияла гирляндами из радуги. Плотный поток мгновенно пронёс его по неподвижному коридору до самого верхнего этажа. Окунул в сияние и тут же выбросил у старинной многоэтажки в русском стиле. Когда энергии столько, сколько не потратишь – магоход даже не откладывается в памяти. На самой крутой подписке «Магистр» – всё по-другому. Между ей и экономом, такая же пропасть, как между сияющим пиком пирамиды и её наичернейшим основанием. Но только не в этот раз. Витые колонны парадного подъезда чуть не въехали ему в нос. Сегодняшнее приземление показалось самым жёстким за все неисчислимые путешествия через изнанку. Некстати всплыла в памяти теория проклятий. Самые сильные из них сбивали любые чары, а значит дядино «началось», скорее всего, и правда, началось.

Он сплюнул на асфальт и, приложив ладонь к мраморному отпечатку у двери, беспрепятственно вошёл внутрь. Стилизованные сени с росписью раздражали. Давили псевдославянской роскошью и напоминали, кто правит Россией. Только потомок древнего рода мог позволить себе квартиру в центре. Пушкины славились воинскими заслугами за две сотни лет. А обычным героям без славной родословной доставались клетушки в коммуналках военного ведомства на задворках России.

Подъездный чаруша в образе огроменного котяры сизой масти дремал на скамье перед лифтами и даже ушами не повёл, хоть и почуял незваного ночного гостя сразу после перехода. Его тело покрывало слишком много рун, чтобы понапрасну рыпаться. Да и гербовый отпечаток Азефов на внешней стороне кисти мог распознать любой неуч. Даже чаруши понимали, на кого разевать пасть. А то развеют, и пикнуть не успеешь. Будь ты городовой, служивый или домовой на довольствии.

Пятый Азеф поднялся на седьмой этаж и некоторое время стоял у чужой двери, прислушиваясь. Ждал, когда его «обнюхают» и признают. Чары последней версии умного дома замечали всё и всех, даже лучше подъездного чаруши. Он погодил положенное, а потом вдавил кнопку звонка и прохрипел в глазок: «Счастие воскресило меня». Ответом стало едва уловимое постукивание изнутри. Дверь бесшумно отворилась. Оставалось только проскользнуть в тёмный коридор и прикрыть её за собой.

– Подождите, пожалуйста, хозяин без рода отдыхает. Я постараюсь его разбудить как можно скорее, но обещать не могу, – подобострастно пропел Изкурнож.

– Не подлизывайся, я сегодня не в настроении, – буркнул в ответ Пятый Азеф.

– Неужели что-то случилось?

– Любимый дядюшка умер, а моё старшинство всё равно очень далеко.

Незваный гость сбросил блестящие ботинки и прошёл на кухню. Света из окна было достаточно, чтобы не включать свет.

– Налей холодной водички, горло пересохло.

– Чары «трезв как стекло» нарушили водно-солевой баланс, поэтому вы себя плохо чувствуете. Рекомендую натриевую минеральную воду. Подать в настоящем стакане?

Иногда казалось, что тщательно выверенные и перепроверенные чары, даже такие дорогие как умный дом, сбоят. Или того хуже, стали слишком разумными и позволяют себе насмехаться над создателями.

Пятый Азеф потряс головой. С похмелья, посреди беспокойной ночи, ещё и не такое причудится. Надо расслабиться и перестать нервничать, чтобы не наломать дров. Он согласно махнул рукой и у муравлёных изразцов кухонного фартука тут же появился комплект стаканов на подносе, в которых шипела минералка.

– Хозяин почти проснулся, – неопределённо отозвался Изкурнож.

– Опять на пыле сидит?

– Иначе его мучают кошмары, спать совсем не может.

Пятый Азеф взял стакан. В нём как будто была газированная вода, но нам самом деле не было ничего. Только изуверски выверенное, подобранное первоклассными нюхачами и вкусачами заклятье. Вкус у поддельных Ессентуков был что надо. Почти как у настоящих, которые он пробовал во время войны на юге. Почти, но не со всем. Или всё это из-за того, что было с чем сравнивать? Ведь всё в голове. Он опёрся на кухонный стол. От резко наступившего похмелья хотелось не только пить, но и зверски есть. Особенно какой-нибудь жирной, солёной, кислой гадости.

Чересчур умный дом словно почуял его желание. Рядом со стаканами на подносе появилась тарелка. В ней даже начали высвечиваться контуры чего-то похожего на гамбургер. Поэтому чтобы не соблазниться на фальшивку и не сожрать начарованную еду, пришлось что-то говорить:

– Хозяин разрешил говорить со мной откровенно?

– Уже давно.

– Он на восьмом уровне, я правильно помню?

– Так точно.

– Сколько он должен собирать энергии за сутки? – Пятый Азеф допил минералку и поставил стакан обратно на серебряный поднос.

Умный дом сделал вид, что подсчитывает. Эта его привычка прикидываться живым, жутко бесила.

– Пришёл мои доходы считать? – раздалось из коридора.

Пушкин в одних трусах, покачиваясь, зашёл на кухню, щурясь и потирая нос.

– Четыре месяца уже ничего не собираю. Спать не могу, не восстанавливаюсь, энергия не копится. Был бы заштатным воякой, сдох бы с голоду. Ни на одну подписку не хватило, даже на государственную для малоимущих.

– Она вроде бесплатная…

– Ага! Только есть минимальный энергосбор – шестнадцать тысяч двести сорок две маны, как молодёжь говорит, в месяц.

– Повезло родиться с родословной…

– Да иди ты!

Пятый Азеф натужно засмеялся:

– Откажись!

– Я энергию не по старшинству получил, я за неё отвоевал. Изкурнож!

После крика у стола тут же появились два стула. Пушкин сел, продолжая мять опухшее лицо.

– Мой папаша обрюхатил мою мамку случайно. Она была из простых. Её даже по отчеству никто никогда не называл, не то, что по роду. Да и меня бы никогда не посвятили, если бы не война. Знаешь, что свою воинскую повинность можно передать незаконнорождённым сыновьям? Признаёшь, берёшь в свой род и вперёд, на двадцать пять лет в мясорубку. Если вдруг чудом выживет, получит право на наследство, в самом конце списка после троюродных дядек и тёток. Мне просто повезло, что Пушкины вымерли. По старшинству мне ничего не светило.

– Ещё какие-нибудь родовые тайны расскажешь? – поинтересовался Пятый Азеф, подхватил ещё один стакан минералки и сел напротив хозяина квартиры.

– Мне всё хуже с каждым днём. Слышал, если перейти на следующий уровень, может помочь. Говорят, что сейчас перескакивают на зельях. Ты же в этом разбираешься?

– Иногда забываю, что ты двадцать пять лет воевал и совсем выпал из жизни.

– Я в неё и не западал. Говорю же, мать из простых. Никаких излишеств, никаких надежд, никаких изменений – маленький городок за Уралом.

Пушкин заёрзал, но всё-таки попросил:

– Поможешь?

– На зельях хорошо качаться с пятого по восьмой. Получается очень быстро и почти без последствий. А дальше лучше всего на стрессе и перегрузках, поэтому меня сослали на войну, чтобы вылез на двенадцатый. Дальше уже даже стрессаки не помогают, только что-то редкое и эксклюзивное, – Пятый Азеф шмыгнул носом, давая понять, что сочувствует.

– То есть, если бы меня перед тем как отправить на фронт прокачали…

– Ты бы уже был на двенадцатом, это точно.

Пушкин сжал зубы.

– Совсем без вариантов?

– Помнишь того выскочку Хлестова?

– Одиннадцать с половиной?

– Он пытался вылезти на зельях. Зассал на войну идти. Находил самую лютую дурь, расширяющую сознание. Вылез за девятый и поверил, что так и будет дальше. Достал какой-то кактус из какой-то сакральной пустыни в жопе мира, сожрал и начал медитировать, – Пятый Азеф допил воду и взял следующий бокал. – А потом куда-то пропал на полтора месяца, вернулся с одиннадцатым уровнем, но без половины лица и вообще весь пожёванный. Всё ещё хочешь попробовать?

– На рожу мне плевать, он же не из-за зелья такой придурок?

– Это уж точно, – хмыкнул ночной гость и, неловко дёрнув рукой, столкнул полупустой бокал на пол.

Стекло разлетелось вдребезги, а Изкурнож начал прибирать, что-то тихонько бормоча своим мурлыкающим голосом.

– Не пойму, зачем тебе эта посуда? – проворчал Пушкин. – Без неё ведь всё то же самое.

Пятый Азеф усмехнулся.

– Ты точно из-за Урала! Сравни это наколдованное дерьмо с настоящим, сам поймёшь, и всякие чаруши в башку лазить не будут. Питалки перестали по-настоящему есть и пить – посмотри на них. У энергопитания есть преимущества? Это иллюзия…

– Опять?

– Ты сам спросил. Мог бы и послушать. А то одному пить скучно, поговорить не с кем.

– Жри пыльцу и болтать не захочется, – промычал Пушкин.

– Я не затем пришёл. Меня дядя навестил, обломал весь кайф и предупредил, что началось!

Рука хозяина накрыла п-руну на плече.

– Не чувствую.

Пятый Азеф пожал плечами.

– Тебе виднее. Она ведь настраивается на одного хозяина. Иначе бы тебя уже давно прижучили МСБшники или МИФологи. Сидел бы в каких-нибудь застенках… или того хуже в нави. Они соревнуются, поэтому… в общем пандеклятье сейчас всем выгодно! Они ждут, когда твоя п-руна активируется, чтобы всё заграбастать… тебя теперь пасти будут днём и ночью. А ещё наш куратор погиб, и другие могут…

Пушкин подскочил.

– Чего же ты рассиживаешься?

– Я до них не дозвонился.

– Иногда, мне кажется, что ты полный псих!

Пятый Азеф снова пожал плечами:

– На себя посмотри.

Хозяин убежал в комнату.

– Ещё чего-нибудь пожелаете? – угодливо уточнил Изкурнож.

– Прикончи меня, пожалуйста.

– Ты обещал мне помочь! – прилетело из комнаты.

– А кто поможет мне? – вздохнул ночной гость.

– Что я могу для вас сделать? – тут же пропели чары умного дома.

Пушкин вернулся на кухню уже одетый.

– Тебе дали адреса, где началось проклятье?

– Конечно, – пожал плечами Пятый Азеф.

– Вот же… я специально организовал «Уберём В.В.»! Мы три месяца искали место, где всё началось по всей Москве. А тут раз и всё!

– Это МСБ, детка, – вздохнул ночной гость. – Они всё знают, только говорят тогда, когда им это выгодно.

– Ладно, погнали. Куда сначала?

– На улицу Свободы, оттуда поступил первый сигнал.

***

…асфальт на ощупь тёплый и шершавый, как шкура мифического горуныч змия. Так же изгибается и струится волнами, напрягаясь на боках. Истончается ближе к крыльям, а к лапам наоборот грубеет и становится твёрдой и убийственно опасной, как алмазный клинок…

– Ты совсем больной?

– Что? – не понял Дивногорский.

– Усрался со страху? Говно в мозг полезло?

– Я это вслух сказал?

– Пять минут какую-то шишень несёшь? – вздохнул Бидбей. – Мне тоже шишово, но я-то держусь.

Они посмотрели вверх, но не увидели ничего кроме надутого пузыря. Его ядовитого блеска и готовых сорваться вниз капель яда. За пределами вздувшейся опухоли проклятья суетились тени, похожие на магов МСБ. Они настраивали размытое оборудование, перемигивающееся тусклыми огнями, что-то глухо кричали и вроде бы ругались.

– Вытащить нас хотят…

– Это у меня говно в мозг полезло? – удивился Дивногорский. – На нас с тобой им насрать. Мы кто? У меня обнищавший род. Мой дед ещё пятьдесят лет назад всё проиграл. И почёт, и уважение, и влияние, и всех питалок. Ничего не осталось по старшинству передать, ни капельки маны. Мать в общаге учительской померла.

– Вот ты чего на училку оскорблялси. Больше не буду. Не ссы, нас стоманово вытащат, – заворчал в ответ Бидбей. – Иначе бы не шмыгали округ.

Смех в пузыре звучал как-то по-другому. Глухо, невнятно, скорее насмешка или звериное урчание. Поэтому и вызвал новую порцию стажёрского гнева.

– Тебя, придурка, не вытащат…

– А тебя? Ты вообще кто? Откуда у тебя такой род? Ты же…

– Как ты мня задолбал!

Они снова схлестнулись в молчаливом поединке, но, как и в предыдущие разы, чары не сработали. Даже энергических брызг не вышло. Вообще ничего. Один почти неразличимый пшик.

– Так кто же ты? – не унимался Дивногорский.

Снаружи в пузырь врезалось что-то тяжёлое и, может быть, даже смертоносное, но мусорщики так и остались лежать, приклеенные зелёными лужами к асфальту. За первым ударом последовал второй, третий, четвёртый и пятый. Зелёный полог затрясся, но устоял. Только под куполом закружились жирные споры.

– Точно угробят…

– Да с чего ты…

– Они вообще что-нибудь хорошо делают?

Бидбей поморщился.

– Что тебе плохо?

– Подписки, например, – взъярился Дивногорский. – Какого шишеня я сам колдовать не могу? У меня хорошо получалось, пока всем не запретили…

– Оттого ты помойки гребёшь? Тута можно?

Смешок стажёра получился настолько ядовитым, что ещё сильнее подпитал разрывающую изнутри ярость.

– А что ещё делать, если ничего нельзя? Для моего же блага, разлелять, её лелять! А то вдруг поранюсь, или проклянусь, или вообще самоприворожусь!

– Не лятькай, притянешь заразу какую…

– Какую? МСБ уже тут! Хуже них только МИФ.

Они снова задёргались, но чары так и не складывались, поэтому пятый поединок вышел не полезнее предыдущих. В этот раз даже пшика не подпустили.

– На кой те колдовать? Подписка же всё делает…

– Что всё? – заорал Дивногорский. – Мне половина того, что в ней есть не нужно, но я за всё плачу своей энергией, которую мог бы потратить на то, что на самом деле хочу. Мне, а не им. Подписку уже даже отключить нельзя.

– Можно!

– Как?

– В полнолуние надо выйти…

– Пошёл ты на свой хутор, травник шишов!

– За травника сглажу! – Бидбей попытался повернуться и залепить напарнику кулаком по лицу, но так и не дотянулся.

– Они всё врут, не отключается она больше. Выбора нет! Или ты во всё веришь? Что детям, которые энергию вообще не собирают – надо помогать! Что пенсионерам, которые забывают подписки оплачивать – очень нужна наша мана! Что архимаг достиг двадцатого уровня, потому что особенный? Да? Слава ему, гению сраному?

– Да! Детям надо помогать.

Дивногорский зарычал сквозь зубы, но сдвинуться с места не смог.

– Да, ладно?

– Дети за себя постоять не могут.

По пузырю снова что-то забарабанило, но он больше не прогибался, только глухо звенел как мусорное ведро.

– Ты голодал? – прорычал Бидбей. – Хочешь узнать мой род? На! Тот самый Бидбей, которого архимаг лобызал после взятия Крыма, не особо держал член в штанах. Махал им направо и налево. Поэтому у него таких, как я, полстраны.

– Приблудам в роду места нет.

– А меня и не звали! – ещё сильнее завертелся стажёр. – Я малым о подписке только мечтал, нам жрать нечего было, всё что копили даром в закрома родины отбирали. Знаешь каково? Война прожорливая шмоньища, её питать надо. Только крутые рода всякими геройствами балуются, пока их питалки питают. А приблуд кормить вообще не надо. У нищих слуг нету.

На этот раз Дивногорский промолчал. Хотя вопрос: «Чего же ты тогда в них так веришь?», и вертелся на языке.

– Мы и кормили, как могли. Фронт то рядом был. Кто если не мы? А когда минута свободная выпадала, нас обучали, как вырабатывать для страны ещё больше энергии. Самых толковых дрочили до обмороков. Тогда в меня дар и открылся. А таких уже не до обморока – до смерти дрючат! У всех тысяча маны в день, у меня две. Представляешь каково? Когда у тебя под кадык энергии, но кишки от голода воротит? Её трогать нельзя – она для страны. И всё заново. У всех четыре, у меня восемь, а то и десять.

– Ты питалка?

– Глухой что ли? – зашипел Бидбей. – Говорю же, дар. Так мне и втолковывали всякие техники и приёмы. Наши, ихние. Любые, хоть невидимых врагов, лишь бы собирал побольше маны… энергии вашей. Только как ей отъесться не учили.

В пузырь снова загрохотали снаружи, на этот раз намного сильнее. Он закачался и в куполе раскрылись едва различимые отверстия, выпустившие поры.

– Сейчас нашим спасителям достанется, – с усмешкой пробормотал Дивногорский.

Размазанные пятна МСБ-шников и, правда, забегали, раскричавшись сильнее прежнего. Удары в пузырь прекратились. Стали слышны стоны и подвывания. Совсем тихие, но от этого даже более зловещие.

Напарники прождали ещё две минуты и всё стихло окончательно. Оттащили в сторону даже тускло мигающее оборудование.

– Ничего, сейчас перегруппируются, – промычал Бидбей. – Пушкин наверняка уже с ними. Он нас не бросит. Точно поможет.

Остатки спор уже не кружили наверху, а медленно парили, опускаясь к застрявшим в масляной луже жертвам. Они задёргались ещё сильнее, пытаясь отталкиваться ногами, руками,

колдовали на ходу, но ничего не получалось, хотя все руны на руках невыносимо сияли. Только оставили кожу на асфальте и растратили остатки сил и запасы энергии. Пузырь впитывал все их старания, и мерзкие споры жирнели на глазах. Надувались, лоснились и падали с глухим хрустом. А на их останках поднимались ядовитые зелёные цветы. Полупрозрачные, чахлые и дрожащие от потустороннего холода, словно их корни прорастали из нави.

Сколько Дивногорский не вертел головой, одно из зеленушных пятен всё равно опустилось ему на щёку. Бедняга взвыл, затрепыхался, но так и не оторвался от кисейной жижи. Запахло палёным. Ядовитая спора впилась в кожу и прожигала её, ввинчиваясь всё глубже и глубже. От напряжения голова дёргалась с такой силой, что вырывала прилипшие к асфальту волосы. Траурно гремел вплетённый в бороду бисер.

– Не будешь на других наговаривать и лятькать, – проскрипел Бидбей.

Снаружи снова началась нездоровая суета. Размытые пятна МСБ-шников рассредоточились вокруг пузыря. Встали на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и Дивногорский заскрипел болезненным смехом, продолжая морщиться от боли. Спора уже растеряла весь жар и яд, но продолжала ворочаться внутри его щеки.

– Сейчас нас так спасут, что мокрого места не останется.

– Чего это они? – заволновался стажёр.

– Не видел такого? – горько усмехнулся наставник. – Это жертвоприношение. Развоплатят нашишь, вместе с этой зелёной дрянью.

– Нееет…

– Тысячу раз, да! Поэтому исповедуйся быстрее. Потом поздно будет, питалка шишова. Ты что с луны свалился? Питалки колдовать не умеют! Так чего ты мне заливаешь?

Бидбей ошалело таращился на перегруппировку МСБ-шников. Голая девица на его бороде совсем поблёкла и растворилась в крашеных волосах. Они уже торчали грязными ветками старой метлы, а ядовитые отсветы пузыря делали их болезненно издыхающими.

– Не может быть. Не может быть. Не может бы…

– Ещё как может. Что? Где твой Пушкин? А папаша? Что больше не поможет, брехло?

– Он сроду не помогал, – следом за бородой поблёк и голос. – Его не трогали приблуды.

– Вот так новость! – не сдержался Дивногорский.

И чтобы не видеть его надменную породистую рожу, Бидбей закрыл глаза. Презрительные взгляды преследовали его всю жизнь. Видеть их перед смертью – это уже чересчур.

– Меня спасла госпрограмма развитого здравахрения. Они делали донорские операции. Папаша чего-то подхватил на фронте и болел сильно. Мана из него прямо хлестала, целители только руками разводили. Говорили идти в Навь…

– Это и магией то назвать нельзя. Там ещё ничего не изучено, – Дивногорский снова завертелся.

– Развивают госпрограммами…

– Экспериментаторы шишовы, – наставник попытался сплюнуть, но не смог вывернуться и попал себе на подбородок.

Плевок растёкся пеной по бороде.

– В этой программе… транспла…с…тации только родственники могут. Какая-то совместимость. Вроде как защита простых людей от бесправия власти.

Дивногорский презрительно заржал, но Бидбей его уже не слышал, продолжая бормотать. Ему становилось всё хуже и хуже. К нему словно какой упырь присосался. Силы таяли так стремительно, как из смертельной раны выплёскивается ещё горячая кровь. Спину простреливало от леденящей стужи, а лоб покрылся болезненной испариной.

– У всех нас в мозгу зона есть, которая за воображение. Она то и нужна была папаше, чтобы выздороветь. За то он и дал мне род. Начали готовиться. В больнице очень хорошо кормили и не отбирали энергию, даже подписку с мультиками подарили. Научили энергопитаться.

Помнишь, как у тебя в первый раз? Какой вкус? – не дождавшись ответа, Бидбей продолжил. – Я попробовал куриный бульон. Он похож на отвар из борщевика. Мы его варили потому, что больше ничего не было. Никогда не думал, что он как цыплёнок. Так и стоит во рту егойный вкус. Там было очень хорошо и спокойно, а потом этот… папаша умер без операции, а я так и остался с родом, но без маны… по старшинству я в самом конце… зато… у меня есть дар.

– Вот вместе с ним и сдохнешь, питалка брехливая!

Снаружи раздалось монотонное гудение, так что пузырь покрылся мелкой рябью и задрожал.

***

Чары даже не загорелись привычным внутренним огнём сожжённой энергии. Лялька пискнула что-то невразумительное, а Алисса въехала локтем под дых комендантше, но это ничего не изменило. Жильцы дома окончательно сдурели. Чьи-то руки вцепились ей в волосы, кто-то схватил за плечи, больно ущипнул за спину, облапал задницу. Им под колени ткнулось что-то острое и напарницы начали падать под напором толпы.

Если бы внутри осталась хоть капля энергии, можно было отбиться, но… Визг тормозов резанул по ушам и отозвался смачным ударом, подкинувшем несколько человек в воздух и разметавшим остальных. Мимо проскребла когтями по асфальту мусорная машина. За толстым стеклом моргнули ошалелые глаза бородатого водителя. Чары точно копировали заложенную мимику, но несмотря на дикий взгляд чаруши, в них всё равно не хватало чего-то живого. Наверное поэтому, потерявший управление мусорщик выжал из Алиссы нелепую улыбку. Лобовое стекло над клешнями-мусоросборниками треснуло, когда в него воткнулась комендантша. Осколки почему-то полетели внутрь. По крыше стукнула выгнувшаяся рука, оставив кровавые разводы, и пёстрый балахон мятым кулем заскочил внутрь, запутавшись в кислотно-зелёных полимерные кишках, жирных от масляных разводов и собранной энергии. Битые стёкла насквозь прошили бородатую рожу, и начарованный водитель исчез. Чары рассеялись, машина растеряла сказочную внешность и превратилась в железную коробку, которая разворотила толпу, почти доехала до подъезда и упёрлась в облупленную штукатурку передней колонны.

Высоко над головой что-то надрывно гудело и кружило в темноте. На асфальт с грохотом рухнули два бесформенных ящика, которые до потери чар, скорее всего были чарушами доставки. Вокруг сыпались другие пластиковые квадраты, круги и прямоугольники. Как по команде взвыли сирены оповещения.

Напарницы успели пробежать злосчастный дом и свернуть за угол, но тут же наткнулись на ограждение из хмурых сотрудников МСБ в парадной форме. Нелепые мантии с аксельбантами и тонной бесполезных амулетов хорошо привлекали внимание. Да ещё их символ – посох, протыкающий змия – сверкал на полквартала.

– Вернитесь в карантинную зону… – начал один из МСБ-шников, но его перебила молодая блондинка со стянутыми в хвост волосами.

Ей нелепый наряд даже шёл. Ещё больше подчёркивал поджатые бледные губы, сморщенный нос и сощуренные серые глаза.

– Вы две идиотки из «Уберём В.В.», – вроде бы вопросительное предложение, прозвучало с яростной уверенностью.

Напарницы даже ответить не успели, а их уже опять втянуло в жерло транспортного перехода. Мелькнула радужная пирамида и врата раскрылись в глухом тёмном колодце с зарешеченными окнами. Ни одного выхода, только уходящие в бесконечность ночи стены.

– Не дёргайтесь! За мной, молча, – повелела блондинка.

– Да кто ты такая? – рассвирепела Алисса.

– Инспектор Цветуллина! Твой куратор погиб, а ты даже… Завали чароболку и умоляй Энерполза.

Лялька что-то пискнула, послушно плетясь следом, а её напарница сдаваться не собиралась.

– Мы его предупредили…

– Из-за таких как ты, женоненавистники думают, что могут делать с нами что хотят.

– Это ты к чему?

– А то ты не поняла!

Они вошли в заднюю дверь и сразу загорелись сдерживающие чары, оставив на запястьях следы, похожие на отпечатки железных наручей. Алисса скривилась:

– У нас, итак, энергии нет…

– Лучше молчи! Дежурный! К следователю этих!

За решётчатым окном сердито зарычал огромный пёс-чаруша с шипастым ошейником на мясистой шее.

– И не вздумайте здесь жопами крутить, – зашипела Цветуллина, развернулась и зашагала в темноту коридора.

Напарницы остались у дежурки, настороженно оглядываясь. Без лишних вопросов протянули руки ладонями вверх. Перед тем как подтвердить личность, пёс лизнул их, чтобы убедиться, что руна «пополнение», отвечающая за получение энергии, заблокирована.

– Согласно федеральному закону о энергоресурсах, задержанные на территории силовых ведомств не имеют права накапливать энергию…

– Мы и так на мели…

Пёс-чаруша за решётчатым окном предупредительно зарычал, сверил их личные руны из руны «грамота» с хранилищем данных МСБ и глубокомысленно кивнул.

– Идите в двести четвёртый кабинет, – прогавкал он.

– Что это было?

– Всё из-за тебя, – заныла Лялька, почёсывая шею. – Сидели бы в конторе и горя не знали.

– Теперь узнаешь!

Они поднялись по лестнице. Свет проливался только из окон, поэтому дальше пробирались на ощупь, присматриваясь к каждой двери, пока не нашли нужную. В районном отделе МСБ как будто не было ни души, только духота и уныние.

Алисса потёрла ногу, там, где её коснулся язык дознавателя, и уверенно постучала, но ответа не последовало.

– Уснули там что ли?

– Не ори! – всполошилась Лялька.

– А то что?

Разобраться в том, что будет, они не успели, дверь заскрипела и открылась. Во мраке комнаты за столом полулежал мужчина в мятой рубахе, расстёгнутой до волосатого пуза. В коротко стриженной бороде застряли крошки, а поросячьи глазки болезненно щурились даже от тусклого света.

– Совсем сдурели? – проворчал он. – Сидели бы тихонько, целее бы остались. Итак, уже понаворотили дел.

– Хватит пугать, мы ничего не сделали!

Следователь поморщился и покосился на ладонь.

– Ничего? Как самонадеянно. В лучшем случае, пятнашка.

Уточнять он не стал, а отвалился назад на спинку, растирая и без того красные глаза.

– Такой сон снился… с такой тёлкой…

Лялька пискнула от возмущения, но её перебила Алисса. Она встала в проёме, широко расставив ноги, и без того тонкая юбка почти окончательно растворилась в свете из окна.

– Давайте знакомиться?

– Поближе? – усмехнулся красноглазый.

– А насколько близко надо?

– Посмотрим… – он снова уткнулся в ладонь. – Обвинения в устрашизме…

– Сняты! – отчеканила Алисса.

– Вижу… зато остались обвинения в нарушении режима…

– Это штраф!

– Обычно, да, но сегодня ввели комендантский час!

– Когда мы приняли вызов ещё не было, – попыталась Лялька.

Следователь вздохнул.

– Комендантку вводят не с минуты, и даже не с часа, а с дня целиком. Получается, что вы нарушили не просто режим колдовства для младших уровней. Вы забили на комендантский час, а это уже не штраф. Если добавить сюда гибель куратора при исполнении, по адресу, который вы ему выслали.

– Это он был в пузыре? – Алисса покачнулась.

– Его тело, – поправил красноглазый. – Признаки жизни давно отсутствуют. Любое дело выглядит настолько мерзким, насколько его подать, – он покачнулся в кресле и мотнул головой. – С одной стороны: вы приняли заказ, больше напоминавший розыгрыш про пандеклятье. Предупредили куратора и даже дождались его, прежде чем начать активные действия. Вы же видели его тело под куполом проклятья? – он кивнул сам себе. – Вы не использовали никаких чар, не противодействовали сотрудникам МИФ и даже не нанесли никому особого вреда, исключительно в целях самозащиты.

– Так всё и было, – подтвердила чуть успокоившаяся Лялька.

– С другой стороны: вы нарушили режим во время комендантского часа, обманули куратора, в результате чего он погиб, – следователь печально вздохнул. – Противодействовали сотрудникам МИФ и даже нанесли им вред при выходе из врат транспортного перехода. Молодые ребята ведь повалились с ног ни с того ни с сего. Может это козни вражеских ведьм?

– У нас энергия на нуле…

Будто не расслышав, красноглазый продолжил бубнить:

– Подвергли опасности жителей дома девять дробь одиннадцать по улице Свободы. Две женщины доставлены к целителям, десятерым нужна максимальная медподписка для скорейшего выздоровления. Кто её будет оплачивать, если у вас энергия на нуле? Всё это тяжкие нарушения, а если вспомнить, что сегодня юбилей революции, то всё тянет на максимальный срок.

Алисса повернулась к напарнице:

– Будешь звонить папочке или сами сообразим?

Та глянула на вспотевшую ладонь и затряслась. Все руны были отключены ещё при входе в отделение МСБ.

– Я так и думала, – одобрительно качнулась рыжая голова. – Взрослые девочки всё решают сами. Особенно когда и с кем.

– Проходите, – донеслось из комнаты. – Только по одной. Я, конечно, хочу обеих сразу, но лучше одна на шухере постоит.

Алисса снова повернулась:

– Первой пойдёшь или побережёшь себя для Пушкина?

Лялька совсем сникла и замотала чёрными волосами.

– Я так и думала, – отозвалась напарница и больше не говорила, но губы продолжали двигаться, пока она спиной отступала в кабинет.

Сразу разобрать, что она шепчет, не получилось, но скоро стало понятно «беги», а через несколько мучительных мгновений удалось различить и «Цветуллина».

– У меня энергии нет, помнишь?

Следователь усмехнулся и по-барски махнул рукой. На мгновение сдерживающие чары на Алиссиных запястьях потускнели, а руна «пополнение», наоборот, вспыхнула, но почти сразу потухла.

– Хватит, – пропыхтел он.

Алиссу развернуло и внесло в кабинет. На несколько мгновений она исчезла в темноте, но потом её сияющую фигуру шмякнуло животом об стол так, что подпрыгнула задница. Она что-то простонала, но больше не двигалась, только вцепилась в столешницу. Юбку задрало на спину сквозняком, и дверь захлопнулась. В тишине пустынного здания раздалось оглушающее лязганье, будто мебель ездила по полу. Скрип-скрип. Скрип-скрип. Скрип-скрип. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

У Ляльки заложило уши. Она подскочила. Шагнула в одну сторону, потом в другую, а когда напарница сдавленно вскрикнула, бросилась к лестнице и почти свалилась к зарешеченному закутку.

– Инспектора Цветуллину, быстрее! – заорала она.

Пёс-чаруша правдоподобно подскочил от неожиданности и, задрав морду к потолку, завыл.

– Я хочу во всём признаться, пожалуйста.

– Что за вопли? – давешняя блондинка подошла сама.

Лялька вцепилась в неё, почти затащив на ступени.

– Он… напал… затащил в кабинет! Помогите, пожалуйста. Мы ничего, а он всё по-другому преподнёс! Сказал, что пятнашка. По максимуму, требовал блуду… – у неё сел голос, но Цветуллина, итак, всё поняла.

Её глаза заблестели. Волосы мгновенно наэлектризовались и встопорщились. Инспекторшу приподняло над лестницей и вместе с задержанной занесло на второй этаж. Мимо промелькнули запертые кабинеты. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы – свет так быстро сменялся темнотой, что зарябило в глазах. Начало даже мутить, особенно, когда они резко остановились перед табличкой «двести четыре». Под взглядом Цветуллиной жестянка раскалилась и обуглила дерево вокруг. Дверь распахнулась с такой силой, что её чуть не сорвало с петель. Сдавленно хрипнул следователь со спущенными штанами и придавленная им к столу Алисса.

От вспышки Лялька на мгновение ослепла и поспешно зажала уши от душераздирающего крика.

***

Они прибыли в контрольную точку магохода, почти у самого оцепления. До него оставалось метров пятьдесят.

– Может здесь получится, – проворчал Пушкин.

– Может и нет, – пожал плечами Пятый Азеф. – П-руна активируется не только в месте, где началось заклятье. Всё зависит от фантазии проклинателя.

Он пошёл первым, выставив перед собой повёрнутую внешней стороной кисть. Свет вырывался из кожи и складывался в родовой герб: глухой рыцарский шлем с красными глазами призрака. Младшие МСБ-шники молча разошлись, но один из старших всё-таки предупредил:

– Зона карантинная, потом проблемы могут быть.

Пушкин криво усмехнулся:

– У кого могут, у того обязательно будут, – и двинулся к пузырю.

Там всё ещё суетилась команда разочарования, хоть и заметно поредевшая. Некоторые сидели прямо на асфальте с позеленевшими лицами, но кое-кто ещё бормотал заклятья серыми губами. Оборудование оттащили подальше от надувшегося зеленушного проклятья и теперь колдовали над здоровенным ящиком. Чёрные доски впитывали свет, поэтому серебряные руны на крышке казались почти бесцветными. Хотя сверкали на ином уровне восприятия и подпрыгивали от заложенных в них заклятий.

Пятый Азеф поморщился. Как хотелось всего этого не видеть. Мерзкие, дребезжащие как нервы, жгуты, сползающие к жирному энерговоду. Полсотни чар нанизанных одна на другую и поддерживающих друг в друге стремление убивать. Он остановился и даже хотел отвернуться, но Пушкин положил руку ему на плечо, пробормотав:

– Там этот твой, одиннадцать с половиной.

– Хлестов? Давай я его сглажу, – сквозь зубы предложил Пятый Азеф.

– Он уже с рождения сглаженный.

Высокий и бледный, как будто изголодавшийся парень с напомаженной бородой, тоже скривился, увидев незваных гостей и даже замахал руками.

– Закрытая территория! – донёсся его дрожащий фальцет.

Пушкин наигранно завертелся по сторонам и даже пару раз оглянулся.

– Прям наглухо? – удивился он. – Пройти невозможно?

Они приблизились и встали в двух метрах от чёрного ящика.

– Мои живы?

– Ненадолго. Эти шишачары ничего не берёт, так что будем аннигилировать…

– Бросай эти шутки!

– Проклятые кактусы, – вздохнул Пятый Азеф. – Как братик? Прилежно служит? Уже, наверное, жопу архимагу подмывает?

Хлестов побелел настолько, что его острое лицо провалилось внутрь.

– Не только! – визгливо отозвался он и нажал пальцем на веко.

Зрачок одного из глаз постоянно дёргался от тика, напрягая длинный кривой шрам, вскрывающий щёку до самого подбородка.

Пушкин покачал головой.

– Помочь? Моя магия к твоим услугам.

– Без восьмёрки обойдусь.

– Одиннадцатые с половиной всё сами могут, но правила есть правила.

Хлестова передёрнуло, от чего покалеченное лицо на несколько мгновений потеряло сходство с человеческим. Проступили и другие, более мелкие, покрасневшие шрамы.

– Хотите представлять московские эконормы как специалисты по утилизации магической энергии при чистом колдовстве…

– Это лучше, чем представить тебя в душе, судя по роже, – меланхолично заметил Пятый Азеф. – Хотя я с похмелья представляю, чтобы блевануть.

– Я на тебя тоже передёргиваю, – задрожал скрипящий фальцет.

Руны на чёрном ящике загремели громче, и притихший рыжий МСБ-шник с кучерявой головой, следящий за перепалкой, шмыгнул носом и продолжил вскрывать их, сверяясь со свитком. Его работа требовала наивысшего сосредоточения. Один неверный образ, воспоминание или впечатление и всё – защитная руна станет атакующей. Остальные тоже утихли, стараясь не встречаться глазами. Молча стояли, пока магические запоры не открылись один за другим. Крышка подскочила, явив подбитые тёмным бархатом внутренности. В отделениях, закреплённые специальными зажимами, покоились трёхслойные сосуды из сакрального хрусталя – первые изобретения для хранения магической энергии. На каждом пожелтевшая этикетка с датой заточения колдуна.

– Ой-ё-ёй, – старательно пискнул Пушкин, – Есть прямо начала двадцатого века, прям сразу после революции. Какие редкие гарнцы. Кунсткамеру с братиком грабанули?

Хлестов оскалил зубы, но из-за шрама улыбка больше напоминала предсмертную гримасу.

– Сейчас маг одиннадцатого с половиной уровня покажет класс, – благоговейно выдал Пятый Азеф.

Все, словно по команде, отступили на несколько шагов назад. А проклятие почуяло исходящую из ящика угрозу, подобралось и потеряло всякие остатки прозрачности. Только под куполом замелькали кислотные точки спор. А расплавленные лужи слизи на асфальте поползли обратно к пузырю.

– Ничего не выходит, – задёргался Пушкин, сжимая плечо. – Она не активируется, только моих угробит.

– Терпи, должна активироваться.

Хлестов надел очки с толстыми линзами, натянул длинную перчатку из воловьей кожи и выдернул один из сосудов. Свист резанул по ушам. На пыльной поверхности едва держалась выцветшая этикетка с расплывшимися буквами.

– Точно аннигилирует…

– Не справится, поможем! – уверил Пятый Азеф.

Как только гарнец освободился от специальных зажимов в чёрном ящике, внутри трёхслойного хрусталя заклубилась грозовая туча. Молнии бились рваными росчерками и в их отсветах крутился уродливый силуэт, отдалённо напоминающий человека.

– На Хлестова похож, – проскрипел Пушкин.

– Один в один, тоже весь высох как мумия. Только глаза давно потеряли цвет, одна плазма осталась. Думаю, ему лет пять-десять максимум.

– Гонишь?

– Если бы, – вздохнул Пятый Азеф. – С двенадцатой ступенью ещё и не такую дрянь увидишь.

– Заткнитесь! – разъярённо запищал Хлестов.

Он никак не мог сосредоточиться, поэтому махнул рукой, собирая всех на построение. МСБ-шники начали окружать пузырь цепью, взялись за руки и закрыли глаза. Сначала тишину сбивала лишь трескотня ламп накаливания в фонарных столбах, но скоро гул стал прорываться из-под земли. Асфальт потерял плотность, истончился и растаял, обнажив сияющее исподнее города. Подземелья едва вмещали толстые трубы энерговодов, разбегающиеся во все стороны насколько хватало глаз. Гудение поднималось. Вливалось в ступни магов. Текло вверх по ногам. Смешивалось с их кровью. Насыщало её всепоглощающей силой. Их тела засветились даже через старомодные балахоны. Тогда торжественный рокот вырвался наружу. Плотно сомкнутые губы раздались и гортанное гудение заполнило улицу. Энергия от круга потекла к заклинателю.

Пушкин даже на секунду зажмурился.

– Может и получится.

– Надежда мрёт, но не сдаётся, – буркнул в ответ Пятый Азеф.

Он прикрылся рукой от яркого сияния, стараясь не отводить взгляд от тёмной стены безликого человейника. Магия, завязанная на жертвоприношении, всегда вызывала у него дурноту. Такое лучше не поминать, чтобы не накликать того, с чем не хочешь встретиться.

Выстроившиеся цепью МСБ-шники продолжали свой распев, так энергия насыщалась их отношением и должна была стать ещё мощнее. На самой низкой тягучей ноте, не размыкая цепи, они подняли руки вверх. Хлестов, сжимая перед грудью гарнец, вошёл в круг и начал отпирать охранные чары. В ушах загрохотал непереносимый скрежет, так что Пятый Азеф зажал их руками. Магические печати крошились, отдаваясь болезненной дрожью в мышцах. На невидимый асфальт посыпались разноцветные искры.

– Ведун деревенский. Понапокупают одиннадцатые с половиной уровни, – морщась, заворчал Пушкин. – Мягче, надо практиковать такие вещи. На фронте бы быстро научили.

Обжигающие глаза молнии из трёхслойного сосуда отражались в очках. Толстые стёкла постоянно запотевали, и Хлестову приходилось вытирать их боковиной левой перчатки. Его и без того перекошенное лицо окончательно потеряло естественные пропорции. Казалось, что

даже через сакральный хрусталь доносятся потусторонние завывания почившего много лет назад вражеского колдуна. Его провели через ритуал развоплощения, оставив связи с ЭНЕРгетическим ПОЛем Земли, поэтому даже после фактической смерти он продолжал накапливать энергию. Только рамки тела уже не ограничивали её количество. Последние печати пали, и крышка гарнеца закрутилась по резьбе.

– Пора! – зарычал Пушкин.

Безликий человейник растворился в ослепительном сиянии, и последняя опора выскользнула из-под ног Пятого Азефа. Его качнуло и понесло в самый низ городской изнанки. В тёмные подвалы мироздания из которых когда-то выросло всё сущее. На дно, где до сих пор беспробудно дремала первородная тьма. В её логове хрустели кости древних. Пыль их надежд и мечтаний скрипела под ногами. А остаточная энергия, разложившаяся на микрочастицы, забивала и царапала горло. Вдалеке вздымалась та самая пирамида, через которую был проложен магоход.

Хлестов сорвал крышку. Хлопнуло так, что рыжий МСБ-шник завопил и затряс головой. Изнутри гарнеца ударил плотный воздушный поток, а взрывная волна прокатилась по улице. Часть вибрацией вонзилась в стены человейника. Остальное с грохотом взлетело в тёмное небо. Асфальт передёрнуло внутренней дрожью. Пушкин едва устоял на ногах, и внутренности свело от ужаса. Снова чаровище… Он едва поборол приступ.

– Их тут нет и не может быть, – он даже хлопнул себя по щеке.

Пятый Азеф с пустыми глазами завис в воздухе, медленно-медленно склоняясь к тротуару. Вся цепь уже валялась, стеная и подвывая. Больше всего досталось рыжему МСБ-шнику. Сквозь прижатые к голове пальцы струилась тёмная кровь. Стоять остался только Хлестов. Круг магов защитил его от энергоотдачи. На белом лице вибрировал побагровевший шрам и расходящаяся от него паутина более мелких. А вокруг разматывалась тугая спираль непроницаемо-чёрного вихря. Он крутился внутри тучи, пока ещё сжатой сетью молний.

На дне изнанки билось сердце тьмы. Настолько огромное, что упиралось в своды гигантских подземелий. Из чернильной аорты в такт биения выбрасывало безобразные сгустки. Они, пульсируя, раскачивали толстые трубы энерговодов и проталкивали энергию дальше. Вверх, выше и выше. Расходились сетью, соединялись, перекрещивались. Смешивались с красными, синими, фиолетовыми потоками. И сияли всё ярче. Тянулись жгутами повиновения к наэлектризованным голубым извилинам.

Пушкин собрался. Контроль сейчас самое главное. Вихрь выплёскивался из гарнеца и раскрывался всё шире и шире. Его густые непроглядные кольца резали воздух с яростным наслаждением. Вылезали за пределы тучи и сминая сеть молний, скрипели по фонарным столбам. Высекали шипящие искры. Вгрызались в металл и втягивались обратно, раскачивая чёрную тучу в сторону оцепления.

Хлестов шагнул к пузырю, но вихрь лишь отклонился в обратную сторону, не слушаясь его заклятий. Он сильнее сплёл пальцы, чтобы не выпустить потяжелевший гарнец. Суставы затрещали, готовые выломать хрящи и разорвать фаланги. Маска окончательно потеряла сходство с человеческим лицом, только синие губы продолжали двигаться.

Чернильная смесь поднималась со дна, вливалась в голубые сгустки нервной системы и тянулась дальше. Энергия соединялась в гигантского червя, ворочающегося под Москвой. Его пронзали бесчисленные энерговоды, насыщая безмерными потоками могучей силы. Он вбирал её как губка и на колоссальной спине вздувались ядовито-зелёные гнойники, пробивающиеся через асфальт по всему городу. Пятого Азефа затрясло. Он усилием воли остановил транс, замедлил падение на тротуар и выпрямился.

– Началось! – заорал он. – Это пандеклятье!

Хлестов покачнулся. Выставленная вперёд нога всё сильнее подгибалась. Руки затряслись и трёхслойный сосуд начал выскальзывать из пальцев. Суставы уже трещали и держа-

лись только на гибкости кожи, но он будто ничего не видел. Дёргался. Хватался за невидимую опору и всё сильнее терял контроль над энергией почившего вражеского мага. Вихрь поднялся вверх. Тугие кольца покачнулись, но сеть молний ещё сдерживала их, не давая туче расплескаться. Грохотали громовые раскаты. Мелькали черепа, кости, руки, налитые кровью глаза и торчащие, наэлектризованные волосы. Всё перемешалось, то исчезая во тьме, то всплывая на поверхность. Из глазницы вылезли пальцы с кривыми длинными когтями, ухватились за веко и вывернули его. Получилась тощая грудь с распахнутой костяной клеткой, в которой клацала тройным рядом зубов человеческая челюсть.

Пятый Азеф сложил руки перед собой и сделал почти невозможное, оттолкнул приближающийся вихрь. Сеть молний вспыхнула. Между длинными сияющими линиями зазмеились новые поменьше. Оставалось пихнуть сильнее. Чёрные кольца сжались и начали всасываться обратно в гарнец. Хлестов рухнул на колени, подняв его над головой. Изломанные пальцы страшно тряслись, но он ещё держал острые грани сакрального хрусталя.

– Давай!

Пушкин был готов к сигналу. Знал, что раскрутившийся маховик накопленной вражеским колдуном энергии не получится впихнуть обратно в гарнец. Он просто сожмётся и под напором внутреннего давления выстрелит обратно. Оставалось только придать потоку правильное направление. Если пузырь часть глобального проклятия, бить напрямую бесполезно. Проклятье всё равно подпитается от энерговода, но удар может смять запертых внутри коллег. Оставалось целиться в корень зелёного нароста. В самое узкое место, по которому течёт энергия подпитки. Так её избыток может разрушить корень и отключить пузырь от энерговода.

– Давай! – снова заорал Пятый Азеф.

Придавленная туча покачнулась и начала раскручивать вихрь, только в три раза быстрее. Он пронёсся сотней оборотов по кругу, повалив ближайшие столбы. Почти коснулся ноги Пушкина, застыл на мгновение и начал уплотняться. Жуткие черепа окончательно смешались с костями и кровавыми глазами почившего вражеского колдуна. Липкая каша из внутренностей потекла, быстро разгоняясь. Потом полетела и метнулась размазанным росчерком тьмы, воткнувшись в основание пузыря. Зелёный полог поблёк и натягивался, пока не растерял весь цвет. Побелел, побледнел и бесшумно лопнул, раскидав вокруг споры.

Пятый Азеф бросился к остаткам проклятья, наклонился над неподвижными телами и прижал пальцы к шее Бидбея.

***

Лялька продолжала чесать шею. Там, где от ядовитой слюны остался странный ожог, удивительно похожий на запрещающую руну. Очень хотелось остаться в коридоре, но рука задула от пришедших подряд уведомлений. Абоненты снова были в сети и полностью доступны для общения. Следом позвонил Пушкин:

– Куда вы там запропастились? С Дивногорским и Бидбеем всё нормально, пока лежат в первой городской. Говорят, медподписка не покроет лечение и придётся расширять. У вас как?

– Плохо.

Голос на другом конце линии сразу изменился.

– Вы где?

– В МСБ, – Лялька совсем сникла.

– Дай мне старшего, – приказал Пушкин.

Как бы не хотелось остаться в коридоре, всё равно пришлось идти в кабинет. Там уже горел свет. Алисса стояла, прижавшись спиной к стене, а её магический подменыш, сотканный из энергии человеческий отпечаток, так и лежал на столе с задранной юбкой. Как и подменыш следователя со спущенными штанами. Цветуллина грозно расхаживала туда-сюда, печатая шаги по начарованному дубовому паркету.

– И что мне теперь с тобой делать, Валера?

Испуганный мужчина вжался в кресло и словно уменьшился в размерах. Его лоб над переносицей надулся от ожога в том самом месте, где располагалось астральное тело, ответственное за связь с подменышем. Глаза бешено вращались, но так и не могли нигде остановиться, постоянно натыкаясь на кого-то из девушек.

– Тебя же попрут, Валера! Склонение к блуду… – она замерла, обернувшись. – Тебе чего? Я тебя не вызывала!

– С вами наш директор хочет поговорить, – не поднимая глаз, пробормотала Лялька.

– Пушкин? – удивилась Цветуллина. – Я ему перезвоню, когда с вами разберусь, – она взмахнула рукой и руна «подписка» на ладони вошедшей погасла. – Тебе хана, Валера…

– Думаю, мы сможем договориться, – встряла Алисса, покачиваясь у стены.

– Неужели? – развернулась на каблуках инспекторша. – Как?

– Забудем обо всём. Мы про это недоразумение, а вы про нарушение режима…

– Размечталась! – Цветуллина в одно неразличимое движение пронеслась через кабинет. – Вы у меня за всё ответите!

– Мы готовы оплатить штраф, – прошептала Лялька, но её никто не услышал.

Под потолком кабинета собиралась почти неразличимая, но уже хорошо слышимая гроза. Раскаты утробно урчали и, просочившись сквозь решётку воздуховода, отдавались тревожным эхо в трубах вентиляции.

Рыжая и блондинка упрямо боролись взглядами. Между ними уже проскакивали молнии. Пока беззвучные и неопасные, но их разряд нарастал каждую секунду. Силы были неравны. Уровень инспекторши раза в два побольше. Поэтому Алисса сдалась первая. Для такого противоборства её четвёртого уровня было явно недостаточно.

– Где я тебе дорогу перешла?

Цветуллина сузила глаза, но всё же прошипела в ответ:

– Зачем ты с ним спала?

– С кем?

– С Азефом!

– А твоё какое дело? – взвилась рыжая.

– Это всего один раз было, – брякнула Лялька и удостоилась обжигающего взгляда двух пар глаз.

Несчастный следователь уже так вжался в своё кресло, что начал прорастать в него и растворяться. Над столом ещё торчала верхняя часть рубахи, а остальное уже бесследно исчезло в коричневой обивке.

Цветуллина зарычала, задрав лицо вверх, и в потолок всё-таки ударила молния. После этого она снова зашагала по кабинету.

– Такой уважаемый человек. Ты же могла разрушить его карьеру. Навредить ему. Испортить репутацию. Задеть честь. Он же женат.

– Женат? – удивилась Алисса.

– А то ты не знала? – взревела инспекторша. – Не строй мне тут послушницу зелёную долбаную неофитку.

– Он меня не знакомил…

Цветуллина остановилась. Теперь молнии окружили её со всех сторон.

– Как думаешь, какого уровня я достигла после мясорубки на юге? – процедила она.

– Использование магии для получения признания запрещено, – начала Лялька.

Следователь что-то хрюкнул и окончательно стёк под стол.

– Ну хватит, – отмахнулась Алисса. – Сама на него глаз что ли положила? Я не виновата, что его к нам прислали. Да и было всего один раз…

Вторая молния оставила на потолке чёрное пятно.

– Завали чароболку! – заорала инспекторша. – Он был моим наставником, а теперь он мёртв! У тебя совсем никакого уважения нет, тупая шаболда?

Напарницы переглянулись, и Алисса, не сдержавшись, расплылась в улыбке.

Раскрасневшееся лицо Цветуллиной окаменело. Волосы встопорщились, а в мантии, поднимая аксельбанты, заиграл ветер. Её начало поднимать над паркетом, и молнии заветвились вокруг непроницаемым коконом.

– Это ошибка! Хватит! Вы всё перепутали! – закричала Лялька. – Она спала с Пятым Азефом, а не с Четвёртым.

– Вот ещё, – наморщила нос Алисса. – У меня есть вкус. Уж в чём в чём, а в мужиках я разбираюсь.

Инспекторша опустилась обратно на пол.

– С Пятым?

– А вы не знали? Он уже три месяца работает у нас уборщиком.

У Цветуллиной дёрнулись углы губ.

– Вышли из кабинета. Обе!

Лялька тут же впечаталась задом в дверь и вывалилась в коридор. Алисса задрала подбородок и гордо зашагала следом. Они подошли к окну и уставились в него. Внизу в зажатом между стен дворе почти беспрерывно мигали вспышки врат транспортных переходов. Сотрудники МСБ мотались туда-сюда. Доставляли свидетелей, потерпевших и подозреваемых.

Кабинет за их спинами закрылся. Через несколько мгновений тишины громыхнуло так, что задрожали стены.

– Эти государственные ведьмы такие неуравновешенные, – хихикнула Алисса.

– Лучше бы ты её не злила.

Напарницы снова переглянулись.

– А то что? – мотнулась рыжая чёлка.

– Ничего хорошего, – вздохнула Лялька.

Дальше они стояли молча, разглядывая разноцветные вспышки во дворе, пока дверь за ними снова не распахнулась.

– Считайте, что мы договорились, – сквозь зубы процедила Цветуллина. – Ваш Пушкин обещал преподать вам урок. А я, уж будьте уверены, как следуют проучу Валеру.

– Да, – согласилась Алисса. – Ему ещё учиться и учиться. Я чуть не уснула, пока вы не пришли…

Вспышка крошечной молнии закрутила локон на блондинистой чёлке.

– Пожалуйста, не обращайте на неё внимание, – развернувшись, взмолилась Лялька.

Инспекторша упёрла руки в бока. По её лицу гуляла шальная улыбка.

– Договор остаётся в силе. У нас не любят выносить сор из избы. Но мне прямо не терпится научить одну чароболку хорошим манерам. Раз уж мой уважаемый наставник почил и освободил своё место. Я, пожалуй, стану вашим новым куратором.

– Что? – прохрипела Алисса.

***

Сначала Пятый Азеф хотел вернуться в бар, но рука так чесалась от пропущенного сообщения засекреченного абонента, что пришлось передумать. Читать там было нечего. Просто шифровка, что пора возвращаться домой.

Магоход по магистерской подписке мгновенно доставил его на самый порог. Он вздохнул, глядя на оцепление из хмурых магов высшей ступени. От незримого контроля было трудно дышать. Они окружили полквартала. Будто не охраняли Великого магистра Магической Службы Безопасности, а пришли штурмовать логово главного невидимого врага.

Пятый Азеф с трудом подавил раздражение и прислонил ладонь к бронзовому отпечатку на двери а, войдя внутрь, закричал:

– Я тебя не приглашал.

– Это, вообще-то моё поместье, по старшинству. Я не обязан тебя спрашивать, – донеслось из комнаты.

Пятый Азеф скинул ботинки в прихожей и прошёл в гостиную большого загородного дома. В огромном кожаном кресле у стилизованной русской печи сидел седой мужчина с непроницаемыми глазами и старообрядческой бородой лопатой.

– Получишь контроль над энергией нашего рода, посмотрим сколько у тебя будет охраны. Ставка слишком высока – потерять всю энерг…

– Я тебя не приглашал.

Незваный гость усмехнулся.

– Кто тебя таким упрямым воспитал?

– Никто, – пожал плечами Пятый Азеф. – Рос, как сорняк – брошенный и никому не нужный.

Первый Азеф поморщился.

– Весь в мать. Что не скажешь, как вредочарами по яйцам.

– Мучить друг друга наша родовая традиция…

– Всё! Любезностями обменялись, хватит. Что с Пушкиным?

– Сидит на пыли и тупит. П-руна не активируется в местах появления пандеклятья, мы проверили все три. Собирается к оморочнику, чтобы вспомнить, что забыл.

– Думаешь, вспомнит?

– Шишень его знает, папа, – промычал Пятый Азеф и налил себе в бокал из пыльной бутылки с надписью: «Хлебное вино».

На высоком деревянном комоде какого-то старого мастера, чьё имя постоянно вылетало из памяти, выстроилась целая стеклянная батарея. Чего тут только не было: от старинной водки до модного экспериментального пойла. Его мало кто мог себе позволить, потому что оно стоило как магистерская подписка на всё на всю жизнь. Поэтому штоф обычно передаривали по большим праздникам. Он вроде помогал скакануть после двенадцатого уровня, но Пятый Азеф выпил половину ящика, чтобы убедиться, что это очередная рекламная шишень для питалок. Для возвышения требовалось что-то более эксклюзивное, странное или даже страшное. Что-то такое, от чего внутренний мир окончательно перевернётся и оголит потайные ходы в глубины подсознания.

Первый Азеф скривился и отвернулся, но не оставил глупость сына без внимания.

– Пил бы как питалки, а то печень посадишь.

– Сколько раз повторять? Я ненавижу чары, чаруш, а особенно подменышей.

– Это основа безопасности, которая позволяет питалкам жить немного дольше. Ты не забыл, что они нам нужны? А ты сам вообще бесценен, твоё старшинство…

– Не наступит никогда!

– Наступит! Только мы первыми должны разобраться с пандеклятьем. Мы, а не МИФ!

Вместо ответа сын одним махом опорожнил бокал и взглянул в зеркало на стене. Старинная рама, почти чёрная, тоже наверняка какого-то модного столяра. Зеркало дореволюционных времён с серебристой патиной. Всё в доме было до тошноты правильно подобрано и выверено до мельчайших деталей. Всё кроме него. Бледного молодого человека с коротким ёжиком светлых волос и трёхдневной щетиной на по-женски красивом лице. Не спасали даже шрамы, должные придать ему недостающего мужества.

– Лучше сдохнуть без печени, чем жить в этом питалкином мире, – вымученно улыбнулся он. – В нём не осталось ничего настоящего, кроме пандеклятья. Я видел это! Оно… уже опутало всю Москву. Оно нас всех сожрёт. Всех до единого. Никто не спрячется…

Первый Азеф заёрзал в кресле.

– Не пойму на чьей ты стороне?

– Конечно, на твоей, папа. Ведь никакой другой нет.

– А с лицом что? Опять железякой себя истязал, – он вздохнул, понимая, что до сына всё равно не достучишься. – Мне нальёшь?

– Тебе не понравится. Хочешь своего любимого вискаря?

Первый Азеф покачал головой, тогда Пятый налил себе до краёв и плюхнулся в кресло, с другой стороны, от печи. По кожаному подлокотнику разлетелись брызги, но он на них даже не взглянул. Рушник всё впитает и пятна лишь добавят перепродуманной обстановке ещё немного достоверности.

– Я всё для тебя сделаю, папа. Хочешь голову Пушкина? Они с оморочником вместе служили…

– Он всё равно ничего не увидит. Воспоминания видит только тот, кто был их свидетелем.

– Мы же единый род. Хочешь на дядину кремацию схожу? Закапаю себе под веко зелья и буду рыдать над его останками.

– Твоё присутствие будет лишним. Никто не должен ничего заподозрить. Сначала разберёмся с пандеклятьем, потом всё остальное. Следи за…

– Двойных агентов никто не любит, – вздохнул Пятый Азеф. – Я такого не видел, но Пушкин рассказывал, как на фронте с них сдирали кожу. Сначала накачивали пылью, а когда они теряли возможность вырабатывать энергию и хуже соображали, подвешивали за ноги. Сопротивляться двурушник не мог, лечиться тоже, поэтому его обдирали, как липку…

– Хватит!

За печной заслонкой что-то затрещало и запыхтело. Запахло жжёным деревом и мерзкой кислятиной. Это раздражало Первого Азефа больше обычного, заставляя всё сильнее морщиться.

– Носки свои сушишь? Силы бы восстановил, вон синий весь.

Пятый Азеф демонстративно оттянул веко и пожал плечами. Взглянул на ладонь и надавил пальцем на руну.

– Пап, дай энергии! А, пап?

Он так наиграно кривлялся, что отец даже хотел отказать, но вовремя удержался от глупости и небрежно махнул пальцем по руне «питание».

Сын изобразил самую широкую улыбку.

– Спасибо за невиданную щедрость. Как у нас энергии, хватает?

– Прекрати!

– Чего ты ругаешься? Откуда мне знать. Она же вся по старшинству у тебя.

– Чего ты добиваешься?

– Хочу попробовать рыбу фугу, достанешь, пап?

Первый Азеф приподнялся из кресла и сел на самый край, уставившись на сына.

– Сходи в японский ресторан на Тверской, там лучшие стейки из мраморной говядины. Самые свежие, парные. Доставляют за полчаса после убоя. Вкус невообразимый. Даже сравнить не с…

– С начарованным, – отпивая из бокала, проворчал Пятый Азеф.

– Ты снова? Зато у питалок не бывает отравлений, паразитов, холестерина и меньше проблем со здоровьем. Мы решили продовольственную проблему!

Сын прикрыл глаза. Рука с бокалом перегнулась через подлокотник и раскачивалась, расплёскивая хлебное вино по тёмным половым доскам. Отец замолчал, ожидая, когда он прекратит, но не дождался.

– Ты отключил домовые чары?

Пятый Азеф закивал:

– Не все. Некоторые, – волосы разлетелись и прилипли к мокрому лбу, а он продолжал раскачиваться и махать рукой. – Мой разум – моя темница!

– Иногда мне кажется, что ты не притворяешься, а правда не в себе.

– Я в себе, пап. Это весь мир в подписках. А у меня всё по-настоящему. Мне просто не хватает памяти. Могу забыть, что сторона одна. Достанешь фугу?

– Зачем?

– Она очень ядовитая. Если неправильно приготовить – подавишься насмерть.

– Зачем тебе всё это?

Пятый Азеф открыл глаза, но так сильно взмахнул рукой, что выронил бокал. По полу растеклась тёмная лужа.

– Тетродоксин накапливается в тканях фугу все десять лет её жизни. Он очень токсичный, в сто раз ядовитее цианида калия. Одним граммом можно убить около пятисот человек. В рыбе его, правда, меньше, одной фугой можно прикончить всего человек сорок. Только противоядия от тетродоксина нет.

– Издеваешься?

– Нет, пап. Её надо правильно готовить и есть. Сначала дегустировать менее токсичные части. Обычно те, что находятся ближе к голове. Со стороны хвоста яичники и печень, в них больше всего тетродоксина. А ещё в коже, поэтому с них сдирают кожу перед приготовлением. Интересно они что-нибудь чувствуют?

Первый Азеф вскочил.

– Ты зае…

– Я не буду её есть, пап. Накормлю пылью и сдеру кожу, – сын довольно заржал. – Шутка. Это же шутка. Я вообще не люблю рыбу. Мне нужны плавники. У фугу нет брюшных плавников, только грудные и спинные. Всё ради них.

– Зачем?

Пятый Азеф откинулся в кресле и зажмурился.

– Плавники фугу погружают в рисовую водку и получается галлюциноген. Хочу попробовать скакануть повыше. Я хочу возвыситься. Рисовку я уже раздобыл, осталась рыба. Поможешь, пап?

– А ты мне? Мы нашли ещё три пузыря пандеклятья.

Пятый Азеф закивал.

– Мы активируем эту долбаную п-руну. Не там так в другом месте. Мы всех нас спасём.

– Тогда ложись спать, сегодня получишь все секретные данные по этому делу.

– Как скажешь, пап.

– Только сначала восстанови энергию, чтобы не получилось, как в прошлый раз, – Первый Азеф устало махнул рукой и пошёл в прихожую. – Закрой за мной, ты же не пользуешься домовыми чарами.

Пятому Азефу пришлось подняться и дойти до двери. Он захлопнул её и повернул механизм замка. Дошёл до ванны, с отвращением посмотрел на тёмную щетину на щеках и достал опасную бритву из полки. Раскрыл и приставил себе к горлу, долго смотрел на своё отражение, выискивая страх в покрасневших глазах, но не нашёл. Намылил ладонь и намазал лицо, начав тщательно выскребать кожу.

– Лучше лишиться его… – прошептал он. – Чем позволить чаруше лапать это бабское лицо.

Не забудьте подписаться, чтобы не пропустить следующую проду. А ещё оставляйте ваши комментарии и лайки, если понравилось. Это очень важно для продвижения книги. Чем больше лайков и комментариев у книги – тем больше людей её увидит. А если попадёт в «рекомендованные», то ещё больше. Поэтому потратьте минуту после прочтения, поставьте лайк, напишите, что вам понравилось, а что нет. Мне очень нужно ваше мнение, так я смогу исправить недочёты или просто порадоваться, что вам интересно то, что я пишу.

С уважением,
Смеклоф

Глава 2. Заговоры

Он стоял перед глухой металлической калиткой в пятиметровом заборе и, сжав зубы, упрямо смотрел в глазок. Там внутри что-то копошилось. Маячили неясные тени и плавали разноцветные мороки, но ответа не было.

– Я к директору Медовичу. Старший инспектор МСБ по особо важным делам Валергор, – терпеливо повторил он, и калитка наконец бесшумно отворилась внутрь.

Посреди тенистого двора, окружённого старыми ивами, лежал кот. Старый, помятый, с проплешинами на боках и усталыми всё понимающими глазами. Сначала, он даже показался настоящим, но то появляющийся, то исчезающий длинный хвост выдал чарушу. Словно поняв свою промашку, дворовый встал, почтительно поклонился и пошёл по заросшей кустами тропинке в сторону корпусов интерната.

Валергор двинулся следом, нервно оглядываясь. Такого гнетущего чувства, он не испытывал с плена. Тогда его пытались сломать дедовским методом: холод, голод и тьма. Почти получилось. В какой-то момент ужас неизбежности начал разрушать психологическую защиту. Просто повезло, что его освободили буквально на несколько часов раньше, чем он окончательно сдался.

Деревья торчали высохшими палками. Редкие скрюченные листья едва прикрывали оголённые, стянутые паутиной стволы. Длинное, сплюснутое сверху здание интерната с бочкообразными колоннами, поддерживающими покатую крышу, склонилось вперёд. Будто приготовилось обрушиться на пришедшего.

В пустынном дворе притаилось смертельное уныние, готовое наброситься на любого, кто даст слабину, отвлечётся или задумается. Даже ничтожная потеря контроля, могла стоить свободы, рассудка или даже жизни.

Дворовый чаруша прыгнул к открытым дверям и исчез. Вместо него на пороге появился седой тощий мужчина неопределённого возраста. Длинная тонкая борода заправлена в нагрудный карман пиджака и немного спутана с золотой цепью, торчащей из жилетки. Клетчатые брюки и нафталиновые чёрные боты дополняли строгий образ махрового консерватора.

– Простите, что заставил ждать, – расшаркался он. – Возраст уже не тот, хожу медленно. А ещё этот праздник… столько дел, столько дел. С юбилеем вас! Идёмте скорее внутрь, из-за охранных чар снаружи неуютно.

Валергор поспешил воспользоваться предложением и как только дверь закрылась, дышать и правда стало легче. Захотелось расправить плечи и даже улыбнуться, но он сдержался.

– И вас со столетием Великой октябрьской революции технического прогресса и магического равенства! Конечно, в праздник не до этого, но у меня очень деликатное дело.

– Деликатность наше первое правило, – едва заметно улыбнулся директор Медович. – Идёмте в мой кабинет. Скоро будет перемена и станет слишком шумно, чтобы конфиденциальничать.

Они поднялись по винтовой лестнице на третий этаж. Мимо проплыли бесконечные однообразные коридоры, увешанные плакатами и стенгазетами. Было несколько цветочных горшков, но почему-то пустых. Ещё и паркет скрипел под ногами, как упаковочная бумага.

Маленький кабинет едва вмещал шкаф до потолка, два кожаных кресла, рабочий стол и бессчетную коллекцию глобусов.

Валергор сощурился от яркого света, бившего в глаза из окна. Лучи прожигали темноту, не давая как следуют рассмотреть остальную обстановку.

Директор Медович приглашающе махнул рукой и, кряхтя, сел сам.

– Чем обязан МСБ? – уточнил он.

– Две недели назад, у вас был наш сотрудник…

– Такой маленький кругленький с очень живыми глазами-бусинками? Ещё немного пришепётывал?

– Да, Илья Ванович, – подтвердил Валергор. – Он исчез. С тех пор его никто не видел. Мы долго разбирались в произошедшем, но получается, что вы видели его последним.

– Прискорбно, – пробормотал директор Медович.

В его голос закрались саркастические нотки, но из-за яркого света из окна, разглядеть лицо не получилось. Из-за чего старший инспектор по особо важным делам снова начал нервничать. Справляться с проклятой дрожью, заставляющей пальцы выбивать безумный ритм, становилось всё труднее. Поэтому он спрятал руки под стол.

– Расследование показало, что две недели назад он зашёл на территорию вашего интерната, но так из него и не вышел.

– Действительно странно. Вы запрашивали данные у Магического Исследовательского Ведомства? Мы их подведомственное учреждение.

– Они передали нам расшифровку всех чар.

– Дело и правда очень деликатное. Хотите горячего чаю? У меня с особыми травками. Снимают любую дрожь. Вы, наверное, простудились? В МСБ хорошая медподписка?

– Не жалуюсь, – процедил сквозь сжатые зубы Валергор, но тут же заставил себя расслабиться. – Я натуральное не употребляю, – поглядывая на пар, вырывающийся из носика керамического чайника, более дружелюбно проговорил он, – желудок слабый. И это не простуда. Последствия военных действий. Иногда накатывает сильнее.

– Значит чай не будете?

– Нет.

Директор Медович пожал тонкими плечами.

– Прискорбно.

– Поможете разобраться?

– Безусловно. Я на сто процентов уверен, что он вышел из здания. Поэтому предлагаю вам начать обыск…

– Это не обыск!

– Я плохо разбираюсь в ваших терминах. Начните с сада. Сотрудников у нас мало, но могу выделить Чешира. Он очень сообразительный для чаруши. Идите, я предупрежу.

Валергор остался сидеть, стараясь высмотреть хоть что-то сквозь яркий свет из окна.

– Ответьте сначала на пару вопросов, пожалуйста.

– Да, да, конечно. Я думал вы торопитесь, – расщедрился директор Медович.

– О чём вы говорили с нашим сотрудником?

– Про уродов. Знаете, таких что от рождения совершенно неспособны скопить даже мизер энергии. Об изучении нежизнеспособных особей, которым мы здесь якобы занимаемся, – смешок вышел слишком натянутым, но не помешал продолжить. – У нас всё намного проще. Мы выращиваем на продажу будущих жён, мужей, доноров органов, высокоуровневых питалок или магов. Всё зависит от предзаказа. У нас нельзя взять человека в ипотеку. Здесь всё очень дорого и чрезвычайно качественно. Вы понимаете?

Валергор сглотнул.

– Кстати, откуда у вас такая родословная? Наверное, очень редкий род, никогда не слышал, – уточнил директор Медович.

– Это не род. Сокращение от Валерьяна Егоровича. Так к нему привык, что пользую…

– Тогда начните со двора. Чешир всё покажет.

***

Его было видно, как через грязное стекло. Он сидел в маленькой кухоньке типовой государственной квартирки и обречённо смотрел в полутёмный коридор. Тогда у него ещё было

имя, но теперь остался только номер. С тех пор прошло двадцать пять лет. Пятый Азеф всегда чурался цифр, привык округлять их ещё со школы. Особенно почти бесполезные данные, которые передавало МСБ. Им нельзя было верить на сто процентов. Активные допросы заставляли людей говорить слишком много лишнего. А во сне вообще свои законы. Вместо чёткой констатации фактов – он создал хитроумное пандеклятье, которое теперь заражает жителей столицы – бесконечные странные образы. Их ещё надо будет систематизировать. А для начала запомнить его порядковый номер. 17-18-6-5-1-20-6-13-… это невозможно! Кто вообще придумал использовать номера, если нет рода? Проще звать его Предателем. Это сразу всё объясняет и не надо каждый раз рыться в памяти, чтобы выковырить оттуда бесконечный набор цифр.

Было и без того мерзко, почти больно смотреть на текучую безысходность чужой жизни. Пятому Азефу казалось, что его насилуют. Проникают в самую суть его потаённого подсознания. Нагло возятся там и выбрасывают из первородной тьмы на свет его грязные тайны… или не его? Внутри сна всегда сложно разобраться, где заканчивается один акт и начинается другой. Когда проклятая пьеса подойдёт к финалу? Умрёт ли главный герой или отравит половину Москвы жутким проклятьем? А может быть всё закончится наивно хорошо?

В маленькую кухоньку типовой квартирки вбежала жена Предателя: поседевшая, с чёрными кругами под глазами и слишком глубокими морщинами. Она была ещё относительно молода, но известия о сыне пробили её энергополе и жизненные силы хлестали во все стороны, оставляя на стенах кухоньки ржавые пятна, которые в самые короткие сроки заполнит гнилая плесень. Жена кричала, заламывала руки, что-то требовала, но Предатель молчал. Он привык страдать в одиночку, смаковать каждую душераздирающую мысль и строить гигантские воздушные замки, чей фундамент уже давно треснул так, что стены начали проваливаться в бездну.

Она уехала оморочником на фронт, чтобы найти сына, которого уже нельзя было найти, а тем более спасти. Но она всё равно пыталась, рвала из себя последние жилы, пока не попала под вражеские вредочары. Тогда Предатель получил вторую похоронку, и маленькая кухонька типовой квартирки – стала такой крошечной, что кроме него в неё уже никто не помещался.

Пришлось напрячься, но Пятый Азеф вытащил себя из одного сна. Только секретные данные прилипли к нему так плотно, что тут же затянули в другой. Предатель бледной тенью шёл следом за ним, продолжая делиться безрадостным существованием. Его исследовательскую работу не закрыли только потому, что он изобрёл новую концепцию пандеклятья. Вместо старинных постулатов о том, что огромного желания достаточно, чтобы нанести им вред, ведь магия может воплотить всё, что хочешь только потому, что этого хочешь. Предатель ввёл четыре составляющие массового проклятья. Первое – это добровольная человеческая жертва. Второе – источник непрерывной энергии. От которого зависели повреждающие свойства и количество потенциальных жертв. Конечно, при условии использования подходящего боевого заклятья. А третье – это жертвоприношение. Кровь, энергия или даже жизнь. То, что активирует пандеклятье и заставит его заражать новых жертв. И наконец четвёртое – проклятая руна. Она останавливает распространение проклятья.

Работа над концепцией пандеклятья двигалась медленно, но Предателя терпели. По крайней мере до тех пор, пока он не вступил в подпольную ячейку. Смириться со смертью близких в бессмысленной войне с невидимым врагом было так тяжело, что боль требовала выхода и виновных. Подпольщики помогли найти и то и другое. Узнав, что он способен создать самое мощное пандеклятье, ему сразу указали против кого, его можно использовать. Кто же ещё виноват во всех его бедах, если не МСБ, МИФ и подлый архимаг. Предатель согласился, и начал готовить сокрушительные чары, но в последний момент передумал и сдал подпольщиков МСБ. От такого скандала его отмыть не смогли, поэтому отправили на фронт, чтобы смыл позор кровью.

Пятый Азеф заскрипел зубами и снова попытался улизнуть из начарованного сна. Не зря ведь практиковал осознанные сновидения. Он уже понял больше, чем достаточно, пора было просыпаться, чтобы всё как следует запомнить. Даже получилось подняться, но вместо уютной спальни в загородном доме его окружали голые стены разрушенной котельной. Их детского тайного штаба, в котором они прятались от непонятливых взрослых, запрещающих играть в войнушку.

– Да вы издеваетесь! – зарычал он, но изо рта вырвался мальчишеский писк.

– Заткнись! – заревели в ухо. – Раскроешь нас невидимым врагам!

Пятый Азеф нервно обернулся. Магистр Ужас недовольно хмурился, нависая над ним. Его не по-детски большие кулаки были так сильно сжаты, что побелели костяшки пальцев.

– Я не хотел…

– Заткнись, тупой сопляк! Вали на шишень отсюда! Ещё раз припрёшься в штаб, кишки выпущу.

Надо было встать и уйти, но почему-то так никогда не получалось. Даже оторваться от надписи на жёлтой штукатурке: «Сдохни, но победи!», было невыносимо сложно. Через дыры в стене простреливали тонкие лучи заходящего солнца и словно лишали его сил. Поэтому было так сложно сопротивляться.

– Я воевал!

– С кем это, соплячок? – противно захихикал магистр Ужас. – С мамкиной сиськой? Победил?

Пятый Азеф задрожал.

– По-настоящему…

В ответ раздался издевательский смех, и сжатый до хруста кулак прилетел ему в лицо. От удара голову откинуло назад, и она треснулась об стену с надписью. Сверху посыпалась штукатурка.

– Кто тебя на фронт возьмёт? Ты же как баба! У тебя сисек нет?

Чужие руки зашарили под одеждой.

– Отвали! Отвали! Я тебя прокляну!

Магистр Ужас захохотал своей жертве прямо в лицо, так что полетели хлопья слюны.

– Ты ни на что не годен. Без маны своего сраного рода, до восьмого уровня не докачаешься.

– Докаюсь!

Ещё один удар врезался в губы, и они треснули.

– Докасяюсь! – захныкал Пятый Азеф, разбрызгивая кровь.

– Ты даже унитаз чарами взорвать не можешь, сопляк. А кто библиотеку поджёг? Я! А чарушу в подвал загнал? Тоже я! А ты? Ты что сделал?

– Я сражался…

– Тебя десять магов высшего уровня охраняли, чтобы невидимые враги не продрали тебе ещё одну дырку в жопе! – магистр Ужас затявкал, как заикающийся пёс. – Ты слабак и папенькин сынок.

– Я… я… я…

Взять себя в руки оказалось намного сложнее, чем в реальности. Пришлось отключиться от сыплющихся ударов и глупых детских насмешек. Снова сосредоточиться на секретных данных. Вообразить маленькую кухоньку типовой квартирки и постаревшего Предателя. Только после этого получилось выскользнуть из повторяющегося кошмара, а затем и проснуться.

Грязное стекло начало таять и на его месте проявилась обитая карельской берёзой спальня в родовом особняке. Пятый Азеф на всякий случай потёр ладони, чтобы активировать все чары, и только тогда успокоился. Поморгал и подскочил. За окном уже разгорался рассвет, так что снова ложиться нельзя. Лучше немного недоспать, чем много переспать. Он потряс

головой, вытаращил глаза и с ненавистью уставился на открытую полку на противоположной стене. С краю стоял начисто вытертый гарнец с замазанной сургучом этикеткой.

Он протянул руку и махнул, заставив энергию перевернуть трёхслойный зачарованный сосуд передом к стене.

– Лучше не зли меня, шишень развоплощённый!

***

– Владимир Дмитрич, всё нормально.

Огромное тело резко застыло посреди коридора, так что от подпрыгнувшего живота покатилась волна дрожи. Она всколыхнула даже дряблые щеки и растворилась в рыжих бакенбардах, прячущих уши. Светлые, жидко-зелёные глаза сузились. А толстые, вечно потные ладони сжались в кулаки по бокам от неохватного живота.

– Во-первых, – тяжело выдохнул он, – здравствуйте, хозяин. Да, заместитель Бойчик? А во-вторых, что нормально? То, что наши конкуренты влезли в Центральный округ? Ты обещал, что их оттуда вышвырнут!

– Магистрация…

– Обосрация ты, а не магистрация! Щенки из «Уберём В.В.» повсюду! Они скоро их моих снов маготходы таскать начнут!

Зная безумный нрав начальника, заместитель Бойчик невольно сглотнул, но отступать было некуда. Гигантская туша перегораживала весь коридор, покачиваясь от стены до стены. Заклятье левитации из особой подписки «Магистр плюс» не могло удерживать её в безупречном равновесии постоянно, поэтому она плыла и покачивалась.

– Всё, как вы приказали…, кореш отключил Изкурножа!

– Какой кореш? – Владимир Дмитрич так втянул воздух, что щёки снова затряслись и покраснели. – Издеваешься?

– Всё как вы хотели…

Кулак потянулся к носу говорившего, но достать, естественно, не смог. Поднялся на уровень живота и бессильно опустился. Правда во все стороны разлетелись искры зря потраченной энергии. Попали на затянутую на животе рубаху и торчащую между пуговиц белую кожу и рассерженно зашипели.

– Простите, простите, хозяин. Всё уже почти настроили. Старые чары тоже остались. Их можно вернуть, будто…

– Точно издеваешься!

Заместитель Бойчик отпрыгнул назад, хоть и понимал, что бежать некуда. Он давно загнал себя в угол и уже не видел выхода.

– Я хотел, чтобы взяли предателя Дивногорского, а не этого… откуда он вообще взялся?

– Пушкин притащил с собой…

– Почему не наш бывший сотрудник? – взревела огромная туша.

– Дивногорский в коме…

– Не попадайся мне на глаза!

– Простите, хозяин.

Владимир Дмитрич зловеще оскалился. По бетонной стене коридора протянулась длинная кривая тень, а нервный белый свет задрожал и посинел.

– Пора тебя менять. Совсем!

Заместитель Бойчик сглотнул, а начальник со всей силы отпихнул его и протиснулся в кабинет. Дверь грохнула так, что задрожали обшитые дубом стены. Тёмные от следов времени, вывезенные из какой-то затопленной почти сто лет назад деревни. Первые попытки обуздать энергию, как всегда, строились на основных стихиях, поэтому тогда утонули многие. Ещё больше сгорело и сгинуло в недрах земли. А вот на воздух взлетело значительно меньше.

Хозяина распирало от злобы. Надо было срочно выплеснуть её куда-нибудь, иначе натянутая до предела кожа, могла и лопнуть. Заклятье донесло его до стола и плюхнуло в кресло, которое страдальчески закряхтело и едва не сложилось. Усиленная модель из подписки «Великан плюс» с трудом справлялась с его тушей и натужно скрипела по дубовому паркету. Даже у чар были ограничения. Чем больший вес приходилось поднимать, тем больше энергии тратилось. А думать о лишних потерях хотелось меньше всего. Но стоило Владимиру Дмитричу наклониться, как из раритетного зеркала выпрыгнуло уведомление об отказе на расширение территорий уборки магических отходов в Центральном округе.

– Пушкин – шмонькин сын! Грёбаный выскочка, три месяца как появился и уже всё обделал. Дивногорского шаболду перетащил… удавлю обоих!

Он отмахнулся от уведомления и пододвинул к себе небольшой круглый аквариум с гравировкой «Хомо магус навсегда». На воде плавал крошечный остров с пальмой. А под ним в голубых толщах воды происходили бесконечные таинства эволюции. Мелкая рыбка росла, отращивала ноги и выползала на сушу. Распрямлялась, отрывалась от земли, освобождала руки и начинала пилить пальму, в процессе всё больше превращаясь в человека. Это занятие ей, правда, быстро надоедало. Тогда человекоподобное существо садилось в позу лотоса и погружалось в себя. Вскоре над двумя закрытыми глазами открывался третий. Существо взлетало над бренным островом, претерпевало несколько магических превращений, в итоге становилось акулой, и снова ныряло в пучину морскую.

Хозяин дождался очередного витка, а когда отрастившая ноги рыба поползла на берег, с воодушевлением спихнул её пальцем обратно и начал топить.

– Я акула, я главный, я всех жру, – зачарованно пробормотал он, но по коже пробежал едва различимый разряд, слетел в воду, зашипел и исчез.

А вслед за ним зашипело и ухнуло в голове. Владимира Дмитрича перекосило. Он отшатнулся от аквариума и превращения продолжились. Рыба вскарабкалась на остров и как ни в чём не бывало начала отращивать нужные конечности.

– Гадина! Гадина! Гадина!

От крика снова зашатались стены. На пол свалился портрет. Потайная дверца у грузного шкафа отворилась и оттуда кубарем выкатился мальчишка лет восьми. Немытые волосы торчали во все стороны, а грязные обноски едва прикрывали тощее тело.

– У меня закончилась энергия!

От визга мальчишка подскочил, но сразу же бухнулся на колени.

– Простите, хозяин. Умоляю…

Владимир Дмитрич сморщился и едва разжав губы выплюнул слова:

– Делай подменыша.

Мальчишка ещё сильнее задрожал, но замотал головой.

– Подпитай меня!

Этому приказу он был не в силах сопротивляться, поэтому чиркнул тонким пальцем по руне «питание» на ладони. Плотный поток на мгновение даже раскрасил комнату радужными сполохами и озарил обрюзгшее лицо с рыжими бакенбардами.

– Теперь делай подменыша!

В ответ снова замоталась голова.

Владимир Дмитрич заставил заклятье из подписки заработать и вместе с креслом подплыл к своей жертве. Он даже не пытался складывать чары, а просто начал откачивать энергию обратно, но из-за того, что чара приёма у его питалки не работала, мальчишку вдавило в пол. Невидимые потоки вибрировали и расходились по кабинету кругами. Задрали ковёр, закачали полки, и с них посыпались жуткие на вид побрякушки. Зашатали потайную дверцу, так что она в истерике забилась об шкаф, вожделенно скрипя. От бесцельно выброшенной энергии воздух буквально загудел. Всё что могло наэлектризоваться, наэлектризовалось. С пола поднялись

едва различимые соринки. Только вокруг мальчишки оставалась полоса отчуждения – тёмная, вязкая и горячая. Его давило всё сильнее. Для сопротивления не было ни сил, ни желания. Он просто сглатывал, не успевшие высохнуть слёзы, и старался не слушать хруст своих суставов.

– Делай подменыша, – упрямо требовал хозяин и продолжил напирать.

Его безвольную жертву уже распластало по полу, ковёр сдвинулся, и голова упёрлась в дубовый паркет, но давление не ослабевало. Руки вывернуло, плечи уехали за спину. Он что-то сдавленно пискнул и зубы царапнули по дереву. Челюсть свело, и звуки заглохли, поэтому пока ещё хоть как-то двигались пальцы, он согнул мизинец и мазанул по ладони. Единственное разрешённое клятье моментально активировалось. А когда над ним появилась почти натуральная копия, прекратилось и энергодавление.

– Встань и смотри!

Сломленное, раздавленное тело едва слушалось, но он всё-таки поднялся и невольно отпрянул на шаг, когда созданный хозяином подменыш, несмотря на грузность и тяжесть, резко ударил его подменыша в живот. От боли заныл пустой желудок. Магическая связь полностью передавала ощущения, только не наносила физического урона. Терпеть не стоило. Мучитель мог придумать чего похуже. Поэтому мальчишка тонко захныкал, пряча глаза. Страшно ему давно не было. Страдания казались мелкими и незначительными. Он и сопротивлялся лишь для того, чтобы посильнее вывести мучителя из себя. Тогда тот зверел и терял контроль. А так всё проходило намного быстрее.

В следующий раз кулак прилетел в ухо. Внутри что-то лопнуло, мальчишка покачнулся, но не упал, механически замотал головой, но Владимир Дмитрич зарычал в ответ и удары посыпались один за другим. А когда подменыш рухнул на пол, в ход пошли ноги.

***

– Привет! Есть где пожить?

– Бидбей? Что с голосом? Сразу не узнал.

Звонивший попытался подняться, но голова опять закружилась, и он осел на пол, очередной раз прокорябав спину об неровную штукатурку.

– Приболел, Кореш. Ничего страшного…

– Опять все подписки просрал? Ты прямо мегасральщик. В больничке что ли? Есть максимальная медподписка на месяц, почти даром…

– Я на мели, – вздохнул Бидбей. – Выручай, кореш. Надо где-то отлежаться.

Оглушительная тишина пугала своей неотвратимостью. Ну не могут же все отказать. Он ведь не так часто просит помощи, чтобы стать галимым прилипалой или уже перешёл какую-то грань?

– Ладно, – снисходительно проворчали на той стороне, – есть одна тихая хатка. Я там неисправного Иискурножа чинил, хозяин вроде уехал в командировку. Можешь пожить недельку.

– Спасибо, Кореш, спасибо…

– Никогда и никому, понял?

– Да, конечно…

– Испортишь мне репутацию, прокляну!

– Чтобы мне ни маны больше не выработать!

Бидбей снова начал вставать, но теперь ещё медленнее, в несколько этапов. Сначала сел на корточки, потом чуть разогнулся, повернулся и опёрся на стену. Распрямился, но не до конца. Голову поднимать не стал и плечи распрямлять тоже. Так и побрёл к выходу приёмного покоя, сутулясь и терпеливо выслушивая инструкции.

– Искурножа не приручай. Никаких личных просьбочек и обращеньиц. Только стандартная база: «хозяин хочет, чтобы ты сделал то-то и то-то», понял? Не вздумай там шиковать? Приведёшь кого, я тебя из-под земли достану и обратно засуну.

– Я один тихонько, как мышка и питаться так же буду, только своим. На хозяйскую кухню даже не зайду.

– Смотри мне! Лови адрес и секретное слово для искурножа.

– Спасибо, Кореш, спасибо.

Идти было очень муторно, перед глазами всё кружилось, но Бидбей как-то умудрялся переставлять ноги, бормоча, что бывало и хуже. Маны не было даже на эконом магохода. За то, что его поставят на ноги, пришлось выложить все личные запасы, иначе не отпустили бы даже под добровольный отказ от медпомощи. Поэтому он едва выбрался из стеклянных дверей больницы на улицу. Небо давило сверху, асфальт упирался в ноги снизу, а серые махины безликих домов сжимали рёбра слева и справа. Словно город пытался его раздавить, чтобы не позволить восстановить истощённые запасы энергии. Он едва доплёлся до остановки скотовозки и вцепился в поручень. С трудом собрал вместе путанные мысли и передал адрес. Ехать, как назло, надо было на другой конец Москвы. В один из самых стрёмных районов восточного округа. Его даже приличные франты из центра, иначе как Жульёбино, не называли.

Скотовозка открыла портал через сорок минут. Вокруг собралось уже много людей. Бидбей, тяжело дыша, шагнул внутрь мутного сияния, но его тут же впихнули глубже, матюгнувшись в ухо. На ответ не хватило сил, он кое-как втиснулся в очередь. Вытер мокрый, липкий лоб рукавом, и сполз бы на пол, если бы не мешали плотно стоящие пассажиры. Движения вообще не чувствовалось, словно сверкающий перламутровый коридор не тянулся через изнанку мира, а остался на тротуаре. За его мутными стенами с трудом просматривались трубы городского энерговода, а пирамиды и вовсе не было видно. Она полностью растворилась в жирной мгле и лишь немного просвечивала на горизонте, словно была далеко-далеко. Добивала вибрация под ногами, от которой ещё сильнее гудело в голове и укачивало, поэтому Бидбей закрыл глаза и сам не понял, как отрубился.

Из стены перламутрового коридора, трагически приволакивая ногу, вышел пожилой маг. Его нечёсаные волосы свисали ниже плеч, но сами плечи опустились будто до растворившегося в сиянии изнанки пола.

– Пожалуйста, – скорбно протянул он, размазывая морщинистой рукой слёзы по седой бороде. – Твои силы и таланты нужны родине. Вступай в ряды военных колдунов. Родина всё ещё в опасности. Враги скоро отберут всю нашу энергию без остатка. Пострадает наш привычный, горячо любимый образ жизни.

Бидбей очухался на полу, не чувствуя затёкших рук, на которых лежал. Значит в отключке пробыл не меньше получаса. Его очередь ушла далеко вперёд, но количество желающих без затрат энергии добраться до дома, не уменьшалось. Они обходили его с двух сторон, медленно продвигаясь к невидимой пирамиде. Кто-то уже успел пошарить по его карманам, даже попытался взломать руны. На ладоне остались царапины от вредочар. У грабителя, конечно, ничего не вышло. Мастера такой ступени, чтобы вскрыть личную защиту за тридцать минут, на скотовозке не промышляли. А у любителей пыли и зелий для разочарования не хватало таланта.

Он отряхнулся и встал в длинную череду безликих пассажиров. Стоило закрыть глаза, как в темноте проступала новая социальная реклама. Видимо для наведённых чар не было разницы спит человек, задумался, устал, болен или в бреду. Все, кто перемещается через скотовозку, должны получить свою порцию одобренной государством агитации. Поэтому под его веками довольно улыбались розовощекие юноши в просторных балахонах, а ещё совсем юные, как феи, ведьмочки в лёгких полупрозрачных платьицах танцевали на костях невидимых врагов. За их спинами горели руины чужих городов и дымили трубы энергоперерабатывающих заводов, от которых облака раскрашивались во все цвета радуги.

– Население обязано отдавать свою энергию южному фронту! – доверительно, но настойчиво комментировал чей-то поставленный голос.

А Бидбей старался шевелить ногами, чтобы снова не потерять место в очереди. Ему то и дело наступали на ботинки, а потом резко ткнули в спину. Пришлось открыть глаза и повернуться.

– Чё вылупился, болезный? – взвизгнула бабка с золотым зубом, торчащим из-под нижней губы. – Уступи старой место, до конца жизни к внуку не попаду.

Бидбей отвернулся и получил ещё три удара по спине. По стенам и потолку коридора прокатилась разноцветная волна и вместо надвигающейся из поредевшей мглы пирамиды, появилось слишком жизнерадостное изображение красной площади. Облысевший, заплывший архимаг махал рукой со своего каменного трона на Красной площади и пытался победоносно улыбаться, но выходило желчно.

– Всех жителей и гостей столицы поздравляю со столетием Великой октябрьской революции технического прогресса и магического равенства без узурпации церкви и царизма!

У Бидбея потемнело в глазах. Он встряхнул головой, сощурился и потянул пальцем веко в бок. Видеть лучше не стал, но кожа на виске начала зудеть. Так сильно, что терпеть не было сил. Он поскрёб её ногтем. Почесал сильнее, с нажимом. Впился, так что вздрогнул, но остановиться не смог, а давил всё сильнее и сильнее, пока из-под пальца не вытек кровавый ручеёк и не побежал по щеке. Но даже после этого, он продолжил вгонять ноготь себе под кожу.

– Уступи, а? – занудили где-то совсем рядом и новый удар сотряс спину.

Он очнулся от очередного провала. С глазом было всё в порядке, да и очередь двигалась. Нависающая пирамида пульсировала мегаваттами собранной с граждан энергии. Она низвергалась по её склонам мощными водопадами, растворяясь в радужном сиянии. В котором наконец протаял выход из бесконечного коридора.

Не обращая внимания на раздражённые вопли и попытки схватить его за одежду, Бидбей изо всех рванулся вперёд, отталкивая тех, кто перекрывал дорогу.

– Тварь болезная! – донёсся из-за спины голос бабки, когда он перепрыгнул двадцатисантиметровый провал и ввалился в спасительную тьму внутреннего туннеля пирамиды.

Собрался, и на одной силе воли заковылял в направлении, которое указывала его путеводная нить. Ему не было дела ни до воя, доносящегося откуда-то снизу, ни до крестов на стенах, ни до прямоугольников с закруглёнными краями, ни до искажённых людских силуэтов. Он тяжело выдувал густой пар и упрямо тащил непослушное тело вперёд, пока не переступил петлю, свитую из путеводной нити, и не вывалился на грязный асфальт.

«Чаровища уже здесь!» гласила надпись на стене. Старые человейники на окраине, особенно днём, ещё отвратительнее. Магический полог покоя здесь не оплачивали, слишком дорогая подписка для Жульёбино. Соседский шум не самое страшное, что могло случиться с местными. Поэтому обшарпанные стены домов, расчерченные жуткими длинными шрамами трещин, наскоро замазанных клеящим составом, больше напоминали послевоенные руины. О наступлении юбилея напоминали только красочные плакаты, прикрывающие ущербные фасады человейников.

Кое-как поднявшись, Бидбей побрёл к нужному дому. Глаз болел и постоянно дёргался, всё сильнее заплывая мутными слезами. Будто он пытался выковырить его не во сне, а на самом деле. Поэтому приходилось искать дорогу «третьим глазом». Всё время ощущая ненужное внимание, из-за которого хотелось раствориться в мерном городском шуме и исчезнуть. Только когда за спиной хлопнула скрипучая металлическая дверь, стало легче.

Он кое-как взобрался на второй этаж. По спине тёк холодный пот, колени подгибались, но мучения почти закончились. Дотащившись до квартиры номер тринадцать, Бидбей позволил чаруше себя «обнюхать» и прошептал:

– У вас продается подписка на всё навсегда?

Дверь распахнулась так резко, что он ввалился внутрь и распластался на полу. За спиной защёлкали тяжёлые замки.

– Хозяин спрашивает, зачем так запираться…

– Ты не хозяин. Ты пленник! – раздалось со всех сторон.

***

– Просыпайся, тебе пора на работу!

– Я только пришла, – пробормотала Лялька, закапываясь в одеяло.

– Подъём! – непререкаемым тоном воскликнул отец.

Она сглотнула и начала подниматься, не открывая глаз.

– Сегодня же праздниииик…

– Праздник у архимага, а остальным работать надо!

Когда он так говорил, спорить было бесполезно. Упрямые военные демоны полностью забивали его душу, так что вываливались из ушей. Поэтому донести до него хоть какие-то доводы, было практически невозможно, но она всё ещё пыталась.

– Я же с ночной смены, – просительно протянула Лялька, ещё сильнее зажмурившись.

– Отчёты сами себя не напишут. Кто первым предоставит свою версию событий, тот – и прав!

Она тяжело вздохнула.

– Меня мутит.

– Напишешь отчёт и вернёшься.

– Но…

– Лучше сразу проклясть, чем потом оправдываться!

Это был непробиваемый аргумент, ставящий точку в конце любого спора.

– Выходи, я буду переодеваться, – пробормотала она, поднимаясь с кровати.

– Я знаю, о чём говорю, – бросил отец перед тем, как прикрыл дверь.

– Не даром вышел на повышенную военную пенсию почётным гражданином с бесплатной подпиской и кучей льгот, – продолжила за него Лялька.

Силы кончились до того, как она влезла в огромный, но уютный и безумно удобный балахон. Дальше пришлось пробираться как во сне. От недосыпа рябило в глазах. Всё покачивалось и кружилось.

Отец что-то сказал про новый рецепт в подписке, но при одном упоминании постороннего вкуса во рту, подкатила тошнота.

– У тебя что совсем энергии нет? – проворчал он, снова расчёсывая руку. – Как так можно разбрасываться? Вот в наше время такого не было. Прежние маги умели экономить.

Она не увидела его манипуляций, но освежающий поток, открывшийся в голове, говорил о том, что он напитал её своими запасами. Надо же, забыла отключить руну «пополнение».

– Давай быстрее. На Магистра туда-обратно тебе хватит.

Лялька посмотрела на него – хмурого, но будто виноватого, с покрасневшим от бесконечного чесания запястьем, и молча вышла. Хотя за такую щедрость стоило поблагодарить. Целую кучу энергии на никому ненужный магоход до работы. Ой, спасибо папенька, как это кстати. Она даже не помнила, как попала в закрытый двор дома, небольшой пятачок, который все использовали для перемещений. Её качало, как пьяную. Один в один, как в тот раз, когда пацаны в школе сказали, что от настоящего алкоголя уровни растут, и она на зло отцу отпила несколько приличных глотков из пыльной бутылки. Продвинуться, конечно, не продвинулась, но на армейскую порку напросилась. Два дня не могла сесть, даже на уроки не пошла, чтобы совсем не опозориться.

Несмотря на кучу дарёной энергии, организм упорно не хотел чувствовать себя лучше. Она кое-как влезла в магоход на «Магистре», буквально выпала из перламутрового коридора и схватилась за колонну парадного входа Дома съёмных помещений. Доплелась до приёмной, а когда ввалилась внутрь, долго щурилась. Всё-таки надеялась увидеть его здесь одного. Пуш-

кин иногда прибегал рано-рано из-за своей хронической бессонницы. Но тёплая нега надежды быстро сменилась разочарованием.

– Так и думала, что ты будешь первая, – обрадовалась Цветуллина.

Лялька кивнула и сморщилась от подкатившей тошноты.

– Ты чего? – не поняла инспекторша.

– Плохо, как в детстве, – она замерла от собственных слов и удивлённо заморгала.

– Сейчас посмотрю, – тоже догадалась Цветуллина.

Схватила её за ладонь и выгнула пальцы, так что сгибательные складки на них засветились ещё сильнее. Помимо трёх на указательном пальце и одной нижней на среднем, странно переливалась следующая.

– Почти до пятого уровня долезла. Ты занимаешься?

Лялька отступила на шаг, с удивлением рассматривая свою руку, но вырвать ладонь не решилась.

– Практикую осознанные сновидения. Это помогает повысить самоконтроль и легче визуализировать основные паттерны заклинаний.

– Да, хорошая практика. Её лучше не забрасывать. Двигаться по уровням она не поможет, но пользы даёт много. С ней колдовать в разы проще, всё легче представляется. А ещё?

Мысли путались и ответить на простой вопрос оказалось слишком сложно.

Цветуллина кивнула самой себе, повела подопечную к столу и усадила в кресло.

– Так будет легче. Не будешь отвлекаться на то, чтобы стоять прямо.

– Спасибо, – пробормотала Лялька, разминая кисть. – Ещё релаксация и медитация.

– Это для правильного восполнения энергии и опять-таки самоконтроля. Тоже полезно, но не для прокачки. Ещё?

– Спиритизм…

– Это чушь! – прервала её инспекторша и упёрла руки в бока. – Не трать время на эту шишень. Толку – никакого. Что ещё делала?

Лялька опустила голову, пытаясь сообразить, что упускает.

– Транс, выход из физического тела.

– Совсем другое дело, умничка. Это полезно! Главное знать меру. А вчера?

Пришлось задуматься ещё сильнее. Ночь выдалась слишком богатой на события, чтобы сразу сообразить.

– Была у вас, перед этим у МИФологов… – договорить она не смогла.

Шея вспыхнула огнём, и воздух в горле испарился. Дышать стало нечем. Сгорела даже горечь подступающей тошноты.

Цветуллина склонилась к ней, но увидев отметину на шее, похожую на запрещающую руну, отпрянула.

– Про это не говори, даже не думай. Выбрось из головы, быстрее!

Лялька чуть не выпала из кресла, в последний момент уцепившись за подлокотники, но как только разум очистился от мыслей про Навь, дышать стало легче.

– Что было до этого? – торопливо уточнила инспекторша.

В ответ раздался сдавленный хрип, но следом всё-таки вылетели свистящие звуки, а через некоторое время даже сложились в слова.

– Раньше сама прошла через изнанку экономом. Было очень сложно, я боялась, что мы заблудимся.

– Ты ещё и эту шаболду с собой тащила. Тогда ясно! То, о чём не стоит думать и говорить, стресс, нагрузка, да и пандеклятье сильно сбивает такие вещи. Всё вместе дало хороший эффект. Старайся поменьше общаться с этой и у тебя вообще всё будет хорошо.

– Сама не очень с ней хочу, – заёрзала Лялька.

– И правильно! Такие только о себе думают, а проблемы из-за этого у всех, – Цветуллина указала на её шею и приставила палец к губам. – Не вспоминай! Я эту ещё прижму к ногтю. А ты отдыхай! Зачем вообще на работу притащилась?

– А объяснительная?

Инспекторша усмехнулась и села на край стола.

– Мы вчера уже всё решили и с тобой, и с Пушкиным, а отписки оставь воякам, они их обожают. Только пообещай мне, что сходишь в «Жерло».

– Кккуда?

– Чего раскудахталась? – удивилась инспекторша.

– Это же клуб для оргий подменышей, – облизав пересохшие губы, прошептала Лялька.

– И что? – не поняла Цветуллина. – У них там есть игровая комната для стеснительных. Единственная в Москве без ограничений на количество фантомышей.

– Кого?

– Тебе точно надо отдохнуть. Пока в себя не придёшь, в «Жерло» даже не суйся.

Инспекторша начала её поднимать.

– До дома доберёшься или проводить? Уровни после обрядов на четвёртом, восьмом и двенадцатом даются тяжелее всего.

– Тяжелее обряда?

– Ну, ты уж не загибай.

Лялька вздохнула.

– Я правда не знаю, что такое фантомыш.

– Это как подменыш. Только ты через него не чувствуешь и можешь сделать похожим на кого угодно, а не только на себя. Правда нужно специальное оборудование, такое как в игровой комнате «Жерла». Очень дорогое и сложное! Поэтому и ставят ограничения, чтобы вызывали не более пяти или десяти фантомышей, но в этом клубе его нет. У них энергии всем магам обпитаться. Понимаешь?

– Если честно, не очень.

Цветуллина помогла ей дойти до двери, приобняла и повела дальше.

– Контролировать кучу фантомышей довольно тяжело. Нужно много энергии и самообладания. Заставляй их что-то делать. Лучше всего нападать друг на друга и защищаться. Ещё круче придумать тактику и устроить побоище. Ну или ещё что-то, на что фантазии хватит. Мне, в своё время очень помогло. Лучше, чем зельями психику нарушать. Надеюсь, тебе тоже поможет. У тебя есть потенциал. Ты же знаешь, что не все одинаковые? Одни набирают уровни быстрее, другие медленнее, а некоторые вообще только питалками быть и могут. Об этом, конечно, лучше не говорить. Тем более в день юбилея… кстати, с праздником тебя!

***

Валергор спустился во двор и едва подавил новый приступ паники. Это уже бесило, но совладать с собой всё равно не получалось. Голые тонкие деревья торчали заградительными кольями, а каменная кишка интерната давила ещё сильнее, будто могла обвить его кольцами и сжать до хруста остатков самообладания.

– Решили погулять? – мурлыкнул вынырнувший из ниоткуда кот и обвил ногу длинным то исчезающим, то появляющимся хвостом.

– Ты это специально?

– Похож на кота или на простака? – хитрая морда Чешира расплылась особой кошачьей улыбкой, которую некоторые чудаки считали милой и даже достойной доверия.

Старший инспектор МСБ по особо важным делам покачал головой.

– Хвостом мерцаешь.

– Специально или нарочно, вопрос философский, – почти по-человечьи пожал плечами кот. – Вы спустились только для этого? Думал у вас есть более интригующие вопросы.

– Атмосфера очень давит, плохо соображаю.

– Всего-то.

Чешир задрал хвост и окатил его ногу вонючей струёй. От едкого запаха защипало глаза. Валергор невольно замотал головой и отступил на шаг. Брызнули слёзы, а когда снова получилось хоть что-то увидеть, двор преобразился. Нет, деревья остались прежними, как и голая земля с унылыми, загаженными дохлыми листьями, дорожками. Только теперь их нарочитая тоска не вызывала прежнего давящего ужаса.

– Так значительно лучше, – глянул на как будто мокрую штанину Валергор, – но можно было обойтись и без этого. Пошли, покажешь вверенную территорию.

– Всю? Или ту, что приказал Медович?

Кот смотрел ясными, даже наивными глазами, расползшимися на пол морды.

– Начнём с самых тайных и закрытых уголков. Куда пускают только по МИФологическому допуску особо избранных.

Чешир величаво поклонился, опустившись на передние лапы и задрав длинный мерцающий хвост. Потом выпрямился, согнув задние и вытянув передние, и только после этого бодро пошёл вдоль парадного входа с колоннами.

– Ты тут давно работаешь? – принимая правила игры, спросил старший инспектор.

– Пятьдесят три года, четыре месяца и двадцать один день. Могу сказать часы и минуты, но людей, такие мелочи не интересуют, правда?

Валергор едва поспевал, хотя внешне чаруша вальяжно гарцевал чуть ли не на месте, едва переставляя мохнатые лапы. Вот только они уже миновали здание интерната и свернули на тропинку, которую охраняли седые нахохленные ёлки.

– Обычно людей вообще ничего не интересует, кроме них самих. Я другой. Меня интересует всё. Особенно то, что касается дела. Даже если на первый взгляд так не кажется.

– Достойно. Возможно в другой раз, твой энергетический код попадёт в более развитую оболочку.

– Пропал мой коллега и последний раз его видели у вас. Фактически расшифровка чар МИФом показала, что он вошёл в ворота и не вышел.

Кот оглянулся, а потом махнул мордой в сторону забора, виднеющегося среди голых деревьев.

– Путей много. Кто знает, какой выбрал именно он.

– Пятьдесят три года, – повторил старший инспектор. – Сколько директоров при тебе сменилось?

– Пять! И каждый следующей был лучше предыдущего.

– Только когда начинаешь разочаровываться в людях, встаёшь на путь колдовства.

Они не дошли до забора десяток метров и остановились. Кот расплывался и раскачивался в воздухе. Хвост растворился окончательно, как и задние ноги и половина брюха, но морда упрямо смотрела вверх на пятиметровые железобетонные плиты с острыми металлическими шипами, возвышающиеся ещё на метр. Между ними, перемигиваясь голубыми огнями, проскакивали охранные чары.

– Мне не стоит тут находиться, – сдавленно мявкнул он.

– Все мы становимся тем, о чём чаще всего думаем, – задумчиво протянул Валергор.

Чешир изогнулся змеёй и ещё немного продвинулся вперёд. Тогда почти исчезли спина и передние лапы. А когда передёрнулись уши, его снесло ещё на несколько сантиметров и не осталось ничего кроме зубастого рта.

– Я не мерцаю, просто моя реальность отличается от твоей.

– Уже можешь говорить? – разглядывая забор, уточнил старший инспектор.

– Почти…

От вылетевших слов рот лопнул.

– Пошли вдоль забора до кривой берёзы! – долетел голос из ниоткуда.

Валергор двинулся в указанном направлении. Бурелом был не хуже чем в лесу. Постоянно приходилось перелазить через сухие ветки и продираться через колючие кусты. Он пару раз запинался об невидимые под листьями корни и даже один раз рухнул на землю, зацепившись за пень. Наконец добравшись до места, где стены сходились в угол, он остановился. В самом низу железобетонных плит сверкал узкий лаз.

– Хочешь сказать, что он вылез здесь?

– Хочу сказать, что таких дыр тут миллион, – рявкнул в ответ невидимый кот.

– Поэтому такая сильная защита во дворе? Я чуть посттравматический припадок не схватил, – буркнул в ответ старший инспектор.

– Я твой оморочник? Ему будешь жаловаться. У меня своих проблем хватает, – взорвался Чешир и тут же тяжело вздохнул. – Знаешь, чего мне стоит притворяться чарушей? Не хочешь! Вот и я твои беды слушать не мечтаю. Такие мощные чары потому, что много попыток побегов. Из детей тут делают такое, что спать потом страшно.

Валергор закатил глаза и не смог сдержаться, чтобы не поддеть невидимого собеседника.

– Тебе или твоему фантомышу?

– Знаешь почему фантомыши не выглядят как люди, только как животные? – прорычал в ответ кот. – Потому что вы нас боитесь!

– А я думал из-за того, что человеческое рабство официально запрещено…

– Пошёл ты! Не прикидывайся! – от дикого мява заложило уши.

– Ты здесь постоянно! Как ты мог проморгать нашего сотрудника?

– Откуда я знаю? Чаруша от фантомыша отличается, как архимаг от дешёвой питалки. У меня все силы уходят на то, чтобы притворяться куском чар. Я уже себя не узнаю. Поэтому, не знаю. Сам об этом думал тысячу раз. Не мог он здесь сгинуть, не мог, – прилетел голос.

– Куда же он тогда делся? – старший инспектор махнул в сторону дыры в заборе. – Не в дырку же он вылез? Оборудование фантомыша по периметру работает плохо, может ты не увидел…

– Он бы не пролез. Тут только для мелочи… протиснется максимум четвёртый уровень.

– Его можно подделать…

– Я знаю! Не уследил! Я виноват. Пусть меня отзовут. Пожалуйста. Скажи магистру, что я сломался, что несу чушь. Что у меня мальчики кровавые в глазах.

Валергор покачал головой.

– Сам знаешь, что меня не послушают. Третий Азеф даже на приём не пустит.

– У меня правда больше нет сил, – взмолился Чешир. – Тут хуже чем на войне. Эти эксперименты над мелочью…

– Доложи нашим!

– Что? МИФу дали неограниченные полномочия в магистрации архимага. Если они создадут этих своих упырей, им простят всё. Ходят слухи, что мы проигрываем. Понимаешь? Наверху хотят всё закончить, но только победой. А без нового мощного оружия нам не выиграть. Поэтому у МИФ развязаны руки.

– Прости. Ничем не могу помочь. Мне просто надо найти нашего. Иначе мне про тебя вообще не сказали бы.

Старший инспектор отвернулся от гипнотической дыры в заборе, а воздух наполнил душераздирающий кошачий крик.

– Я искал нашего сам и ничего не нашёл. Никаких следов. Пятнадцать раз перепроверил все чары, моя расшифровка показывает, что он вышел.

– А МИФологическая, что вошёл, но не выходил.

– Нам пора возвращаться, Медович может что-нибудь заподозрить, – вздохнул Чешир.

Они полезли обратно через бурелом, и как только выбрались на тропинку, из воздуха начало собираться кошачье тело.

– Приходи ночью. Днём за всем следит Медович и ничего показать нельзя. Он, правда сам тебя позвал. Наверное, хочет расставить ловушку, но не рискнут же они избавиться от двух сотрудников СМБ подряд.

– Мне бы твою уверенность, – скривился Валергор.

– Отсыплю на здоровье, этого дерьма хоть жопой ешь, – замурчал кот.

Он даже остановился, завалился на бок и поднял ногу, но быстро передумал вылизываться и подскочил. Перед зданием интерната маршировали мальчишки лет семи-восьми. Они держали в руках плакаты со строгими надписями: «Сто лет технического прогресса и магического равенства! Да, здравствует мир без узурпации церкви и царизма!». Они старательно улыбались, но лица были почти такими же белыми, как плакаты, и больше напоминали наброски неумелого художника, чем живые детские мордашки.

– До завтра!

– И как мне попасть на территорию ночью? – прошипел старший инспектор.

– Снижай уровень и в дыру. Все так делают… Ты обязательно попадёшь, нужно только достаточно долго идти, – ответил Чешир.

***

Тридцать три заклятья сжимали кабинет непроницаемым кольцом. Поначалу было страшно дышать. Казалось, что с воздухом изнутри высосет абсолютно всю энергию. Остальное просочится через кожу, испарится и выйдет через третий глаз. Пушкин так и остался стоять у двери, сцепив руки на груди. Будто движения тоже могли лишать запасов сил.

– Не думал тебя когда-нибудь ещё увидеть!

– Если не поубавишь свои охранные чары, больше не увидишь. Скопычусь на пороге.

– Сейчас.

Оморочник оправил белую мантию и затыкал пальцем в ладонь. Руны засияли так, что Пушкин поморщился, но кольца охранных чар и правда разжались, освобождая его из удушающих объятий.

– Был тут до тебя один, – указательный палец подкинул рукав белой мантии, указывая вверх, – оттуда. Ломался как салага первоуровневый, всё боялся, что кто-нибудь узнает, что он сидит на пыле, зельях и шишене своего начальника.

– Ты не изменился. Гражданка тебя не сломала.

– О тебе такого не скажу. Архимаг на юбилее краше.

Они обнялись. Стояли несколько мгновений, хлопая друг друга по плечам и рассматривая, пока Пушкин не сделал шаг назад.

– Хорошо ты тут устроился.

Крошечная комната слепила глаза отсутствием красок. На стене старомодный монохромный портрет бородатого мужчины в сюртуке. Белые шкафы, стены, пол, даже стол и стулья. Из единообразия выбивался только метроном в виде канонической фигурки архимага: балахон, шляпа с широкими полями, борода до пояса и раскачивающийся из стороны в сторону посох. Всё в нём обескураживало белоснежной чистотой, кроме угольно-чёрного посоха с огненным навершием.

– Это моя тюрьма. Сослали за длинный язык. Даже по праздникам дежурить заставляют, – отмахнулся оморочник. – Лучше расскажи, чего пожаловал?

– Кошмары замучили.

Они сели.

– Не тяни. С такими проблемами к лекарю ходют, а не ко мне. Рассказывай, как есть.

Пушкин нахмурился, но потом отчаянно махнул рукой.

– Снится один и тот же сон. Двадцать второе октября девяносто третьего. Я впервые попал в лагерь смертников девяносто семь. Мы выгрузились, а они там сидят в грязи… в общем сон обрывается на одном и том же месте. Не могу вспомнить, что было дальше.

– Прикалываешься? – нахохлился оморочник. – Думаешь, мне больше заняться нечем? Хотел увидеться, пригласил бы выпить. Посидели, повспоминали былое.

– Я не шучу. У меня энергия перестала восполняться. Я не могу спать без пыли.

– А с зельями как? – раздался озорной смешок.

– Ещё про шишень начальника спроси, – Пушкин перевернул стул и сел верхом.

– Запомнил. Значит с памятью проблем нет. Это всё?

В ответ замоталась голова.

– Чаровище.

– Понятно, – сразу посерьёзнев, вздохнул оморочник. – Давно?

– Всегда. С тех пор как вернулся, каждую ночь одно и тоже. Всё связано с проклятым сном, но не пойму как. Наверное, что-то забыл…

– Я понял. Извини, приём десять минут. Не успеем, придётся несколько раз приходить. Память выдавливает самые травмирующие воспоминания. Поэтому приятно не будет.

Пушкин кивнул.

– Тебя когда-нибудь погружали?

– Не приходилось.

Оморочник покачал головой.

– Будет всё по-настоящему, поэтому придётся заблокировать твою магию. Не хочу, чтобы ты нас прикончил или вызвал какую-нибудь дрянь.

Добровольно перекрыть себе единственную возможность защититься – было тяжело. Тяжелее, чем казалось до этого. Сразу вспомнилась его глаза.

– Чего затих? Говорю же, времени мало. Даёшь согласие?

Пушкин кивнул, но слюна стала горькой. Он протянул руку ладонью вверх и дождался пока по ней хлопнут сверху. Все руны одновременно погасли, а энергопоток прокатился аж до локтя и иссяк, оставив после себя неприятное покалывание и дрожь в мышцах. На запястьях проступили красные следы, как от верёвок – из-за чего стало ещё противнее.

– Да, не напрягайся ты так. Это и тебя тоже защищает. Дом то ещё не сжёг?

– Охранные чары не дали.

– Вот и тут тоже самое. Считай, что это твои охранные чары, – посоветовал оморочник. – Теперь расслабься и закрой глаза. Может кружиться голова, но это пройдёт, если не сопротивляться.

– Легко сказать, – Пушкин положил руки на стол и навалился на спинку стула грудью.

Зажмурился, но выкинуть из головы лишние мысли никак не получалось. Они витали как злые духи вблизи старых захоронений, невидимые и несуществующие, но от этого не менее опасные. Отогнать их получилось только другим образом, проявившимся неожиданно чётко и ярко. В лицо дыхнуло горным воздухом, холодным и настолько насыщенным чуждыми ароматами, что закружилась голова. Он даже попытался взмахнуть рукой, но их всё ещё придавливало к столу, поэтому ничего не получилось. Глаза открылись сами собой.

– Расслабься! – заорал оморочник. – Уже почти получилось, ты всё испортил.

Пришлось принять прежнюю позу и зажмуриться. На этот раз Пушкин попытался полностью очистить голову от ненужных мыслей. Не думал ни о чём. Растаял в туманной дымке белый кабинет, и снова подул студёный горный ветер. Глаза заслезились, а под ногами что-то хрустнуло. Он обернулся и застыл. Сзади шли другие новобранцы. Полгода в учебке не прошли даром. Они перестали напоминать вчерашних школьников, но в глазах ещё сохранилась глупая надежда, что впереди будет что-то хорошее. Он сглотнул. Отогнал тоскливую неопре-

делённость, напоминая себе, что всё давно закончилось. Это всего лишь его воспоминания – хроника прошедших бед.

Идти стало легче, даже несмотря на вязкую грязь, затягивающую сапоги и мелкий, но навязчивый дождь, протекающий из низко нависающих грязных облаков. Площадку удачно защищала скала, к которой липли наскоро сколоченные бараки. А с другой стороны, прикрывали торчащие над отвесной пропастью острые колья. В центре раскинулся плац с возвышением из ящиков и торчащим флагштоком с мокрым, скукожившимся флагом. Когда-то всё засыпали песком, но его давно растащили по округе. Осталась только жирная, напоенная дождём, почва. В ней и сидели смертники. Остатки батальона. Десяток проштрафившихся боевых магов, около тридцати человек прикрытия и более сотни посеревших от недоедания питалок.

Пушкин невольно замедлился, проходя мимо. Скопище людей всегда производит много шума, но над плацом висела мёртвая тишина. Не шуршали, даже слишком мелкие для этого, капли дождя. Они уже давно растворились в потяжелевшем воздухе и медленно клонили его к земле. Смертники смотрели перед собой. Сквозь тех, кто сидел впереди. В пустых, блёклых глазах не отражался свет. В них давно потерялось всё, что заставляет теплиться жизнь в обычном человеке.

Скрип двери заставил вздрогнуть. Из барака, печатая широкий шаг вышла хрупкая длинноногая девушка в парадном камзоле. Её ботфорты так блестели, что заныли глаза. Беззвучные шаги вминали в грязь старые тренировочные силуэты мишеней, из которых была выложена дорожка к краю плаца. Она шла, высоко задрав подбородок и безупречно красивое лицо почти сияло.

Пушкин застыл на месте, не в силах отвести глаз. Такой отчаянной, подавляющей и одновременно неуместной красоты, он ещё никогда не видел. Сердце то замирало, то отчаянно галопировало, раздвигая рёбра. Она остановилась, и по спине прокатился холодок, а когда заговорила и вовсе перехватило дыхание.

– Повоюем смертнички? – спросила девушка в парадном мундире.

Её голос сбивал с ног, клонил вниз, на колени, в грязь.

– Ура! Ура! Ура! – слаженно грянул батальон.

– Шагом марш!

Они синхронно встали и, собираясь колонной по двое, поползли к воротам лагеря. Она даже не посмотрела им вслед. Закинула свою бесконечную ногу на ящик, сняла салфеткой грязь с ботфорта и отполировала. Поморщилась и пошла по старым тренировочным мишеням обратно в барак.

– Это что за… – у Пушкина не хватило слов.

– Фея!

– Кто, шишень тебе в рот?

– Младший магистр Фещук. Внучка Великого магистра МИФ, – подсказали за спиной. – А ещё дочь главного казначея.

Он долго смотрел ей вслед. На толстую русую косу, подпрыгивающую за спиной, на упругую задницу, обтянутую форменными штанами и нескончаемые ноги, теряющиеся в ботфортах. Смотрел даже после того, как она исчезла за дверью барака. Потом сплюнул и долго брезгливо вытирал попавшую на щёку слюну.

– Пошли.

Его толкнули в плечо, и он даже сдвинулся на несколько шагов, но тишину вскрыл вой сирены, снова заставив остановиться. Над головой загремело, и новобранцы бросились в рассыпную. Кто-то налетел на Пушкина. Он наконец вышел из ступора и, пригнувшись бросился под защиту скалы. На бегу проскочил между бараками и едва успел затормозить, чтобы не врезаться в него. Маленького, тощего, лопоухого, но с идеально ровной спиной, задранным

до небес подбородком и глазами, в которых колыхалось бескрайнее море жуткой звенящей пустоты. На его плече сидел огромный иссиня-чёрный ворон со слишком человеческими глазами.

***

Глаз разболелся так, что желание его выковырить стало непреодолимым. Сопротивляться бесполезно. Если не сделать этого прямо сейчас, поселившаяся в нём зараза впитается в плоть, по слёзному каналу проникнет в нос, а потом в глотку. Растворится в крови, наполняя её тухлой зеленью, и будет расползаться всё дальше и дальше, пока не сожрёт весь организм. Другого выход нет!

Бидбей обшарил щёку. Провёл пальцем по брови, чуть надавил на веко и сглотнул. Рука сдвинулась и третий глаз на лбу заморгал. Он попытался преодолеть его сопротивление, погружаясь всё глубже в радужную бездну, но вместо кости под кожей лба, был кисель. Сначала затянуло ноготь. Больно не было, только мерзко. Вязкая, горячая и скользкая субстанция присосалась к коже. Палец погрузился почти весь. В голове что-то лопнуло. Прострел от спазма заставил сжаться. Ужас накатывал волнами. Бидбей задёргался, затрясся, попытался освободиться, но сияющее многоцветием око во лбу, заглотило всю ладонь. Он сдавленно крикнул, но вместо отчаянного призыва о помощи, раздался лишь придушенный стон. Рука проваливалась всё сильнее. Плечо уже упёрлось в подбородок и закрыло лицо. Всё тело задрожало от судорог, которые только помогали пропихивать его в самого себя…

– Очнитесь! Очнитесь!

Он подскочил, пытаясь хоть что-то разглядеть во мраке и потрясённо ощупывал помятое лицо, пока не убедился, что всё в порядке. Холодная липкая кожа и трясущаяся челюсть, конечно, убеждали в обратном, но лучше так, чем как во сне.

Бидбей сел.

– Хозяин спрашивает, почему нет света?

– Вы не хозяин. Вы пленник! – раздалось со всех сторон.

Он замотал головой в ответ, пытаясь сбросить оцепенение и избавиться от остатков кошмара.

– Повтори!

– Вы не хозяин. Вы пленник!

– Тебя что не починили? Грёбаный кореш, подсунул мне хату с отбитым Изкурножем.

– Я не Изкурнож. У меня совершенно другие обязанности. А того, кого вы называете чарами Избушка на КУРьих НОЖках, отключили.

– Отключился? – вздохнул Бидбей. – Не понял ещё до конца ваших московских штучек. Кто ты такой?

Невидимый собеседник прокашлялся, но голос по-прежнему раздавался отовсюду сразу.

– Мне запрещено отвечать на этот вопрос. Могу только сообщить, что должен наблюдать и всё фиксировать. Можете называть меня Исследовательскими Чарами…

– Да ты знаешь кто я такой, ИсЧар?

Наверное, стоило встать, но слабость не позволяла даже подняться с колен. Поэтому попытка переломить ситуацию вышла даже более жалкой, чем он рассчитывал.

– Нет! Я должен быть беспристрастным, поэтому не ознакомлен с вашим досье. Моя задача запоминать всё вплоть до мелких деталей. Каждое ваше движение, слово. Вообще всё, что вы будете пытаться делать.

– Я не смогу выйти? – догадался Бидбей.

– Совершенно верно. Волнуетесь?

– Пошёл ты, чаруша тупая.

– Слишком слабый уровень агрессии, чтобы быть правдивым. Давайте я помогу. Сейчас мы зажжём освещение, чтобы вы смогли увидеть, где находитесь.

Пришлось сжаться на полу и прикрыться рукой, но вспыхнувший свет всё равно резанул по глазам.

– Сейчас привыкните, – голос звучал так сочувствующе, что бесил в два раза сильнее, но обжигающая яркость и правда начала потихоньку снижаться, пока не стала приемлемой.

В комнате не было ничего особенного. Стандартная планировка и мебель, которые он много раз видел в подписках эконом. Всё как у всех.

– Вы же знаете, что всё это действие чар?

Бидбей не ответил. Заставил себя встать и пройти к цельному окну. За стеклом не было видно ничего, кроме глухой стены соседнего здания.

– Так выйти тоже не получится, – душевно пробормотал Исчар. – Заранее простите, но энергии на поддержание всего этого нет. Вы должны увидеть всё таким, какое он есть на самом деле.

Свет мигнул и в то же мгновение всё исчезло. Серый ковёр с пола. Само покрытие, напоминающее светлую древесину. Длинный угловой диван. Высокая крутобокая ваза с цветами. Даже окно. Вместо него едва сиял охранный магический полог. Бидбей остался посреди пустой бетонной коробки. Как будто бы запахло цементом и сыростью. Даже пришлось снова встряхнуть головой, чтобы избавиться от навязчивого обонятельного глюка.

– Знаю, как выглядит жизнь без подписок. Я так жил. Очень долго, – равнодушно сплюнул он под ноги.

– Я должен быть беспристрастным, поэтому не ознакомлен с вашим досье. Что думаете делать в сложившейся ситуации?

– Подкоплю энергии и развею тебя к Энерползу, проклятый чаруша!

– Это уже больше похоже на агрессию, но ещё недостаточно. Продолжайте!

Бидбей только отмахнулся. Отступил на несколько шагов до угла и сел на пол. Как только закончилось действие чар подписки, так называемого домашнего уюта, стало значительно холоднее. Заклинания больше не поддерживали комфортную для человека температуру, а наколдованный паркет с ковром исчезли и больше не грели ноги.

– Я так заболею.

– Скорее всего, – участливо согласился Исчар.

– Хочешь меня прикончить?

– Вовсе нет! Наоборот, предлагаю всячески сопротивляться и бороться за свою жизнь.

Бидбей нехотя взглянул на ладонь. Руна «пополнение», отвечающая за входящую энергию, едва светилась.

– Нечем.

– Тогда подождём, ведь рано или…

– Я быстро коплю! – яростно крикнул Бидбей. – Ты ещё пожалеешь!

***

Алисса стояла на пороге его роскошного дома, смешно морща нос. Сразу бросалась в глаза нарочитая простота архитектуры, но её обманчивая незамысловатость не могла обмануть внимательного человека со вкусом. Внутренний гармониямер подсказывал, что всё безумно дорого.

Она прибыла по наводке магохода, оплаченного его энергией. Кого-то такое заставляло чувствовать себя обязанной или даже униженной. Для неё же означало высокий уровень востребованности и контроля над ситуацией.

Её тело облегало платье, которое он подарил. Прислал несколько часов назад дорогущего чарушу-доставщика, похожего на озорную девчонку в ступе с метлой, которая подлетела к окну и осыпала её лепестками роз, прежде чем вручить сам презент. Ступа проиграла популярную романтическую мелодию, а чаруша подпевала тонким голоском.

Такое повышенное внимание возбуждало.

Алисса улыбнулась собственным мыслям и приложила руку к бронзовому отпечатку, но дверь оказалась открытой и бесшумно распахнулась внутрь.

– Иди скорее сюда, – донеслось из гостиной.

Пятый Азеф, замотанный в старинный халат с вышивкой, обнял её и поцеловал, не отрываясь от книги.

– Послушай! Говяжьи голяшки и ветчинЫ нарезав малыми кусками, приставить в горшки с водоЮ вариться. Между тем кислу капусту перемыть в воде, отжать и приставить повариться особлИво с малым куском коровьега масла. Когда капуста поотварится мягко… – он облизал губы, – выложить оную на сито, а потом к голяшкам в горшок прибавить крошёнаго луку, пока капуста разварится. Решетнаго хорошаго хлеба… тут вышла проблема, – вздохнул Пятый Азеф. – В наше время никто не умеет печь настоящий хлеб, а уж решетнай и хорошай подавно. Поэтому пришлось обходиться тем, что достал. А дальше… хлеб накрошить сухарями и обжарить в говяжьем сале. Щи приправить перцом и сметаною, апосля выложить в чашу и сухари. В приправу оных употребляется трава укропная.

Он закинул книгу на полку, продолжая обнимать Алиссу и кружить её по гостиной.

– Двое суток томил это капустное зелье в печи, ожидая тебя. Будем вместе пробовать то, что вкушали наши предки, когда жили по-настоящему.

– Реальную еду? – притворно ужаснулась Алисса. – А что ещё будем делать по-настоящему?

Он улыбнулся в ответ и, глядя ей в глаза, потянул молнию на платье вниз. Шёлк поехал по плечам, но она продолжала парить. Ноги отрывались от пола, подхваченные плотным напором энергии, вырывающейся из его светящегося тела. Пятый Азеф отдавал всё, что было – так что радужные фонтаны били в потолок.

– Расскажи ещё, – прошептала она. – Фантазии возбуждают лучше чудес.

– Сделаем пирог?

Алисса склонилась к его шее, едва коснувшись губами в знак согласия. Они кружились всё медленнее. Его голос звучал тише. Окончания глаголов стали ещё более хриплыми и протяжными, чем обычно.

– Замесим тесто в две руки. Из пшеничной муки на ореховом масле с прибавкою холодной воды.

Её кожа покрылась мурашами. Старинный рецепт, подкреплённый модной магией, сбивал с ног, обдавая плотными завихрениями воздуха, и его обжигающим дыханием.

– Замесим круто, – он прижал её к столу, руки съехали на талию и ещё ниже, прижались к бёдрам и потянули платье вверх.

Её подняли и усадили на столешницу, чтобы кожа коснулась лакированной поверхности. Такой же антикварной, как всё вокруг.

– А раскатаем по обыкновенному, как делают круглой пирог, – его голос совсем охрип. – В средину положим постилы.

Слова расплывались, соединяясь с радужным сиянием под потолком. Алисса дышала в такт ритмичным звукам его голоса.

– Добавим соли, перцу…

Гостиная расплавилась от жара. «Выпечка» разрумянилась, сияла и горела. Фантазия окончательно сплелась с реальностью, избавившись от всего ненужного. Она больше не слышала рецепт, только волшебные сигналы, которые он выдыхал. Радуга пульсировала. Чёткая последовательность цветов распалась на сияющие пятна. Горячие красные. Тёплые оранжевые. Согревающие желтые. Они мелькали и раскачивались, то сливаясь в один раскалённый луч, то расширяясь и перемешиваясь с зелёным, голубым и синим. И так до болезненного, обжигающего фиолетового восторга, который колотил ещё несколько секунд, заставляя сокращаться и без того напряжённые мышцы.

– Никогда, ни один подменыш с этим не сравнится, – прижимаясь к ней, простонал Пятый Азеф.

Алисса чмокнула его в щёку, сжала ноги и легонько оттолкнула, спрыгнув со стола.

– Фантазии возбуждают лучше магии.

– Всё в голове, – согласился он и пошёл следом за ней в ванную.

Плитка на полу так охлаждала пятки, что он даже застыл на мгновение, прикрыв глаза. Жизнь состоит именно из таких пустяков. Шуршание потёкшей из крана воды. Глухих ударов капель.

Она перекинула ногу через борт ванной и шикнула:

– Не смотри. Это убивает страсть.

– А как жить вместе? – усмехнулся Пятый Азеф, не открывая глаз.

– Вместе? – громче переспросила Алисса, чтобы перекрыть шум воды. – Питалки сходятся для энергии. Для этого же заводят детей. Их можно быстро научить вырабатывать побольше, но тратят они немного, если не баловать. Так присасываются друг к другу, чтобы кормиться и жить лучше.

– Ты украла мою речь.

Она встала, прижалась к его спине, повесила на плечо полотенце и вышла из ванной.

Он тоже закрыл кран в раковине. Двигаться не хотелось. Даже промелькнула мысль, а не включить ли Изкурножа, но слабость была настолько мимолётной, что он лишь надул губы и сразу про неё забыл. Закинул полотенце на полку и вернулся в гостиную.

– Что у тебя нового?

– Как дела на работе, милая? – передразнила Алисса и, едва выговорив, засмеялась. – Действительно хочешь услышать, как меня задолбала Цветуллина? Думаешь ты сегодня первый? Эта стерва лятькала меня весь день. Не ревнуй, приятно не было, больше похоже на изнасилование с моего молчаливого согласия. Я думала твой дядя скотина, но эта шмонька переколдовала его на тысячу уровней.

– Хочешь, чтобы я от неё избавился? – холодно спросил Пятый Азеф.

– Сама разберусь!

Он пожал плечами, взял кухонные рукавицы и отодвинул заслонку печи. Она посмотрела на отпечаток своей задницы на столе и села, с другой стороны, даже не попытавшись стереть. Пусть хозяин сам хлопочет по хозяйству. У тех, кто ненавидит чаруш – выбор всегда один – делать всё за всех.

– Она хочет войны, я тоже не против её прикончить. У вас в МСБ учат партизанским хитростям? Или таким занимается МИФ?

Он выставил глиняный горшок на подготовленную доску и прихватил половник.

– Это тайна.

– Сплошные тайны, – возмутилась Алисса. – Без них было бы значительно легче.

– Но скучнее.

После горшка, он принёс к столу тарелки и приборы. А следом штоф с этикеткой «анисовая водка» и банку с этикеткой «бочковые огурцы». Ещё поставил хрустальную вазу с настоящими конфетами в синей обёртке, но не для завершения композиции, а потому что знал, что она их очень любит.

– Реально пить и закусывать? – не поверила Алисса.

– Щи – это жидкость для запивания водки.

– Какие у нас дикие традиции.

Пятый Азеф выставил белые от инея рюмки и разлил анисовку. Разложил щи, щедро сдобрив наваром, и продолжил сервировку. Стол украсили кружевные салфетки с цветочными мотивами. Большая дубовая доска с порезанным чёрным хлебом и вазочка с мёдом.

– Ароматы сумасшедшие.

– От вкуса ты вообще с ума сойдёшь, – он подцепил вилкой огурец и распластал его на тонкие дольки так, что на тарелке выстроилась целая стопка.

После этого деловито согнул кусок хлеба, так что тот хрустнул, и немного полил его жидким мёдом. Кругляки огурца беспорядочно уложил сверху и протянул Алиссе.

– Теперь повторяй за мной, чтобы не спутать дикие традиции.

Щи дымились и пахли чем-то давно забытым. Странным воспоминанием чужого детства. Будто из оживших рассказов пробабки.

Он поднял рюмку и глубокомысленно изрёк:

– Пусть это будет не ради развлечения, а токма для лечения. Да разольётся зелье оздоровительное по всем чарам телесным, да высшим уровням развития и просветления!

Выпил одним глотком и откусил половину старинного бутерброда, так что мёд, смешиваясь с рассолом, потёк по губам. Она повторила, хоть и более аккуратно. Не хотела посадить пятно на новое платье.

Пятый Азеф сел и, передёрнув плечами, взялся за щи. Кислость капусты, смешанная с пряностью бульона, щипала язык и обрушивалась в желудок водопадом новых ощущений. Это выбивалось из его привычного меню и даже удивляло, хотя он давно сомневался, что когда-нибудь будет обласкан новизной. А вот Алисса его увлечённости не разделяла, хоть и не показывала виду. Улыбалась, говорила то, что он хотел услышать и ждала, когда штоф с этикеткой «анисовая водка» выдавит последнюю каплю. Сама старалась цедить налитое, останавливая его всякий раз, когда он хотел обновить. Постоянно таскала конфеты, но не ела, а складывала рядом с тарелкой.

Время растянулось.

Ей даже заказалось, что бутылка бездонная. Что её снова и снова наполняет очередное хитроумное заклятье. Вот только этот странный человек с уже осоловевшими блестящими глазами и порозовевшими щеками. Этот носитель легендарного рода. Символ достатка и успеха – ненавидел всё, что связывало его техническим прогрессом и магическим равенством.

– А как там Дивногорский и Бидбей?

Пятый Азеф махнул рукой, разлив остатки анисовки из рюмки.

– В больничке. Сас…тто…яини… тьфу. Шишово им, короче.

– Ты их видел?

Он только замотал головой.

– А Пушкина?

– На мужиков никогда не засматривался, – хихикнул Пятый Азеф.

– На этого я бы…

– Ты его не знаешь. Он такой… ткой же чокнутый, как весь мир. А то ещё хужее…еее. С нами со всеми всё не тк, но мы невино…нонаваты.

Алисса взяла его за руку, которой он размахивал, и сочувственно прошептала:

– Не виноваты.

– Мы все могли бы жж…жить лучше. Намного лучше. Если бы старшинство не пыталась всё запи…пихать в себя. Энергии хxxxватает на всехэ… её больша, чем надо. Зна…назна… в чём шшутка? Магосравенство могло быть настоящим… но техношишеньгресс не такой уж и гресс… архимаговая архижадность! Ненавижу их страншинство…

– Что?

Пятый Азеф только руками замотал.

– Страншиство чахнет над своей энергией. Поэтому война, чтоб…бб нехватка была… чтоб остальную отбрать и спрятть в себя… теперь вот пандаклятье…

Он наклонился над столом, продолжая бормотать под нос.

– Нас не закроют? – заволновалась Алисса.

– Всех рано или поздно…

– У Пушкина всё будет нормально?

– Уего энергии боше, чем можно потра… хать.., – хихикнул Пятый Азеф и, подложив кулак, опустил голову на него голову.

Она вздохнула, сгребла со стола конфеты в синей обёртке и начала его поднимать.

***

Новость была хорошей, но заместитель Бойчик всё равно не решался её донести. Ходил туда-сюда по коридору, замедлялся, прислушивался у двери кабинета, но каждый раз проходил мимо. Пока мальчишка не перестал стонать, соваться туда было равносильно самоубийству. А он всё никак не замолкал. Скулил в перерывах между ударами. Если замереть и прислушаться, казалось, можно было услышать: «Пожалуйста, не надо. Простите, хозяин. Умоляю», но зачарованные стены не пропускали слова, только звуки. Владимир Дмитрич нарочно оставил эту оплошность, чтобы каждый знал, что творится внутри. Чтобы мог всё красочно представить, но ничего не мог поделать. Чтобы единственная мысль была – как хорошо, что это происходит не со мной. Так развивается глухота, сминается сопротивление и вырастает безразличие.

Только когда затихли последние шорохи и заскрипело хозяйское кресло, заместитель Бойчик решился постучать. Костяшки пальцев при соприкосновении с деревом вызвали такой грохот, что заложило уши. Он даже отскочил, ошарашенно уставился на руку и начал озираться. На шум, естественно, никто не прибежал, да и сам Владимир Дмитрич никак не отреагировал – в кабинете было даже чересчур тихо. Слышно было только собственное сердце заместителя Бойчика, колотящееся в грудную клетку. Это оно так громко стучало?

Попереминавшись с ногу на ногу, он всё-таки решился. Коснулся двери и заглянул в крошечную щёль. Постучал посильнее и после невнятного мычания, с другой стороны, вошёл внутрь и уставился в пол. Поднимать глаза было слишком тяжёло. Можно было увидеть то, что захочется развидеть. Только вряд ли получится.

– Бидбей заперт в квартире, исследование началось. Как часто сообщать о результатах?

Ковёр на полу собрался складками. Рядом на паркете осталось странное пятно. Почти прозрачное с белой пеной по краям. Думать о том, что это было невыносимо, поэтому он гнал догадки прочь. А Владимир Дмитрич упорно молчал, только скрипело кресло. Законы запрещали вытворять такое с нанятыми питалками, да вообще с кем угодно. Применять подмеышей для пыток нельзя было даже в тюрьмах строгого режима, хотя что там на самом деле творилось, знали только заключённые. У реальности много пластов. Она похожа на пирамиду изнанки. Чем ниже ярус, тем темнее и страшнее.

Из-за стола раздавалось громкое чавканье. Будто повзрослевший младенец сунул кулак в рот и упорно разминал дёснами. По его подбородку текла и капала слюна. Он стал весь мокрый, липкий и красный от натуги, но продолжал упорно сосать свою руку. Заместитель Бойчик протолкнул вставшую комом густую слюну. Из-за того, что лезло в голову – трясло. Он еле унял прыгающую челюсть, чтобы ещё раз спросить. Едва ли решился бы, но надо было как-то заглушить эти проклятые звуки.

– Когда сообщать… – пробормотал он и по привычке посмотрел на хозяина.

Двадцать семь лет назад, родители из-за сбросили его на лето к бабушке. В полузаброшенную глухую деревню на Брянщине. В завалившейся на бок избе без пола, даже в летний зной было сыро и холодно. Поэтому он часто кашлял и не мог остановиться. Скрюченная старуха с низким глухим голосом и сморщенным белым лицом, которую маленький Бойчик до поездки ни разу не видел, говорила, что слизь в детских лёгких должна высыхать. Тогда дышать будет легче. Но для этого надо больше времени проводить на солнце. Идти по жаре на мелкую пустынную реку не хотелось. Но детей никто никогда не спрашивает. Поэтому он доплёлся до песчаного языка на соединении старого и нового русла и уселся прямо в воду. Она была тёплая, как молоко из-под коровы, которое ему давала бабушка, и такая же вонючая. Чтобы убедиться, он набрал полные ладони и поднёс к носу. Перепревшая трава, грязь и кровь. От

вони его передёрнуло, но он всё равно не двинулся с места. Так и сидел, разглядывая редкие облака. Пока не зачесалась нога. Маленький Бойчик наклонился, чтобы повозить ногтями по грязной лодыжке, но под пальцами что-то двигалось. Длинное, шершавое, холодное, упругое, тёмно-зелёное существо с тонкими рыжими полосами. Извивающаяся тварь присосалась к коже так сильно, что её не получалось сдвинуть. Он не чувствовал крошечных зубов, прокусивших кожу, но они намертво вцепились в него и не отпускали. Пиявка висела, когда он встал, и когда, всхлипывая, бежал к завалившейся на бок избе, и когда искал бабушку. И даже потом…

– …результаты? – выговорили едва шевелящиеся губы.

Обмякший Владимир Дмитрич сидел за столом. Живот упирался в столешницу и подрагивал. Его неохватное тело сотрясалось от почти невидимых, но оттого ещё более болезненных конвульсий. Дёргался подбородок и щёки. С каждым ритмичным движением ещё глубже закатывались окончательно побелевшие глаза. Остатки рыжих волос развалились, оголив потную розовую лысину. К самому темечку, плотно прижавшись к потемневшей в этом месте коже, присосался мальчишка. Его рот, казалось, разошёлся на пол лица. Челюсти ходили туда-сюда, как будто он пытался высосать из хозяина мозги. Тонкие руки держались за торчащие из бакенбард уши, а худые ноги обвили шею и скрылись в складках одежды начальника.

У заместителя Бойчика закружилась голова и так резко подскочила тошнота, что он прижал ладонь к губам. Весь сжался, впился глазами в паркет и забормотал:

– Аз, веди, глаголь, добро, есть, зело, земля, иже, фита.

Но от бабушкиного наговора лучше не становилось. Упругие, пружинящие, липкие звуки преследовали, не давая собраться с мыслями. Он отступал, пока не упёрся в дверь. Собрал последние остатки самообладания и пискнул:

– Зайду позже!

Хотел развернуться, но властный крик остановил. Заместитель Бойчик замер, переступая с ноги на ногу. Тошнота подступила совсем близко.

– Что тебе? – голос хозяина звучал глуше, чем обычно.

– Бидбей заперт, всё началось. Когда… как… часто результаты…

– Всё идёт по плану, – раздался тонкий смешок.

Заместитель Бойчик поднял глаза.

Мальчишка всё ещё сидел на шее Владимира Дмитрича, присосавшись к его макушке, и тянул за уши, открывая рот и выдавливая нужные звуки. Оторваться от этого зрелища было невозможно. Собственные мышцы будто перестали подчиняться. Руки безвольно опустились, а ноги одеревенели.

– Что делать дальше?

Огромная мягкая туша дёрнулась. Мальчишка, не отрываясь от лысины, потянул за уши и челюсть отвисла.

– Продолжай, как условились. Всё точно по плану. Кореша убрать. Быстро и незаметно. Так чтобы никто ничего не понял. Особенно МСБ.

– Уберём, – промычал заместитель, пытаясь отвести взгляд, но что-то мешало.

Зрачки хоть и дёргались, но оторвать взгляд от губ, присосавшихся к потной макушке, никак не получалось. Сокращающиеся движения челюстей и вздувающиеся и опадающие щёки вводили в ступор. Поэтому он смотрел и смотрел, покачиваясь на ослабевших ногах.

– Ты же давно на ме… нас работаешь?

– Десять лет.

– Долгоооо.

Мальчишка так потянул хозяина за уши, что у того что-то хрустнуло.

– Пора тебя повысить. Хочешь занять моё место? – белые глаза выкатились из-под век и застыли.

Заместитель Бойчик отчаянно замотал головой.

– Твоё мнение не имеет значения. Ты давно готов занять моё место. На нём ты будешь нам намного полезнее.

Из-за натянувшейся кожи лицо Владимира Дмитрича раздалось ещё шире. Губы сплюснулись тонкой линией и оголили зубы в звериной усмешке.

– Не надо.

– Давно пора! Ты сделаешь всё как надо, а я сдохну, чтобы не мешать.

Хозяин забулькал, но мальчишка со всей силы потянул его за уши и сжал ноги на шее.

– Иди, пока. Мы ещё поговорим.

Заместитель Бойчик выскочил из кабинета, захлопнул дверь и понёсся к туалету. Внутренности переворачивало кверху ногами, и он едва сдерживал позывы.

***

Противомаг стоял у остановки скотовозки на большом перекрёстке в центре. Поглядывал на облезлый поручень и еле сдерживался. Тяжело пропускать стариков, женщин и детей, когда их презираешь. Эти слепняки вечно смотрят в свои ладони, но даже если отрываются, всё равно не видят ничего кроме рекламы подписок и обманчивого перламутрового сияния. Для него же перекошенная будка с ржавой крышей, была перекошенной будкой с ржавой крышей. А мигающая пелена портала в изнанку, просто маревом над асфальтом в зной. Он не видел внешних проявлений магии, поэтому свысока смотрел на остальных. Тем более в этот особенный вечер. Слишком щедро платили за плёвую работёнку, чтобы всё случайно испортить, он выстоял ровно столько сколько нужно, чтобы не вызвать подозрений, и отошёл ждать исполнителя в сторону.

Откуда столько слепняков? Обычно они сидят дома. Неужели из-за праздника? Он никогда не считал чушь про магическое равенство достойной внимания. Но сегодня бетонные коробки утопали в праздничной магической иллюминации и восторженных плакатах, которые он не видел. На него слепо глядели только серые фасады, заколоченные окна и вонючие подворотни. Зато от архи-архимагового преклонения, приторной лживости и фальшивого уважения переворачивались кишки. Перемещения в скотовозке, итак, давались ему с трудом. Неспособный рассмотреть путеводную нить, он едва различал вложенную в неё энергию, и выбирался только по чуть ощутимому притяжению. А праздник только добавлял разочарования.

Что ему нравилось, так это подглядывать за слепняками. Брутальными с виду бородатыми мужиками в одинаковых мешковатых робах и заносчивыми красотками без косметики и украшений. В отличие от слепышей, его не обманывала магия, не страшила её сокрушительная мощь, не успокаивала притворная безопасность охранных чар и пологов покоя. Он, как никто другой знал, что всё в голове.

В детстве его дразнили, издевались и лупили все подряд, пока не довели до края. Там, у пропасти, уже начав делать последний шаг, противомаг понял, что его боятся. Их страх придал ему новых сил, возможностей и желаний. Он стал видеть мир по-другому. Таким же голым, но беззащитным и уязвимым. А слепняков такими же высокомерными и злыми, но от этого ещё более жалкими, мелочными и подлыми. Таких не стоило любить и жалеть. Даже их мерзкий праздник и вонючие уродливые скопища надо использовать для своей цели.

– Просим обращать внимание на подозрительных лиц. Заметите их, сообщайте сотрудникам МСБ! – прокаркали по громкой связи из динамика остановки.

Собравшаяся толпа уже запрудила половину улицы. Хоть им и не было дела друг до друга, они всё равно производили столько ненужного шума, что гул разносился на целый квартал.

Исполнитель подошёл незаметно и сразу протянул руку.

– Давно ждёшь?

Он приплясывал даже на месте, как старинная заводная кукла с ключом в жопе. Таких показывали в музеях, в них не было ни капли волшебства, но они кривлялись и делали вид,

что волшебные. Его в отличие от кукол, от энергии просто распирало, поэтому завод казался бесконечным. Подёргивались не только ноги, но и виляющая задница, беспокойные руки, вращающиеся туда-сюда плечи и вечно кивающая голова. А уж лицо менялось ежесекундно, как отражение в масляной луже.

Руку противомаг не подал. Только кивнул и ткнул в руну «подписка» на ладони.

– Ждём. Когда подойдёт. Придёт сообщение – покажу как выглядит.

– Как его зовут? – подпрыгивая и морща тонкие обвислые усы, спросил исполнитель.

– Какая разница? Кореш.

– Кореш, кореш, корешок, посажу тебя в горшок, – от ухмылки усы подпрыгнули и свесились ещё ниже.

Его бесконечные кривлянья раздражали, но ещё больше бесила настоящая одежда. Зачем она слепняку? Кроме таких как противомаг, правду всё равно никто не видел. А рождалось таких не много, по статистике один-два на миллион. Поэтому для чего меркантильные типы тратились на настоящую одежду, было непонятно. Ладно богатеи на которых пашут тысячи бестолковых питалок. Им просто некуда девать энергию. А тупорылые босяки как этот?

– Внимание! Ограничено движение в сторону Жулебино. Пользуйтесь другими способами перемещения. Движение восстановлено не будет! – прокаркали по громкой связи. – Из-за введения карантина ближайшая отправка задерживается!

Противомаг чуть не улыбнулся, но вовремя подавил слабость. Всё складывалось слишком хорошо. Если из-за ограничений скопится много слепняков – начнётся давка. Лучшей ширмы и не пожелать.

– Чё, долго что ли ещё? – потянул носом исполнитель.

– Соображай, как всё обстряпать, чтоб ни один МСБ-шник не подумал…

– Да они ваще не думают. Чем им думать то? Им папы уровни понапокупают, они и ходят – командуют. Любой командовать может – для этого ума не надо. Энергии нужно до шишеня, а ума чуток, чтобы понимать в какую сторону орать.

– Всё сказал?

– Меня больше наш кореш-корешок нервит, – задёргался исполнитель. – Он из каких? Из ихних или нашенских…

Его слова заглушил первый сигнал скорой отправки из динамика. На него толпа отреагировала охотнее. Начала выстраиваться в некоторое подобие очереди. Хотя все толкались и орали друг на друга, умудряясь при этом не отрывать глаз от ладоней.

– Наверно из нашенских. Эти подписками лётают туды-сюды, они до скотовозки не опустятся, у них тут чхание и в носу пршит. Глаза краснят и пухают.

Руна на руке потеплела, и в голове раздалось предупреждение.

– Идёт! – озвучил противомаг.

– На шишень пусть идёт, корешышка! Ему всё равно крышка, – довольно заржал исполнитель и попытался пихнуть локтем собеседника, но тот предусмотрительно шагнул в сторону.

Его взгляд метался вдоль улицы, обшаривая приближающихся слепняков. Совершенно одинаковых без наведённых иллюзий. Одна башка, две загребалки и ковылялки. Одни чуть больше, другие меньше, чуть шире, выше, но в общем, когда все мордами в ладонях – просто помехи в одной большой энергосети.

Только противомаг видел то, что пряталось за наведённой магической шелухой.

– Перед ним три бабы. Он следующий. Обогнал баб справа…

– Да понял, я понял, не суетись. Всё будет в лучшем виде.

Исполнитель в своей подпрыгивающей манере пошёл вдоль очереди, не спуская глаз с Кореша. Он поглядывал и по сторонам, но не торопился, чтобы обойти цель сзади. Улыбнулся размалёванной девахе в миниюбке, даже показал вверх палец, но зараза не отреагировала. Да и шишень с ней, у него теперь будут и получше. Кореш встал в очередь, но продраться к нему

оказалось не сложно. Стоило немного шикнуть на подростков и получилось занять удобную позицию.

А противомаг вернулся на своё место. Какие-то умники попытались орать, что его там не стояло, но вступились пропущенные вперёд старухи, и крики стихли.

Раздался второй предупредительный сигнал скорой отправки. Портал замигал, несколько секунд разгорался, пока не перекрыл всю остановку, и тогда открылся. Пассажиры, толкаясь, начали пробиваться сквозь его блеск. Лезли так отчаянно, что противомаг даже отступил. Не хватало ещё получить травму из-за тупых слепняков. Он оглядывался, чтобы не терять из виду исполнителя, и вошёл в скотовозку чуть-чуть раньше Кореша. Взмокший и злой, как и все остальные.

Шёл по коридору магохода даже медленнее, чем обычно. Враждебный мир никогда не давал ему второго шанса. Яркая, мигающая, переливающаяся радуга для него тускнела пожелтевшей стеклянной трубой с мутными разводами. Пол прогибался и скрипел под ногами, отчего сводило зубы.

– Внимание! Остановлено движение в сторону Жулебино, и в ближайшее время восстановлено не будет! – гаркнула громкая связь.

В ответ раздались недовольные вопли.

Противомаг глянул через плечо на Кореша, и сразу уставился в ладонь, как другие. Он давно усвоил, что лучше не выделяться даже на такой плёвой работёнке. А исполнитель слишком дёргался, чтобы не привлекать к себе внимания. Над ним уже начали посмеиваться, что до места не доберётся, обоссытся по дороге, и обвислые усы воинственно встопорщились. Только бы не психанул – запорет дело. Но Кореш ничего не замечал, пялился в ладонь и делал такие же микрошажки, как остальные.

– Внимание! Распределение по пунктам назначения задерживается…

– С праздником! – ехидно заорал кто-то, и его поддержали язвительным хохотом.

Очередь, хоть и медленно, но двигалась к далёкому сиянию пирамиды. Оставалось только терпеть и не делать глупостей. Работёнка плёвая, главное не торопиться и ждать подходящего момента.

Исполнитель пару раз пнул самого ретивого подростка и смешки прекратились.

Всё шло слишком хорошо, поэтому противомаг начал нервничать. Больное сердце, которое из-за его особенностей никак не получалось вылечить, как всегда, не вовремя напомнило о себе. Заревом запылало лицо. Не хватало воздуха. Участившееся дыхание сбилось, а пересохший язык упрямо мешался, попадая под зубы. Это заставляло нервничать ещё больше. Напрягшиеся мышцы мелко задрожали, а лоб и щёки пошли красными пятнами.

– Внимание! Распределение по пунктам назначения восстановлено!

Он сглотнул, всеми силами пытаясь убаюкать разбушевавшееся сердце. Простая работёнка должна была принести столько энергии, что проблему наконец-то можно будет решить. Надо только обстряпать всё без пыли и шума. Тогда он получит того, чего достоин. Слепняки будут смотреть на него снизу, целуя ноги. Каждый займёт своё место.

Успокоительные мысли помогли. В ушах перестало стучать, и жар с лица начал сходить. Вскоре в норму вернулось и дыхание.

Из мутной дымки вылезла пирамида, и внутри стало ещё спокойнее. Оставалось совсем немного. Противомаг глянул через плечо. Исполнитель приклеился к цели и маячил за его спиной.

Коридор магохода тряхнуло, и пассажиры наконец оторвались от ладоней.

– Сохраняйте спокойствие и очередность. Распределение по пунктам назначения восстановлено!

Впереди собралась толпа. Слышались неясные вопли и ругань.

– С праздником! – снова закричал кто-то, но смешно уже никому не было.

Слепняки ускорили шаги. Неизвестность пугала сильнее любой опасности.

– Кто-то без очереди хотел влезть!

– Кто-то сильно в Жульёбино хочет вернуться!

– Пусть валит! – посыпались предположения.

Противомаг интересовался не меньше остальных, напрягая глаза, чтобы рассмотреть, что там впереди.

Пирамида за мутным стеклом приближалась, уже перекрыв весь обзор. Слишком огромная, чтобы быть настоящей.

– Будьте внимательны при выходе из коридора магохода. Расстояние больше стандартного, не торопитесь, помогайте пожилым людям и пассажирам с детьми.

– Сразу бы так и сказали, наводят панику!

Противомаг согласно кивнул. Всё складывалось слишком хорошо. Снова кольнуло сердце, но на этот раз он подавил приступ, не позволив ему разрастись. Обернулся назад. Исполнитель подмигнул. До распределения оставалось всего несколько метров. Примерно десять. Рано! Может не хватить! Надо поближе. Ещё несколько шагов. Всё равно много! Нельзя рисковать. Грёбаное сердце снова забилось, как психованное, но не помешало даже оно. Работёнка то плёвая! Он оставил вредочары под ногами, ловко перепрыгнул через пропасть и обернулся, не обращая внимания на свою вздымающуюся грудь.

Сегодня коридор магохода не доходил до пирамиды сантиметров на сорок-пятьдесят. Небывалое везение. Обычно расстояние было поменьше. Хотя и такое не что-то необычайное. Совсем немного, но слепняки нерешительно останавливались на краю. Застыл и Кореш. Блаженная рожа исполнителя раздалась в торжествующей улыбке. Он схватил цель за плечо и со всех сил толкнул, одновременно ударив по ногам.

Противомаг ещё никогда не видел таких глаз у слепняка. Кореш будто прозрел и наконец увидел окружающий мир настоящим, без мерзкого магического налёта. Его взгляд вывернулся внутрь, а зрачки расширились на весь проём коридора магохода, и поползли бы дальше. Раскрылись на весь мир и… но противомаг активировал вредочары.

От энерговзрыва коридор покачнулся и отъехал от пирамиды ещё на полметра. Трепыхающийся на краю Кореш взмахнул руками и полетел вниз. Его крик резанул по ушам, но быстро затерялся среди других воплей, и затих в темноте основания пирамиды. Слепняки метались у края в глупой надежде спрятаться в недрах магохода, но вредочары толкали их в пропасть одного за другим. Сначала совсем ещё молодая девчонка. Она что-то пищала и упиралась каблуками в пол, пока их не сломало. Настоящие туфли, единственное что у неё было ценного, но даже они подвели в решающий момент. Вслед за ней вниз скинуло старуху, потерявшую сознание ещё до падения в провал.

Оскаленный исполнитель сопротивлялся дольше всех. Он прикрывался другими слепняками. Выпихивал их перед собой и скармливал бездне, но вредочары всё равно давили ему в спину, подталкивая к неминуемому концу.

Противомаг смотрел, как стена энергии выдавливает его из коридора и спрашивал себя, стал бы он смотреть на всё это, если бы не надо было убедиться, что плёвая работёнка выполнена. И решил, что стал бы. Тех, кого он ненавидел – корчились, ссались от страха, но всё равно слетали в пропасть изнанки один за другим. Значит справедливость всё-таки существовала. И хотя всех ждал один конец, он для всех разный.

Вредочары избавились от свидетелей и почти доползли до края коридора. Оставалось буквально несколько сантиметров. Исполнитель держался только силой воли, не отрывая остервенелого взгляда от противомага. А когда его выдавило наружу, заорал:

– Я тебя достану шишень недоделанный…

Его слова прогремели на половину изнанки. Эхо ещё било их о стену пирамиды, дробя на буквы, а противомаг уже повернулся и побежал в темноту. Проблески путевой нити кое-

где светились и тянули его к порталу так, как ещё ни разу в жизни. Ему даже казалось, что он чувствует тепло и малейшие движения воздуха. Поэтому, когда получилось выскочить через портал в ночную Москву, он задрожал от холода. Правда ненадолго. Его бодрила, устроенная в скотовозке бойня. Не беспокоила даже встреча с заказчиком.

Противомаг уверенно перешёл тихий сквер и уселся на третью по очереди скамью рядом с лысым невзрачным мужчиной с устаревшейруной, похожей на крест, на лбу.

– Оба слишком долго смотрели в глаза бездне, чтобы остаться незамеченными.

Крестоносец не ответил, только показал пальцем на ладонь и нетерпеливо покрутил.

Противомаг надавил на руну «пополнение», открывая доступ, и его тут же окатило потоком. Такой сокрушительной волны ещё ни разу не было. По спине побежали жирные мурашки. Дыхание перехватило, а сердце, наоборот, забилось. Впервые в жизни мир сверкал и переливался. От ослепительной яркости заломило виски. Голову сжало, а потом внутри что-то взорвалось, и он оглох. Зажмурился изо всех сил, будто мог сдержать очередной энерговзрыв и остановить разлетающиеся во все стороны ошмётки сознания.

– Хватит, – прохрипел он, но входящий поток энергии только усилился.

Крестоносец смотрел в никуда немигающим взглядом и рассеянно улыбался.

А сердце антимага колотилось с такой скоростью, что пульс вбивал его в скамью. Три-два-раз. Три-два-раз. Три-два-раз. Три-два-раз. От рваного ритма покачнулись деревья, а темнеющее небо рухнуло за многоэтажки. Три-два-раз. Три-два-раз. Три-два-раз. Набат ревел в ушах, разогнав кровь так, что она разрывала сосуды. Три-два-раз. Три-два-раз. Противомаг хотел закричать, но не смог открыть рот. Три-раз. Два… Тишина не успела напугать. Сквозь него, бурля, всё ещё прорывался магический поток, но он снова ничего не чувствовал. Его обманула сокрушительная мощь магии. Он больше не видел окружающий мир голым – сам став беззащитным и уязвимым.

Не забудьте подписаться, чтобы не пропустить следующую проду. А ещё оставляйте ваши комментарии и лайки, если понравилось. Это очень важно для продвижения книги. Чем больше лайков и комментариев у книги – тем больше людей её увидит. А если попадёт в «рекомендованные», то ещё больше. Поэтому потратьте минуту после прочтения, поставьте лайк, напишите, что вам понравилось, а что нет. Мне очень нужно ваше мнение, так я смогу исправить недочёты или просто порадоваться, что вам интересно то, что я пишу.

С уважением,
Смеклоф

Глава 3. Пандеклятье

Маленькая кухонька типовой государственной квартирки обрушилась ворохом горелок. Он когда-то коллекционировал старинные письма, созданные на бумаге из изношенной льняной ткани чернилами из льняного масла и канифоли. А теперь жёг их в крошечной буржуйке в теплушке в архимагом забытых горах, чтобы уничтожить воспоминания, которые связывали его с прошлой жизнью. Зачем вообще надо было их сюда тащить? Только привлёк к себе ненужное внимание. В лагере смертников не церемонились даже с людьми, не говоря уж об изгоях, вроде него. Если бы не Фея, Предатель бы окончательно рехнулся. Она стала нитью, связывающей его с реальным миром.

Пятого Азефа передёрнуло. Меньше всего в жизни он хотел возвращаться к баракам у той скалы, но выбор был прост, и как только его потянуло в штаб магистра Ужаса, он сдался. Проклятое детство пугало сильнее. Надо было потерпеть. У каждой пачки секретных данных МСБ, была контрольная точка после которой можно проснуться. Надо только дождаться её и как следует захотеть.

Предатель бросил последнюю пачку писем в топку и откинулся к лежанке. А когда она положила голову ему на плечо, задрожал от беззвучных рыданий. Было так стыдно, что не сдержался и предал жену, что внутренности покрывались кровавыми нарывами отвращения.

– Не дрожи, скоро полегчает, – выдохнула ему в ухо Фея, и прижавшись грудью к его спине, поцеловала в макушку.

Он не ответил.

– Тебе надо работать. Не будешь отвлекаться, сойдёшь с ума.

– Я шифрую приказы коменданта, – буркнул Предатель.

Она засмеялась.

– Мне-то не рассказывай. Сколько их было в этом месяце? Три-четыре?

– Два, – он потянул носом. – Карыч помог…

Фея подпрыгнула, оглядываясь.

– Ты опять притащил сюда этого блохастого чарушу? Перестань! Даже с ним – это не работа, а мука. Ты уверен насчёт исследований?

Он даже отстранился, сдвинувшись поближе к буржуйке, и перекрыл свет. В теплушке стало совсем темно. Переливались только глаза Феи. Огонь в них плясал намного сильнее, чем в топке.

– Что-то не получается?

– Не могу подобрать подходящее боевое заклятье.

– Тоже мне проблема. Здесь есть все возможные. Бери любое, – предложила она.

– Нужно особенное, чтобы не убивало сразу, а мучило, мучило и мучило.

Она попыталась улыбнуться как можно бодрее и закинула голую ногу ему на плечо.

– Тебе их не жалко?

– Архимага, твоего отца и деда?

Она ещё раз рассмеялась, только более искренне.

– Всех!

Предатель пожал плечами.

– Старичье толкает нас в пропасть. В такую дыру, из которой мы будем выбираться ещё семьдесят лет. Но я больше ненавижу Коляна.

– Кого? – удивилась Фея.

– Того, что прячет дочку в женском бараке.

– Всё ты знаешь.

Колено пекло от раскалённого бока буржуйки, поэтому Предателю пришлось сдвинуться, и её губы снова оказались у его уха.

– Что этот несчастный тебе сделал? Его жена умерла, так же как твоя…

– Он счастлив.

От скрипучего голоса у Феи пробежал холодок по спине. Она набросила на плечи клетчатое одеяло, прожжёное с угла, но тут же скинула. В теплушке было слишком жарко.

– Почему?

Предатель заёрзал и вздохнул.

– У него есть дочь. Она жива.

– Ты тоже жив…

– Ты в этом уверена?

Он повернулся. Его лицо в красном свете из топки показалось ей таким бледным, что невольно заставило вздрогнуть.

– И что бы ты с ним сделал? – прошептала Фея.

Предатель улыбнулся, и ей стало совсем не по себе.

– Заставил пожалеть… и второго тоже. Надменного засранца, случайно получившего легендарную фамилию.

– А Пушкина то за что?

– Ему везёт, а мне нет!

Огонь в топке замер, и Пятый Азеф потащил себя наружу. Подальше от проклятого безумца. Пришлось несколько раз напомнить себе, что пора вставать, чтобы снова не угодить в зацикленный кошмар с магистром Ужасом. Но выбраться из чужих воспоминаний оказалось не легче, чем из своих. Он слишком хорошо помнил тот горный воздух, настоящий огонь, настоящую печку и запах пота настоящих людей. Всё цеплялось за него и тащило обратно в лагерь смертников, в настоящую жизнь о которой он всегда бредил, но которую так боялся. Пришлось упираться и проламывать тонкий лёд реальности крепким лбом. Поэтому, когда темнота теплушки рассеялась, а перед глазами заплясали разноцветные пятна, башка трещала так, что он еле сложил очищающее заклятье. Как будто окатило ледяной водой из душа, зато вернулась чёткость зрения и ясность мыслей.

– Бррр, – вздрогнул Пятый Азеф, ошарашенно оглядываясь.

По стенам пробежали чёрные пятна кошмарных теней. Он ещё раз встряхнул головой. Ничего. Показалось. Такое бывает после МСБ-шных секретных снов. Одного Предателя им показалось мало, поэтому они добавили про шесть новых пузырей пандеклятья. А ещё про впавшего в кому Дивногорского и Бидбея, который вообще исчез. Последний раз он звонил старому знакомому с сомнительной репутацией по кличке «Кореш», но тот свалился в изнанку во время давки в скотовозке. Один тупой шишень объявил о карантине в спальном районе Москвы. Из-за паники погибло ещё несколько пассажиров. На объявившего завели уголовное дело. Ещё была бесконечная сводка по карантинным зонам. Уже перекрыли три крупных округа и несколько районов помельче, но пандеклятье продолжало распространяться.

Пятый Азеф сел в кровати и посмотрел на спящую Алиссу на другой стороне двухметрового матраса, спрятавшегося под чёрными шелковыми простынями.

– Неужели никому нельзя доверять? – едва слышно спросил он, наклонился и погладил её по руке. – Зачем ты спрашивала про Пушкина? Что ты знаешь? Не ты ли пряталась в женском бараке?

Его глаза сверкнули в полумраке, и от них пошли едва различимые круги. Почти как на воде, только более ровные. Каждый следующий в полтора раза больше предыдущего. Они нанизывались на спящее тело, пока не покрыли его сверкающим панцирем.

Первым делом Пятый Азеф поднял тонкую ладонь и проверил её уровень. Светились только три сгибательные складки на указательном пальце и одна нижняя на среднем. Либо над

ней поколдовали лучшие ритуальщики МИФ, либо Алисса, и правда, ещё совсем неопытная в магии. Вот только верилось в это с трудом. Слишком искушённой она была во всём остальном.

Он бросил попытки увидеть подмену магического уровня, и полез в руну «подписка». Удалось протиснуться глубже, чем можно было ожидать. Подписка стандартная эконом. Такая есть почти у каждого жителя столицы. Вся коммуналка оплачена полностью: свет, тепло, вода и связь. Ничего особенного. Всякие дешевые сетевые шоу и новости. Питание даже слишком скромное. Никаких изысков, простейшие вкусовые рецепты. Транспорт тоже самый обычный. Развлечений почти никаких. Покупок тоже. Она будто ничем и не интересовалась. Куда же тогда тратила энергию, если её постоянно не хватало?

– Какая ты странная, – пробормотал он. – Как с тобой жить вместе? Ты правда ненавидишь питалок или хочешь понравиться?

– Правда! – ответила она и открыла глаза.

Пятый Азеф подскочил, но чары всё-таки развеял намертво вбитым в голову заклятьем.

– Не спится? – усмехнулась Алисса. – Ты слишком сильно пытаешься спиться… настолько сильно, что никто не верит, что ты правда этого хочешь.

Она взглянула на свою ладонь и почесала невидимые царапины от вредочар.

– Много ты понимаешь, – проворчал он, откинулся на подушку и отвернулся.

– Достаточно, чтобы понять, что ты мне не доверяешь.

Пятый Азеф поморщился.

– А кому сейчас можно верить? Кругом враги.

– Я, точно не враг… – зевнула она.

– Ты была на войне?

– Неа.

– А в лагере смертников девяносто семь?

– Конечно нет, – проворчала Алисса, перестала ворочаться и поднялась на локте.

Он тоже повернулся, уставившись ей в глаза. Они так и разглядывали друг друга, пока она не поморщилась, надув губы, и стала похожа на черно-белый постер с голой африканкой, висящий над кроватью на белой стене.

– Это обидно.

– Ты очень много спрашивала про Пушкина.

– Ты что ревну… Ты серьёзно? Он мой начальник!

– И что? – скривился Пятый Азеф. – Мой тоже.

– Может ты не меня ревнуешь, а его?

Алисса попыталась ткнуть его в бок, но безуспешно. Никакой реакции не последовало.

– Ты за мной шпионишь?

– Это уже по-настоящему обидно! – она села, обхватив себя руками, и уставилась в стену.

– Много тебе энергии пообещали?

– Пошёл ты, шишев самолюб! Думаешь повезло тебе родиться с фамилией, так теперь все… Трепешься про настоящую жизнь без чаруш и питалок. А сам жил когда-нибудь без энергии? Когда не можешь уснуть от холода?

– От чего?

Алисса подскочила.

– Знаешь сколько платят в крематории? Ни сколько! Там служат больные извращенцы, как мой отец. Мёртвые вокруг и холод…

– Это же крематорий?

– Этот огонь не греет! – завопила она. – Он такой же бесчувственный и холодный, как ты!

Алисса сдёрнула со старинного стула платье и одним неуловимым движением проскользнула внутрь шёлкового кокона.

– У тебя всегда всё было! А остальным нужен шанс, чтобы вырваться! Тебе какая разница? Если что-то случится с Пушкиным – ты пойдёшь дальше! Ты мой уровень проверял? А знаешь почему я на четвёртом?

– Потому что ни шишеня не делала, чтобы возвыситься? – вяло предположил он.

Она сверкнула глазами в ответ.

– Потому что, богатенький ты мудак, на всё нужна энергия. Где бы ты сейчас был без наставников, телохранителей и защитников? Чтобы с тобой сделали на войне, которой ты хвастаешься?

– Кожу бы содрали, наверное, – невозмутимо пожал плечами Пятый Азеф. – Получились бы сапожки для тебя… – он протянул руку, но Алисса стукнула его по пальцам.

– Запихай их себе в задницу!

Она рванула вон из спальни. На ходу сбила стеллаж с книгами. Громко протопала по коридору и хлопнула входной дверью. Дрожь прошла по стенам и отозвалась звоном столкнувшихся гарнцев в полке. Крайний так и стоял этикеткой к стене, но на остальных все данные тоже были замазаны сургучом.

– Доброго утра, любимый, – проворчал он. – Как тебе спалось? У нас были небольшие разногласия. Ну ладно, большие… ты считал меня пособницей Предателя, только тогда… двадцать лет назад, мне было лет пять, семь… – он вздохнул и разыграл спектакль по ролям, меняя интонации. – Может тебя наняли позже, когда я познакомился с Пушкиным? У него и спроси богатенький мудак… Может ещё у отца спросить? Папа, баба, которую я подцепил, работает на тебя, на МИФ или на врага? Спроси у своих мертвецов, ты только с ними нормально и разговариваешь.

***

– Давай быстрее! Уже всё готово.

Младший магистр Хлестов хлопнул Валергора по плечу, и они вышли в длинный прямой коридор. Слишком пустынный для центрального управления МСБ в середине дня.

– Не думал, что вы так всё быстро устроете!

– Скажи спасибо, что дело связано с пандеклятьем.

– С каких это пор?

– С тех пор, как я с ним ознакомился.

Валергор невольно замедлили шаг.

– Потому что там фигурирует Пятый Азеф?

Хлестов поморщился.

– А ты не забываешься?

Подчинённый пожал плечами.

– Об этом, а ещё про Пушкина, всё управление, как бы, помнит. Я в деле связи с пандеклятьем не заметил…

– А то, что питалки с ума посходили, ты тоже не заметил?

– На улицах тихо…

– Потому что панику запретили! Ты в этом шишовом интернате совсем от жизни отстал?

Валергор кивнул, чтобы сильнее не злить куратора. Итак, наболтал лишнего, о чём только думал. Расслабился после фронта, чуть субординация из башки не вылетела. Ещё Лялька ни разу не ответила. Он вздохнул.

– Простите, господин магистр. Я слышал про скотовозку и карантин.

– Всё шишовее, чем ты думаешь, – шмыгнул носом Хлестов и его изуродованное лицо совсем перекосило. – Тысячи людей потеряли способность вырабатывать энергию.

Валергор остановился, ошарашенно уставившись на куратора.

– Совсем?

Младший магистр застыл и резко гаркнул:

– Смирно! Быстро говори, что отвлекает?

Присмиревший Валергор отвёл взгляд.

– Девушка не дождалась…

– Тебя вернули из-за контузии после плена? Значит героем стать не успел… станешь здесь, если поможешь мне распутать это дело. Что там в этом интернате?

Они двинулись в конец по-прежнему пустынного коридора.

– Ничего хорошего. МИФологи творят какую-то дичь, магистрация архимага в курсе и прикрывает их перед остальными. А наш человек тихо сходит с ума.

– Жалко его, – кивнул Хлестов. – Его МИФологи котомагом называют.

– Они всё знают? – насупился Валергор.

– А ты думал? Если раскроют этого, мы подсунем им другого. Ищи потом. А так и Медовича стращают и нас контролируют.

– А мы?

– А мы в курсе того, что творится в интернате.

Они остановились перед дверями с надписью: «Осторожно! Вход без допуска строго воспрещён!».

– Сейчас сосредоточься на ритуале снижения уровня! Потом введу тебя в курс дела, поймёшь причём тут пандемия и всё остальное, – и младший магистр толкнул тяжёлую металлическую створку.

В окружённом высокими стенами внутреннем дворе выстроились сотрудники в ритуальных балахонах. В отличие от парадных мантий с аксельбантами и тонной бесполезных амулетов, на этих не было даже символов с посохом, протыкающим змия. Только плотная чёрная непроницаемая ткань с объёмным капюшоном, закрывающим лицо.

Серые стены упирались в стальное небо и различить, где заканчивается одно, а начинается другое, не получалось. Поэтому Валергор опустил голову и зашагал в начало строя. Ему предстоял один из худших магических ритуалов, но если раньше в нём была необходимость, то после всего услышанного, он стал надуманным. Зачем тайно попадать в интернат, если про котомага знают все МИФологи? Безумный риск безо всякого смысла…

Он остановился у первых ритуальщиков. Из-под чёрных капюшонов раздавалось мерное гудение. Оно шло изнутри. Даже не из людей, а из заповедных кишок самого мира. Из подкорки спрятанной под Энерползом. Той самой неизученной изнанки магической энергии. Вибрирующий рокот возрастал. Асфальт под ногами задрожал, и у Валергора закружилась голова. Пришлось закрыть глаза, но лучше не стало. От мелькающих под закрытыми веками воспоминаний, замутило ещё сильнее. Он со всех сил сжал челюсти, чтобы не выпустить наружу ни один миг своей прошедшей жизни.

Команда «Иди!» пришла беззвучным приказом, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, и ноги сами двинулись вперёд. Ослушаться было невозможно, но первый же шаг через строй, чуть не стоил ему переломанных костей. Невидимый барьер не хотел пропускать его дальше. Возвращаться в прошлое, пусть даже не по-настоящему, противоестественно мировому порядку. Двигаться надо только в будущее.

Он зашипел от боли. Казалось, что сдвиг даже на миллиметр, сдирает кожу и выдавливает кровь из сосудов. Мышцы натянулись так, что он поднялся на мыски ботинок, а его затылок упёрся в острое стальное небо. Оно вскрывало череп, пробираясь в его мысли. Откидывало слой за слоем, чтобы влезть поглубже. В самые тёмные закоулки его памяти. Разметало бесконечную вереницу кровавых бинтов и разломанных судеб. От навалившегося на плечи груза подогнулись колени, но он выстоял. Дотащил до настоящего убитых товарищей, все подлости и предательства бессмысленной войны. Вероломство своих и жестокость врагов. Отбросил в сторону плен…

Несколько шагов протянулись на многие километры. Ступни врастали в асфальт и опускались всё ниже и ниже от каждого движения. Прошлое сопротивлялось изо всех сил, но всё же тихонько приоткрывало обратный путь. Пронеслись месяцы в учебке, и под закрытыми веками яркими вспышками воспоминаний заскакал выпускной ритуал в школе, после которого давали четвёртый уровень. Тяжкие экзамены добивали даже самых сильных и талантливых. Вот милая Машенька, Лялькина подруга с русыми косичками, не выдержала напряжения и вышла в закрытое окно с третьего этажа. Осколки стёкол остались висеть в воздухе, подхваченные остаточной энергией плотного потока чар. А худенькое тело вылетело вон, зависло на тонких скрепах неумелого детского заклятья, а потом отчаянно рухнуло вниз, расплескав ярко-красную лужу по козырьку школьного подъезда.

Валергор хотел отмахнуться, чтобы больше никогда не видеть этих кровавых пятен, даже заставил себя сделать ещё один шаг. Кожа на щеках затрещала и натянулась. А невидимый барьер безжалостно рванул волосы на его голове. От гудения не было слышно собственных мыслей. Они потерялись в хаосе воспоминаний. А гигантский смерч энергии продолжал затягивать его в прошлое. Надо было спешить. Идти быстрее, пока не стало хуже, но его удерживало чувство вины перед Лялькой…

– Отцепись ты грёбаная Машенька… – хотел сказать Валергор, но губы присохли к зубам.

От неё надо было избавиться навсегда. Чтобы больше никогда не видеть в кошмарах её тонкие руки, распластанные по бетонной плите школьного козырька. Слишком белые на фоне огромной красной лужи. Слишком маленькие даже для девочки-подростка. Но такие сильные, что, вцепившись в него много лет назад не отпускали до сих пор.

Он рванулся изо всех сил, но не сдвинулся и на миллиметр.

– «Недочарованный шмондель, хочешь залезть ей под юбку? Она подруга твоей единственной любви. Лялька неповторимая. А эта Маша, такая же как все! Ты что ещё не понял? У всех всё одинаковое, кроме той, что нужна по-настоящему».

Гудение стало таким громким, что задрожали серые стены.

Валергора начало раскачивать и отбрасывать назад. Он сдавленно взвыл, упираясь изо всех сил, но удержаться на месте не вышло. Тонкие белые руки выталкивали его из прошлого. Осколки летели вверх, как туча бешеных насекомых. Натыкались друг на друга и срастались, пытаясь восстановить стекло. Он понял, что, если окно встанет на место, эту преграду уже не преодолеть, и бросился вперёд, больше не обращая внимания на боль.

В глазах покраснело и стало совсем темно! Но осколки посыпались вниз в кровавую лужу, а его насильно повернули и увели из класса. В смежную комнату, где завуч долго и, как ему тогда казалось, убедительно, рассказывал вмиг повзрослевшим детям, что четвёртый уровень получают не все, а только самые сильные. Остальным, он на самом деле и не нужен. Без него тоже можно прекрасно жить. Ведь качество жизни не определяется уровнями. Потому что технический прогресс и магическое равенство предоставляют абсолютно всем одинаковые возможности. А ещё о том, что можно очень быстро возвыситься, если пойти на фронт и отдать свой долг родине. Тогда в одной маленькой глупой детской голове и возникла мысль о том, как стать круче одноклассников. Да что там одноклассников – круче всех!

Память затрещала натянутой резинкой и начала быстро сжиматься, отбрасывая воспоминания об учебке, боях и плене. Он вылетел из тьмы и растянулся на асфальте позади строя. Тело горело огнём, глаза не открывались, а мышцы перестали разгибать и сгибать руки и ноги. Позвоночник превратился в кисель, а голова в сито, из которого стремительно вытекали запасы энергии.

– Остановитесь! – долетел откуда-то издалека голос младшего магистра. – Остановите ритуал! Илья Ванович жив!

***

Тренировки выматывали сильнее настоящего боя. Бить и бить, и бить деревянный силуэт проклятьем, когда затылок сверлят лучи заходящего солнца было невыносимо. Они всё сильнее высушивали кожу, истончая её до микронной толщины. Лёгкое касание вечернего ветерка тёркой вгрызалось в голову. Отдавалось жадным эхом в подкорке, собирало всю скопленную энергию и выносило наружу вместе со следующим заклинанием, так что её оставалось всё меньше и меньше. Казалось, ещё одно проклятье и охранного покрова не останется, а к ногам вывалится спутанный ком оголённых нервов.

Другие колдуны тоже долбили свои мишени из последних сил и плавились от раскалённого за день камня под ногами. Весенние дожди прошли, но лето в лагере смертников оказалось ещё хуже. Плац и тренировочная площадка дымились от мегаватт перекаченной энергии, но зачарованные деревяшки не поддавались проклятью. Хотелось подойти и двинуть по шишову силуэту ногой.

Поэтому, когда раздалась команда закончить тренировку, Пушкин пошатнулся и едва удержался на ногах. Собрался, и только как следует продышавшись, побрёл к каптёру получать свежее бельё. Пока остальные – нервные, потные и вонючие – бежали в бар за порцией одурманивающего зелья, он обошёл низкие бараки, притаившиеся под скалой, и протиснулся в узкую, низкую дверь общей бани. Её устроили прямо в старинной пещере. В такое время здесь не было никого способного впитать даже толику энергии, но местный Изкурнож топил парилку так, будто ожидал приезда высокого начальства. Надраивал до блеска каменные стены и изводил любую зловредную плесень.

Скинув насквозь мокрую косоворотку со штанами, Пушкин потребовал вылить на себя холодной воды. Ледяной водопад появился из неоткуда и обрушился на него сплошным потоком. В раз очистив голову от дурных мыслей и раскрыв все необходимые чакры.

– Выбью веником тоску, дурь всю непутёвую. Выпарю до волоску кармучку в нулёвую, – продекламировал чаруша.

Но Пушкин лишь заржал, и оскальзываясь на мокром полу, влетел в парную.

Крик застрял в горле, а дверь нагло хлопнула его по заднице, так резко он остановился.

Зато она даже не вздрогнула, как лежала на спине с закрытыми глазами на верхней лавке, так и осталась лежать.

– Прошу прощения, младший магистр Фещук. Разрешите удалиться? Не знал, что вы здесь, – он растерянно топтался у входа, пока та самая Фея лениво потягивалась, отчего её высокая грудь с розовыми сосками подпрыгивала ещё выше.

Пушкин сглотнул, но тут же поморщился, переступая с ноги на ногу.

– Знаешь, как женщина выбирает мужчину? – спросила она, так и не открыв глаз.

– Чем больше энергии, тем лучше, – зачем-то брякнул он.

– Это свиноматки, у которых не осталось ни одного инстинкта кроме продолжения своего бесполезного рода, так выбирают. А остальные?

Он пожал плечами, а Фея подложила руки под голову. Они больше не закрывали её с боков, из-за чего её длинные ноги казались ещё длиннее.

– Женщина выбирает мужчину по тому, как он на неё смотрит.

Пушкин промычал что-то сквозь зубы и отвернулся. От вида покатых стен пещеры, теряющихся в мягком паре, легче не стало. Да и лавки с высокими тонкими ножками, самообладания не прибавляли.

– Малолетка может принять за любовь и покровительственный взгляд, и любопытный, и презрительный.

Не смотреть на неё было очень трудно. Глаза вновь и вновь скользили по соблазнительным изгибам, задерживаясь на лобке и груди. Но даже в скудно освещенной парной на гладкой коже тут и там проступали глубокие шрамы.

– Когда становишься более опытной, начинаешь искать в его взгляде опору и понимание. Только перепутать всё равно слишком просто. Дура всегда убедит себя, что, когда на неё смотрят как на кусок мяса – это страсть. Что, если в ней видят красивую вещь, то её вознесут на постамент, но её всё равно ждёт только полка с другими призами.

– Пол холодный, разрешите войти? – не сдержался Пушкин.

У Феи едва дёрнулись губы. Будто улыбка успела потухнуть раньше, чем её смогли увидеть.

– В меня?

– Никак нет! – он зачем-то вытянулся по стойке смирно, но тут же опустил расправленные плечи.

– Садись, – разрешила она. – Войне нужны здоровые и крепкие, а больные сами помрут.

Пушкин залез на крайнюю лавку и подтянул ноги к подбородку. Сам себя выругал и сел более вальяжно, постоянно косясь на неё. С другого ракурса шрамы на её коже выделялись ещё чётче. Длинную белую отметину под грудью явно оставило чудовищно мощное проклятье, которое должно было остановить сердце. Слишком правильный треугольник выше левого бедра наводил на мысли о таранном заклятье, вышибающим дух из целого строя сразу. А кривой белый след под подбородком, сползающий к уху и теряющийся в волосах, говорил об удушающих чарах. По ней можно было изучать арсенал боевой магии. Непонятным оставалось одно – как после всего того, что с ней случилось – она смогла выжить?

Фея приоткрыла один глаз и красивое лицо исказило разочарование.

– Покраснел? Не думала, что ты такой робкий, – она снова зажмурилась и уставилась в потолок.

– Стыдно, да, – выдохнул Пушкин. – Вспомнил, что думал о тебе, когда увидел на плацу, шагающую по чистому, когда штрафники сидели перед тобой на коленях в грязи.

На этот раз она всё-таки улыбнулась.

– Я потомственный военный. Никто не ожидал, что вместо боевого мага получится козявка с дыркой. Поэтому всю жизнь доказываю, что не баба. Что достойна нашего рода. Папеньки главного казначея и деда Великого магистра МИФ. Блевать от всего этого солдафонства тянет, но я держусь. Иначе давно бы сдохла. Ведуны, итак, руками разводят. А молодые дуры, которые им помогают – жалеют. Говорят, не повезло, вся подраная, кто теперь на такую позарится. Ты бы позарился?

Он заёрзал на лавке, но кивнул почти мгновенно. Её откровенность обезоруживала, но слышать приходилось и не такое. Обидно было ошибиться на её счёт.

– А как смотрю я?

Фея снова улыбнулась, на этот раз совсем по-настоящему. Даже тусклое освещение парной стало светлее и радушнее. Ещё сильнее побелели надраенные Изкурножем стены, а заботливо подаваемый пар, стал ещё гуще и таинственнее.

– С ленцой. Так, будто, я, конечно, могу тебя защитить и покорить, и даже всю жизнь носить на руках, но ещё не решил, может лучше часок поспать.

– Я самолюбивый жлоб? – нахмурился Пушкин.

Она, не открывая глаз, покачала головой.

– Те смотрят оценивающе, оценивают сможет ли баба любить их хотя бы вполовину так же сильно, как они сами себя.

– Всё равно не понял.

– Так женщин никто не понимает, – усмехнулась Фея. – Даже другие женщины. Про баб, дур, малолеток и свиноматок вообще молчу. Они даже себя не понимают.

Она перевернулась на бок и уставилась ему прямо в глаза. И за надменной поволокой, самодовольством и бравадой, он увидел испуг. Эта странная хрупкая девушка, покрытая боевыми шрамами, боялась отказа.

– Говори что хочешь, я не уйду, – серьёзно пообещал Пушкин.

Она приподняла брови.

– Теперь думаешь, что понял?

Он покачал головой.

– Чего же тогда? – промурлыкала Фея.

– Нравится на тебя смотреть.

– И больше ничего не хочешь?

– Конечно, хочу!

Она села. Зрачки задёргались, и из пара начала собираться женская фигура. Из мягкости затянулась плотность, появился вес, прогнув тонкую доску пола парилки, и даже капельки пота скатились по плечу, груди и повисли на соске. Получился идеальный двойник. Точно такая же как настоящая, родная мать не отличит.

Пушкин не стал дожидаться приглашения, а мгновенно собрал своего фантомыша, обнявшего соблазнительную фигуру, сотканную Феей…

– Очнись твою мать! Да хватит уже! – долетел знакомый голос.

Оморочник тряс его за плечо, поэтому пришлось открыть глаза. После полутьмы бани от белой комнаты разболелись глаза. А метроном-архимаг только сильнее бесил своим посохом.

– Свой прикрой! – хмыкнул оморочник, проследив взгляд пациента. – А то торчит на полкабинета. Ты чего там вспоминаешь такое? Не туда отправил тебя?

– Не совсем, но…

– Никаких, но, давай вспоминай то, что нужно, а не то, что хочется.

Снова начало затягивать в далёкие горы, но на этот раз воспоминания соткали вокруг него узкую комнатушку с низким потолком. Помощник коменданта, тот самый маленький, тощий лопоухий на которого он налетел в первый день, сидел за столом. А рядом на огромной сферической клетке, в треть человеческого роста, сидел ворон. И прищур его, не похожих на птичьи, глаз не предвещал ничего хорошего.

– Чего тебе? – недружелюбно прокаркал он.

– Старик требует ещё раз зашифровать свой последний приказ!

– Зачем?

– Запятые забыл поставить. Надо переделать.

– Над нами уже весь штаб смеётся, – вздохнул помощник коменданта.

Пушкин пожал плечами.

– Вам молодым вообще на всё наплевать? Как твоя фамилия?

– Ну, Пушкин.

– А-а-а, – помощник коменданта сжался ещё сильнее. – Правильно, чего париться, если вся Москва у твоих ног.

– Я там не был.

Маленький лопоухий человечек оглянулся на нахохлившегося ворона и попытался гордо расправить плечи. Получилось плохо, согнутая спина не желала распрямляться, но от усилий лицо покраснело и пошло пятнами.

– Чего так? Не нравится? В Парижах и Лонданах лучше? Или, где ты там привык?

– В Канске красиво, но…

– Предпочитаешь Лазурный берег? Очень красиво, да? А ты знаешь, что большинство простых пацанов, которые здесь воюют, никогда там не побывают?

Пушкин еле сдержался, чтобы снова не пожать плечами, но ворон, чистящий перья, высунул голову из-под крыла, так на него зыркнул, что сразу расхотелось. Он ни слова не понял про Лазурный берег, и не сразу сообразил, как ответить, поэтому сказал:

– Да, это далеко отсюда, – хотел добавить, что от Красноярска до Канска двести километров, но не успел.

Помощник коменданта совсем побагровел и процедил:

– Поэтому и не побывают! Здесь сдохнут! Вот в этих горах!

– Так я…

– А ты шишень особенный!

Пушкин всё-таки пожал плечами. Ворон зло закаркал, но было уже поздно, слова вылетели.

– Особенный не особенный, а просто так помирать, как твои простые пацаны – не хочу!

Помощник коменданта подскочил и заорал, тыча на дверь узкой комнатушки:

– Да ты знаешь… кто… мой… тут погиб… – он задохнулся от гнева. – Вон! Пошёл отсюда! Чтобы я тебя больше не видел!

***

Лялька ворочалась до утра. Пол ночи сумасшедшие запускали фейерверки из подписки «праздник» в честь юбилея революции. Магический полог покоя защищал от звуков и постоянного уличного освещения, но резкие вспышки салютов почему-то пропускал, обрубая яркую иллюминацию только в самом конце. Она крутилась с боку на бок, надевала на голову подушку и кляла на чём свет стоит технический прогресс и магическое равенство.

С утра, растирая сбившиеся в кучу глаза, она раскачивалась перед зеркалом в ванной, соображая какое заклятье поможет превратить смотрящее на неё чучело, хотя бы в подобие человека, но думать было слишком тяжело. Тем более, когда понимаешь, что за тебя с радостью подумает полуразумное энергетическое существо.

– Изкурнож, приведи меня в порядок!

– Доброе утро, хозяйка! Вам сделать стандартные процедуры для кожи и обычный макияж, как на работу?

– Ага, – отмахнулась Лялька.

Чары сразу же начали растягивать лоб, разминать надбровные дуги, потихоньку сдвигаясь к носу и щекам.

Отец прошёл мимо по коридору, что-то бормоча под нос, и только с кухни буркнул что-то похожее на «Дабрутр».

– Тоже не выспался?

– Отмечали, – без особого энтузиазма проворчал он. – В этом году что-то совсем не то. Старею, наверное. Народу мало и слухи ещё эти.

– Какие?

Чары закончили массировать её лицо. Настало время мизерных пузырьков воздуха, которые должны были насытить кровь кислородом и ускорить процессы восстановления.

– Да чушь какая-то. Понапридумывают всякое и сами потом верят, – долетело с кухни.

– Что именно? – ей пришлось закрыть глаза, потому что после следующей магической процедуры они всегда слезились.

Отец вздохнул, но всё же подошёл и встал в дверях ванной комнаты.

– Не верь ты этому. Архимаг такого не допустит. Да и МСБ не зря свою энергию получает.

Лялька всё-таки попыталась спросить, но он предупредительно поднял руку.

– Не бывает так! Не бывает и всё тут! Разве могут в двадцать первом веке люди взять и разучиться вырабатывать энергию? Через сто лет практики и развития? Чушь!

Он потопал обратно, а она прикрыла дверь, чтобы не слышать его возмущённое бормотание. Когда у него такое настроение, подходить насчёт клуба неблагоразумно. С другой стороны, это же для самосовершенствования, а не для развлечения. Должен же он понимать разницу… Лялька вздохнула. Должен! Должен? Ну ведь должен же?

– Стандартные процедуры для кожи и макияж закончены, хозяйка!

Она небрежно кивнула и решительно вышла в коридор.

– У меня уровень почти до пятого поднялся.

Отец с тоской взглянул на неё и начал чесать и без того исцарапанную руку:

– Изкурнож! Подай нам чаю.

– Да, хозяин, – пропел в ответ подобострастный голос.

Лялька сделала шаг.

– Наш новый куратор сказала, что у меня талант и надо повышать дальше. Посоветовала пойти в клуб. Там в игровой комнате есть оборудование вызова фантомышей без ограничения…

– Это в каком это? – надулся отец.

Весь запал сразу сошёл. Она даже сделала шаг назад, но отступать было поздно. Куда от него денешься? Хоть из дома беги. Только муниципальное жилье ещё попробуй получи, для этого надо либо стать почётной питалкой, либо почётной питалкой быть. А для этого надо повышать уровень и развиваться… заколдованный круг.

Она снова вздохнула.

– Без ограничений только в «Жерле», – начала Лялька и быстро добавила. – Так куратор сказала.

– Энергия нужна? – как-то бесцветно выдохнул отец и случайно смахнул со стола появившиеся чашки с чаем.

Она удивлённо кивнула, а начарованная посуда исчезла, не долетев до пола. Он уже расчесал руку до крови, но продолжал возить по коже ногтями.

– Папа, что происходит? Ты должен мне всё рассказать!

– Обещай, что, когда получишь энергию, я пойду с тобой!

Возражения, конечно, крутились в голове, но одно хуже другого. У неё, итак, вечно краснели уши, когда, выходя с ночных смен, она замечала его в тени под деревьями у парадного входа Дома съёмных помещений. Или, когда он тайком шёл за ней и подругами после школьного выпускного. Когда… она покачала головой.

Отец как-то разом осунулся. Будто из спины выдернули позвоночник. Вся военная выправка выскочила и растеклась по столу. Он даже стал меньше ростом.

– Обещай! – сухо потребовал он, но она снова замотала подбородком, да так, что рассыпались сложенные в причёску волосы.

– Значит, я тебе больше не нужен?

– Папа, я уже выросла! – попыталась успокоить Лялька, но получилось так резко, что он подскочил.

– Изкурнож! Прибери здесь! И включи подписку повышенной безопасности и видеонаблюдения. А ты за мной!

Он метнулся в коридор.

Лялька сглотнула. С маминого дня рождения его таким не видела.

– Ты…

Он только рукой за спину махнул, толкнул дверь в свою комнату, будто бы нехотя зашёл и сразу полез в шкаф. Долго ковырялся там, передвигая старинное, никому кроме него ненужное, барахло. А потом достал небольшой сундучок, запечатанный охранными рунами.

– Настало значит время, – совсем горестно промычал отец. – Мог бы… да не могу противиться. Она так хотела. У меня просто выбора нет. Хоть и понимаю, какое это безумие. Мне не оставила, боялась, что помру на войне и ничего до тебя не довезу.

– Ччттто эттто? – еле выговорила Лялька.

– А то ты не понимаешь, – вздохнул он. – Мать всю свою энергию тебе завещала, когда ты четвёртый уровень преодолеешь. Я и так тянул как мог. Вон почти пятый уже. Тянуть больше нельзя. Открывай!

Сунув ей сундучок в руки, он отошёл и сгорбился, поджав губу.

Руны оказались теми самыми – знакомыми с детства. Из самых ранних игр, когда Лялька только познавала новый волшебный мир. Его тайны и законы. Чем руны отличаются друг от друга? Смешными закорючками…

– Нет доченька, всё в твоей голове.

Мамин голос прозвучал как наяву. Она никогда не командовала, не заставляла, только увлекала чудесными играми. Рисовала руну на воде, одну из тех, что была вырезана на крышке сундучка, и убеждала, что её всегда можно потрогать. Что она холодная и мокрая на ощупь. Текучая, повторяющая твои движения, но при этом свободная, текущая туда, куда ей нужно. Её невозможно запереть и лишить способности самой решать за себя. Даже зачерпнуть то, что нарисовано на воде нельзя. Руна – это не знак – это ощущение, образ в голове, который всегда с тобой.

Лялька накрыла свободной ладонью крышку сундучка, и под пальцами заплескался задорный ручей. Ледяная вода смыла напряжение и прочистила голову. Отозвалась жаждой обновления и поиска нового. Руна засияла чистым синим цветом и исчезла. Заученное в детстве ощущения невозможно забыть, но у каждого они будут свои. Двух одинаковых рун воды не существует. У каждой свой уникальный внутренний код, который невозможно подделать, только передать. Поэтому для общих нужд подбирали самые простые руны и передавали через специальные оттиски.

Лялька сдвинула ладонь. За водой шёл воздух. Рисовать невидимые руны кончиком пальца прямо перед собой в пустоте, ей нравилось даже больше. Мама говорила, что они лучше подходят её природе. Доброй, благодушной и кроткой в покое. Но ещё и неосязаемой силе, которая разрушает города и уносит целые дома, если её разгневать. Она всегда рассказывала что-то особенное, вкладывая в каждый завиток руны исключительный смысл. Частичку своих воспоминаний: сквозняк в старинном доме своей прабабки, который подвывал в тени между почерневшими балками потолка. Он нёс с собой запах высохших полевых трав, чуть горький, но безумно притягательный. В другой части руны таилась их первая встреча с отцом, когда ветер развевал её платье и играл в волосах, пахло морем, молодостью и свободой. Мама умела делиться чудесными мгновениями своей жизни, передавать их в неизменном, первозданном виде. Поэтому они откладывались в памяти навсегда.

Нежное голубое сияние озарило крышку сундучка, и пришла пора третьей руны. К огню тоже нельзя было прикоснуться, но он дарил тепло. Детское счастье от запекания картошки в углях. Согревающие языки пламени, настраивающие на страшные истории во мраке. Загадочные языки играющие на фитиле свечи. Всё это поднимало в душе тоскливое беспокойство от дней, которые безвозвратно прошли. По отрывкам чужих воспоминаний, перешедших по наследству девочке из двадцать первого века, которой всё на свете, даже маму, заменила магическая энергия.

Лялька поджала губы, но подавлять нахлынувшие чувства не решилась. Поэтому хоть глаза и намокли, третья руна вспыхнула красным, и осталась последняя – мамина личная.

За спиной тяжело вздохнул отец, и она чуть не сбилась. С этой всё было одновременно тяжелее и легче. Такие руны пропитываются владельцем, и если знать его достаточно долго, то почувствовать скрытый смысл несложно. Но заставить её открыться – гораздо труднее. Ведь наше представление о близких почти никогда не соответствует действительности.

Пришлось собраться и заставить себя ничего не видеть, и не слышать. Мама предусмотрела эти сложности и подарила дочери свой отпечаток. Весь тот запутанный клубок из памяти, прикосновений, вкусов, привычек, любви и ненависти, который она накапливала всю жизнь. Всего того, что вросло в неё и стало частью характера. То, как она ходила, смотрела, думала и мечтала. Скрытое от невнимательного взгляда, но составляющее самою её суть. Этот код, вплавленный в закольцованный энергетический поток, оставалось только выудить из памяти и накрыть его отпечатком блёклый символ на сундучке.

На этот раз полыхнуло так, что Лялька зажмурилась. А когда открыла глаза, то увидела под крышкой гарнец с датой маминой смерти на этикетке.

***

– Не может быть, не может быт, не может бт, не можтбт, не мжтбт, нмжтбт.

Он ходил от стены к стене, повторяя одно и то же. От собственного бормотания гудело в голове, но слова всё равно срывались с губ. Это единственное, что пока спасало от новой истерики.

От предыдущей на голой стене остались кровавые разводы. Тёмные пятна выделялись на штукатурке даже в слабых отсветах из окна. Болели сбитые костяшки пальцев и саднило содранную кожу на лбу. Но он понимал, что это только начало.

– Как твои хозяева это сделали? – в тысячный раз спросил Бидбей.

И в тысячный раз получил тот же самый ответ.

– Они этого не делали.

– Только не заливай про пандеклятье. Нет таких чар! Нельзя отобрать ману. Всё добровольно! Только добровольно! Всегда добровольно!

– Никто не отнимал вашу энергию, – парировал Исчар.

– Как тогда? – зверея, заорал Бидбей.

– Это экспериментальное пандеклятье неясной этимологии. Моя задача как раз найти все необходимые данные, чтобы его расшифровать и…

– Разочаровать.

– Вы совершенно правы. Помогите мне и себе.

– Как, твою мать? Твою мать, гадина начарованная. Ответь наконец?

Бидбей уставился на ладонь. Руна, отвечающая за входящую энергию, немного светилась, но ничего не передавала.

– Молчишь? Хотя бы позвони Пушкину! Он даст столько энергии, сколько тебе и не снилось. У него её много.

– А у вас её совсем нет. Что вы сейчас чувствуете?

– Жрать хочу, гадина! Позвонишь?

Голые стены хорошо отражали звук, наполняя пустоту долгим протяжным эхо. В полутьме оно, казалось, очередными мистическими чарами, которыми всех сирот пугали в детстве. Но самое неприятное, что эта жуткая звенящая пустота потихоньку заполняла его голову.

– Звонить нельзя. Пожалуйста, оцените по шкале от одного до десяти, какой уровень голода вы на данный момент испытываете?

Бидбей закрыл глаза. Он уже пробовал ложиться или садиться у стены, но от бетона передавался сковывающий холод и становилось только хуже. Оставалось отгородиться от всего этого и сбежать туда, где спокойно.

– Это ретроградные переживания? – догадался Исчар. – С вами такое уже было, поэтому ситуация, напоминающая вам прошедшие события такая болезненная.

– Я обещал себе, что больше никогда.

– Больше никогда что?

В темноте под закрытыми веками было лучше. Ни голод, ни безысходность, ни всё больше накатывающий страх никуда не делись, но в непроглядной тьме их как будто стало меньше.

– Вы уже томились от голода?

Бидбей вздохнул.

– Томился? Откуда, грёбаный ком маны, ты высрал это слово? Томился, – он глухо рассмеялся, но закашлялся и замолчал.

– Вы уже мучились от голода? – исправился Исчар.

В полной темноте было спокойнее. Казалось, что сюда не может проникнуть то, что бродит снаружи. То, чего все так боялись, но всё равно говорили шёпотом, будто это какой-то

гипноз или вредочары, заставляющие болтать языком. Но открывать глаза было ещё страшнее. Особенно смотреть на одутловатое лицо малой.

– Моей младшей сестре ещё года не было. Зубы не вылезали, потому что не хватало мела… не помню, как он называется…

– Вы имеете ввиду кальций?

– Во-во. Из-за кальция у неё не росли зубы, она не могла жевать. Поэтому всё что мы доставали, пережёвывали ей по очереди, но ей всё равно не хватало.

– Вы воровали её еду? – бесстрастно спросил Исчар, но Бидбей всё равно услышал презрение.

– Пошёл ты! Ты… ты… – он облизал потрескавшиеся губы. – Старший сказал, что она всё равно не выживет.

– Тогда зачем вы пережёвывали пищу, если не собирались её отдавать?

В полной темноте стало немного светлее. Так сильно загорелись его щёки.

– А как? – тоскливо протянул Бидбей и голос задрожал. – Все делали вид, что жуют для неё, – он накрыл ладонью глаза. – Тварь ты бесчувственная.

Слёзы катились градом и в их потоке, слова превратились в липкую кашу из звуков.

– Получается, что она умерла от голода?

Плотина прорвалась. Бидбей опустился на корточки и беззвучно трясся, пока сквозь всхлипы не пробилось его бормотание.

– Плакать нельзя. Из-за этого ты теряешь натрий, хлор, калий, кальций, медь, цинк, железо, марганец, барий, серебро, сурьму, хром и стронций.

– Это заблуждение, – поделился Исчар. – В слёзной жидкости содержится слишком малая доля всех этих элементов, чтобы это как-то повлияло на здоровье, даже сильно измождённого человека. Человеку надо беспрерывно плакать около десяти часов подряд.

Бидбей открыл красные опухшие глаза и уставился в потолок, будто мог увидеть бестелесного чарушу.

– Когда меня научили энергопитанию, я поклялся себе, что больше никогда не буду голодать.

– Очень похвальный обет. Любой живой организм должен стремиться к достатку и гармонии. Это заложено природой.

– Как же хочется тебя задушить. Позвони Пушкину, пожалуйста.

– Это невозможно! Так же, как меня задушить. Асфиксия способно навредить только существу, зависимому от кислорода.

Бидбей разогнулся и одновременно подпрыгнул, пытаясь дотянуться до невидимого бестелесного чаруши, но лишь махнул руками и ударил ими одна о другую. Взвыл от боли и начал растирать, пока пальцы не дошли до внутренней стороны предплечья, почти самого локтя. Там светилось зелёное пятно.

– Что это? – заинтересовался Исчар.

– Не твоё чарушино дело! – прорычал Бидбей и закрыв руками уши, начал снова ходить от стены до стены, повторяя. – Этого не может быть, этого не может быт, этого не может бт, этого не можтбт, этого не мжтбт, этого нмжтбт, этог нмжтбт, этг нмжтбт, тгнмжтбт.

***

Лялька тащилась вдоль улицы, не задумываясь куда именно. С неба что-то тоскливо капало и разбивалось об серость асфальта. В лужах расплывался её сгорбленный силуэт. Уходил в глубину чёрным пятном среди радужных плёнок. Она и правда тонула. Захлёбывалась злыми слезами и всё сильнее скалила подрагивающие зубы. Как можно было ей ничего не сказать?

Она ведь тысячу раз смотрела на этот заскорузлый сундучок! А внутри хранилась её… то, что от неё… её часть… с которой можно поговорить, спросить, поплакать в её… то о чём она сотни раз мечтала. Представляла, что её можно вернуть, воскресить, возродить…

– Гад, гад, гааааад! – Лялька остановилась, топнув ногой.

Грязные брызги разлетелись во все стороны, попали на штаны и плащ, но она не остановилась, продолжая вдалбливать воду в асфальт. Он же отнял у неё единственную радость… единственную возможность залатать дыру в душе. Слёзы снова брызнули во все стороны, не хуже мутной воды из лужи.

– Никогда тебе этого не прощу! – она погрозила небу кулаком, будто отец мог её видеть и слышать.

Мама появилась, когда она вскрыла проклятый гарнец. Почти неосязаемый, едва раскрашенный радужный силуэт, напоминающий подменыша, которого делают неопытные дети, только начавшие осваивать магию. Только ещё обладающий тихим, но своим собственным, самым настоящим на свете голосом.

По Лялькиной спине снова прошла ледяная дрожь. Мама радовалась её успехам, говорила, что четвёртый уровень, только крошечный этап её жизни на котором нельзя останавливаться, что надо двигаться дальше. Стремиться полностью раскрыть свой потенциал. Стать многогранной, объёмной личностью. Счастливой женщиной, которую будет любить влюблённый мужчина. Матерью, бабушкой, пробабушкой. Кем угодно! Главное не растерять свои мечты, не сойти с пути, не сдаться. Правила созданы для безопасности, но их нужно нарушать, чтобы не потерять себя.

Слов было очень много. Именно таких, какие Лялька хотела услышать. Таких, которые представляла долгие годы. Таких, которые могла сказать только мама. Отец на такое не способен физически. Он как вытесанный из камня болван, которых находили на заповедных туземных островах в океане. Не может сдвинуться с места или оглянуться, чтобы увидеть, что мир совсем не такой, каким кажется с его каменного постамента. Всё давно изменилось. Даже то, что было записано запрещающими красными буквами во имя сохранения жизни.

– Никогда! – повторила она себе под нос и зашагала мимо поникших ёлок.

Ноги сами принесли её на работу. Вот только на проходной Дома съёмных помещений было слишком тихо. Седая сова в стеклянной будке, посмотрела на неё с деланным удивлением, но всё же махнула крылом, разрешая пройти.

Лялька передёрнула плечами, но подавила злость. Ещё не хватало срываться на чарушах. Она зашагала по пустынному коридору к приёмной общества «Уберём В.В.», но дверь оказалась закрытой. Чего за три месяца ещё ни разу не случалось.

– Что за день такой?

Её раздражённый голос эхом прокатился по вымершему Дому съёмных помещений. Она даже сжалась от собственной дерзости и напряжённо оглянулась, но ни одна из соседних дверей не открылась.

– Плевать на правила!

Лялька развернулась и хотела уйти. Пора было двигаться дальше, точнее подальше от глупой бессмысленной работы. Что её вообще тут держало? Надменный любитель пыли? Что в нём особенного?

Она дерзко ткнула ногтем в руну «подписка», представила Пушкина и внутри тут же раздались гудки. Очень длинные и презрительные. Они тянулись сквозь голову от уха до уха и насмешливо лопались. На двенадцатом нервы не выдержали! Лялька яростно топнула и оборвала звонок. Да что он там о себе возомнил? Она уже хотела уйти, но вспомнила искреннюю заботу на лице Цветуллиной, которая добросердечно наставляла её у этих самых дверей, и остановилась. Мама так же долго и настойчиво могла убеждать её, когда хотела добиться понимания. Отмахнуться от такого сложнее, чем от бессмысленных запретов, поэтому она подняла

ладонь и излишне сильно надавила на руну «подписка», так что на коже остался отпечаток ногтя. Представить в голове их нового куратора не составило труда, поэтому её голос, зазвучал почти мгновенно.

– Слушаю!

– Я… я…

– Проблемы в «Жерле»? – взревела Цветуллина у Ляльки в ушах.

– Нет на работе… тут дверь и никого…

– Ты не знаешь? «Уберём В.В.» закрыли из-за пандеклятья. Не волнуйся, мера временная. Как только ситуация прояснится, всё будет как раньше.

– Я не хочу как раньше.

Лялька вернулась к двери и только тут увидела руну «грамота», которую должна была заметить сразу.

– Что-то всё-таки случилось, – вздохнула кураторша.

– Он меня обманывал… про маму… всю мою жизнь.

– Я сейчас не могу, портируйся в обед, поговорим, – предложила Цветуллина, но Лялька покачала головой.

– Нет, я теперь буду жить по-другому. Не буду плакаться, а вместо этого пойду в «Жерло» прямо сейчас!

– Вот это правильно! – возликовал голос в её ушах. – Возьми и просто развлекись. Позаниматься всегда успеешь! Всему своё время, успеешь ещё.

– Так и сделаю! Пока!

Она опустила руку, смахнув сияние с руны «подписка», и зашагала по коридору в обратную сторону. Не глядя прошла мимо чаруши-совы и остановилась. За стёклами вестибюля проходной Дома съёмных помещений мелькнула подозрительная тень.

Если это опять он?! Если снова приглядывает за ней как за маленькой – она его испепелит!

Лялька будто пролетела несколько метров и так резко распахнула входную дверь, что вывалилась на улицу. Обнюхивающая стекло бездомная собака взвизгнула и бросилась бежать.

– Вот и ты так! – завопила она. – Чтобы никогда больше не встречал! И провожал!

Дождь уже прекратился, но её голос растаял в мягком тумане, собирающемся за деревьями. Чтобы там ни было впереди, чтобы не скрывалось в этой мгле, она не свернёт и не отступит. Больше никогда!

***

Внутри давно не было так мерзко. Как будто вернули в наивные времени, когда он ещё верил в чудеса, а война казалась героическим приключением. Валергор замотал головой. Прерванный обряд не прошёл даром. Теперь его уровень непрерывно прыгал от восьмого к четвёртому и обратно. Колдовать не получалось ни по подписке, ни самостоятельно. Он вытер пот рукавом и всмотрелся в зеркало общего туалета центрального управления МСБ. Этим помещением не пользовались. Кому оно нужно, когда питание энергетическое? Его лоб покраснел, а глаза потускнели из-за нехватки энергии. После неудачного обряда с её пополнением тоже было что-то не так.

Валергор сглотнул. Как всё это некстати. Вокруг, итак, творится шишень разберёт что, а тут ещё это.

– Нам пора, – долетело из-за двери. – Ты как?

Пришлось выходить, хотя голова продолжала кружиться.

Глядя на его плачевный вид, младший магистр Хлестов вздохнул:

– Иди домой, отлежись, потом вернёмся к этому вопросу…

– Справлюсь! Мне известны детали, которые остальные сразу не вспомнят, поэтому лучше поприсутствую.

Они пошли по коридору к допросной, периодически останавливаясь. Стены скакали, и Валергору казалось, что он по пьяни залез в магоход. Так же тошно и всё кружится.

С тех пор, как он начал расследовать исчезновение Ильи Вановича – всё шло наперекосяк. Поэтому сбой снижения уровня казался логическим завершением всех неурядиц. Такие дела в курилках называли проклятыми. Правда, из-за последних событий перестали. Пандеклятье слишком быстро меняло привычную жизнь, чтобы лишний раз раздражать Энерполз.

– Я в порядке, вы обещали рассказать про то, как это дело связано?

Хлестов нахмурился и лицо сползло на один бок.

– Твоего ИльВана внедрили на Центральный энерговод, куда-то в управление, точно не помню. Для нас это было непросто, потому что там рулит МИФ.

– Я знаю, но зачем? Он же…

– На него бы точно никто не подумал. Только поэтому, хотели проверить одну нить. Знаешь четверную концепцию пандеклятья?

– Я своё имя с трудом помню, – пробурчал Валергор.

– А мне некогда лекции читать, – отмахнулся Хлестов. – Это источник непрерывной энергии. А что может быть непрерывнее Центрального энерговода. Чтобы исключить этот вариант…

– Вы хотите сказать, что МСБ знало об угрозе пандеклятья?

– Ты мне лучше скажи, девушка твоя нам поможет?

– Моя? Она же… с чем?

– С Пушкиным. Она же на него работает…

– Откуда вы знаете?

Они свернули в тупик. У допросной крутилась куча народу. Поэтому разговор затух. Стажёры бегали туда-сюда, выполняя пожелания старших коллег. А опытные сотрудники тихо переговаривались, дожидаясь начала «спектакля», и чуть оживились, когда от ИльВана вышел штатный оморочник. Его, как всегда кислая рожа, выражала небывалое раздражение.

– Разойтись!

– Его ранили? – уточнила какая-то сердобольная душа.

– Изнасиловали? – в тон ей протянул хохмач.

Оморочник только поджал и без того тонкие губы, но поймал взгляд младшего магистра, его молчаливый кивок и нехотя проговорил:

– Он потерял память. Не знает где был последние дни и что с ним случилось.

– Точно изнасиловали.

– Вообще ничего не помнит?

– Примерно две недели. Всё остальное будет понятно после расшифровки чар. Разойдитесь! Мне надо пройти!

– И правда, коллеги, – поддержал его Хлестов. – Сами слышали, наш дорогой Илья Ванович ничего не помнит. Так что и говорить не о чем. Как только появятся новые данные, мы их обязательно объявим. Обеденный перерыв скоро закончится, расходитесь по рабочим местам.

Толпа любопытных начала иссякать, и Валергору наконец удалось протиснуться к допросной.

– Магическое воздействие? – прошептал он, но оморочник лишь пожал плечами.

– Никаких повреждений. Башка на месте. Остальное скажу после расшифровки чар.

– Это когда?

– Когда жизнь станет лучше!

Он пошёл вместе с остальными.

– Может всё-таки домой? – снова предложил младший магистр, когда коридор опустел.

– Знаете почему его так не любят? – вздохнул Валергор.

– Кого?

– Дед назвал отца Ильи Ваном потому, что верил в магическую силу слов. Тогда ещё не разделили реальные чары, наполненные энергией, и дремучие суеверия. Многие не понимали, что реально, а что бабкины панталоны.

Младший магистр с досады махнул рукой.

– Теперь что ли понимают?

– Простите. Я знаю, что вы… но дед Ильи в это верил. Ван от него заразился этой верой. Они и передали эту заразу ему. А Илья ещё и рассказывал об этом всем, кто готов был слушать.

– И что? – начал терять терпение Хлестов.

– Всё управление считало его придурком. Никто не хотел искать. Все нашли отговорки, чтобы отказаться…

– Ты сам напросился? – догадался младший магистр. – Не ожидал. Ты карьеру собирался строить?

– Ещё какую, – буркнул в ответ Валергор.

– Хочешь сказать сразу почуял, что дело не чисто?

– Этот бедолага узнал что-то важное.

Он толкнул дверь и прошёл в допросную. Белая комната без окон напоминала больничную приёмную. По крайней мере, в ней тоже плавало то самое гнетущее чувство безысходности и страха, которое буквально парализует слабых и заставляет нервничать сильных.

На Илью Вановича надели длинную жёлтую хламиду до пола с завязанными за спиной рукавами, поэтому он сидел перекособочившись. От чего его круглое лицо стало ещё круглее. Он весь словно ещё больше надулся и окончательно превратился в маленький, мягкий, уже наполовину сдувшийся шарик. Даже его живые глаза-бусинки застыли и померкли, не отрываясь от пола.

– Здравствуй! – тихо проговорил Валергор, чтобы не напугать.

Но ИльВан даже не шелохнулся.

– Чтобы он не узнал. Он уже ничего никому не расскажет, – сквозь зубы процедил Хлестов.

Тогда «шарик» подпрыгнул, но тут же сжался ещё сильнее, только тёмные глаза оторвались от пола, уставившись на вошедших.

– Мы вместе работаем…

– Работа, работа, работа, работа, – забормотал Илья Ванович. – Я работаю на Московском Энерговоде. Самом крупном во всей стране. Мы вырабатываем столько энергии, что её хватит обеспечить одну Францию, две Норвегии, пять Болгарий или… – он задумался.

– Это его задание, – шепотом пояснил Валергор. – В легенде было много информации по Центральному…

– Да, знаю, – оборвал младший магистр. – Тут дело в другом.

Они уставились на Илью Вановича, пытаясь разглядеть то, что его выдало, но увидели только мокрое пятно, расплывающееся по хламиде спереди.

– Оморочник что-то всё-таки узнал?

Хлестов кивнул.

– ИльВан ни шишеня не нашёл. Только обратил внимания на очень странную питалку управляющей энерговодом. Девочку лет восьми-девяти из интерната. Пошёл проверять туда и пропал.

– Какую девочку, – вздохнул Валергора.

– Кто бы знал.

Илья Ванович неожиданно задёргался.

– Не ешь меня, чаровище. Ну, пожалуйста!

Он начал хныкать и подпрыгивать на месте, тогда в допросной запахло не только мочой.

– Пошли лучше поговорим про твою Ляльку, Пушкина и мой план.

***

Рука дёрнулась, и Первый Азеф раздражённо прислонил её к уху.

– Что ещё?

– Всё выходит из-под контроля, – долетел напряжённый голос Третьего.

– Не начинай…

– Мы так и не поняли, как действует пандеклятье, а заражённых уже больше миллиона.

– И хорошо…

Ладонь затряслась.

– Чего хорошего? Мы же ничего не контролируем, просто смотрим как всё рушится! Ты…

– Я! – как отрубил Первый Азеф и повернулся на бок, уставившись в бассейн.

Он лежал на самом краю на мягком кожаном диване, но из-за полутьмы и виртуозной подсветки казалось, что висит над водой. Её цвет менялся от его настроения. И сейчас глубокую чашу будто заполнили красным вином.

– Давай вывернем этого Пушкина наружу? Из-за него все проблемы…

– Все проблемы из-за Азефов!

Третий вздохнул.

– А если он всё узнает? Будет вспоминать и сложит…

– Это неважно, – отмахнулся Первый. – Сейчас чем больше паники, тем лучше. Объяви усиление МСБ, поставь побольше заградотрядов, отключи скотовозки в гетто… чего я тебе рассказываю. Сам знаешь, побольше показухи.

Он говорил, но взглядом разводил кровавую воду в бассейне, пытаясь отыскать трёх купальщиц. Не могли же они просидеть без воздуха так долго? Или всё-таки воспользовались подписками? Он же запретил! Почему никому нельзя доверять?

– А что будем делать с нулевыми пациентами? Бидбей просто растворился…

– Сдох?

– Если бы, – задребезжал голос Третьего. – МИФ его прибрал, можешь не сомневаться. Сам бы исчез, уже бы нашли в какой-нибудь подворотне без энергии и с кишками наружу.

– Забери второго!

Вода в бассейне потемнела настолько, что стала нефтью.

Первый Азеф прищурился. Купальщицы уже не всплывут. Это плохой знак. Это раньше можно было придушить из страсти или случайно разрядить накопленную энергию, не сдержав гнев. Помнится как-то одна очаровательная дурочка попросила его пристроить свою сестру в магистрацию архимага, а когда он отказал – захихикала с надменным вопросом: «Что, не можешь?». И ведь не хотел убивать. На мгновение потерял контроль, и чары сами сорвались с цепи. Потом пришлось вызывать МСБ-шную зачистку, которая наводит порядок на месте преступления. Подписки не позволяют отмыть кровь или другие следы правонарушений, чтобы никто не мог их скрыть. А тогда подсохшую кровь пришлось соскребать с потолка. Но это было в те времена, когда он ещё хотел очаровательных дурочек. Сейчас он больше их боялся. Особенно осознанных стерв и хитрых, умных, опытных женщин.

– Ты ещё здесь? – повысил голос Третий.

– Не ори, – вздохнул Первый. – Задумался. Повтори, что говорил.

– Мы круглосуточно пасём Дивногорского, но он в коме. МИФ, естественно, его охраняет…

– Естественно?

– Забыл? Он же их! Работал на Центральном энерговоде. Значит где-то точно замазался. По крайней мере был на хорошем счету. Поэтому Пушкину пришлось выложить кучу энергии, чтобы его переманить. В общем его сейчас охраняют как архимага. Вытащить не получается. Разобраться что с ним происходит, тоже.

– Разберёмся.

– Твоей бы уверенностью чары начаровывать.

– Присматривай за младшим.

Третий тяжело вздохнул.

– От него проблем, как от Пушкина.

– Все проблемы из-за Азефов! – Первый смахнул сияние руны с ладони, и снова уставился в бассейн.

Три купальщицы вышли из тьмы и скинули полотенца. На нагих телах отражались отблески воды и света. Нефть превратилась в вино и светлела, пока не стала прозрачной. Тогда девушки одна за другой грациозно нырнули, перевернулись и выставили к потолку длинные ноги.

Первый Азеф напрягся, будто магия могла вернуть ему молодость или желание, но внутри давно не было ничего кроме тоскливой пустоты. Как он мог забыть, что они ещё не окунулись? Неужели уже настолько стар. НЕТ! Просто отвлёкся. Брат со своими бесконечными проблемами жутко раздражал.

– Вам помочь? – уточнил мальчишка лет семи-восьми, сидящий на корточках около дивана.

– Можешь их… – так хотелось сказать «трахнуть», но ребёнок наивно смотрел в его глаза, и Первый Азеф передумал.

Пустота разъедала его всё сильнее. Кровь давно превратилась в уксус, а все прочие жидкости в желчь.

– Тебе хочется чего-нибудь другого?

– Чего? – не понял мальчишка.

– Уже не помню, чем там занимаются дети. Но точно не сидят у ног хозяина, ожидая приказов. Думаешь, мне нужна питалка?

– Не знаю…

– У меня энергии столько, что можно заставить всю землю долететь до солнца и вернуться обратно.

– Зачем?

– Да шишень его знает, – совсем расстроился Первый Азеф. – Положено так по старшинству. Мой дед копил энергию, отец копил, и я коплю, пока не перейдёт сыну. Спросишь зачем – утоплю! Весь род собирает энергию и передаёт её по старшинству одному человеку. Только одному, понимаешь? Власть нельзя поделить на десятерых!

Мальчишка заёрзал.

– Я хотел спросить зачем земле лететь к солнцу и обратно?

– Ещё вопросы есть? – холодно уточнил Первый Азеф.

– А когда энергия перейдёт к вашему сыну?

– Когда я умру. Только так. Не понимаю зачем ты вообще нужен? Ты же как пустая руна, непонятно что внутри. Шишова мода! Понапридумывали питалок держать.

Ярость жгла его изнутри, и чтобы хоть как-то потушить дикое пекло, он завертел ладонью, и вода в бассейне начала нагреваться.

***

– Не переживай. То, что все одиннадцать пузырей пандеклятья не активировали п-руну – тоже результат.

Пушкин промычал что-то неразборчивое в ответ, и вышел из магохода в грязной подворотне. В почти полной темноте особенно завлекательно горел красный фонарь под обычным металлическим козырьком. Освещался только отпечаток для руки, выдавленный прямо в бронзе двери рядом со старинным глазком.

Пятый Азеф накрыл её ладонью и вокруг проступили искажённые одутловатые лица: смеющиеся, кричащие и плачущие. Они вертелись в безумном хороводе, пока бронза не покрылась патиной и не рассыпалась ржавой пылью.

Оба невольно отступили, вглядываясь во тьму открывшегося прохода. Она притягивала, будто ласковый голос в голове нашёптывал: «Погрузись в меня». И этому призыву слишком сильно хотелось поддаться. Настолько, что ноги сами несли вперёд, навстречу непознанному.

Пятый Азеф легко поднялся по ступеням на крыльцо и нырнул во тьму.

Пушкин задержался, смахивая с ладони напоминание о пропущенном звонке Ляльки, не поднимая головы двинулся следом, но упёрся в невидимую преграду. Магический полог не ограничивал движения, но делал их медленными и тягучими. Не хватало только чарующей музыки, которая бы оправдывала этот вкрадчивый загадочный ритм. Тьма заговорила снова.

– Приветствую тебя в клубе «Жерло» – эпицентре эстетики несоответствия. Погрузись в атмосферу психоделических образов, неподдельной свободы и экспериментов. Здесь, под сводами, озаренными неоном, среди стен, украшенных квинтэссенцией абстрактности и экзистенциальными инсталляциями, ты встретишь таких же жаждущих освободиться от рамок. Воплоти самые необычные идеи, разрушь стилистические барьеры, создай неповторимое измерение. Правило только одно – свобода при согласии. Мы ценим индивидуальность и строим пространство на уважении, стимулируя самовыражение в безопасной среде. Ты найдешь зоны релаксации и приватные уголки. Смешай свободные отношения, блудливые эксперименты и безудержное веселье. Новейшие чары отправят тебя в путешествие по новым уровням чувств и впечатлений. Ты удивишься на что способен и вдохновишься на самые опасные эксперименты. Будь собой, общайся, делись и наслаждайся комфортом. Вырази однозначное согласие и ни при каких условиях не нарушай установленные нормы.

– Это ещё что?

Тьма не ответила.

Пушкин прошёл уже достаточно далеко, но по-прежнему не видел ничего.

– Согласись, – хмыкнул совсем рядом Пятый Азеф. – А то так и будешь на ощупь шарахаться!

– Да, согласен я, согласен…

Договорить не получилось, слова застряли на выдохе, потому что темноту прочертили яркие сполохи. Они собрались в бесконечное переплетение линий и гудели от скрытой внутри энергии. Дрожали – то утолщаясь, то почти исчезая. Их них вырисовывался коридор и разветвление впереди, но самым безумным был сверкающий человек. Его словно препарировали, содрали внешние покровы и оставили внутренние контуры истинной магии. Сильнее всего переливался мозг. А перед ним, в том месте, где должны быть глаза, сияло одно всевидящее око, похожее на подсвеченной изнутри водоворот. Из радужного сплетения исходили раскалённые потоки, собирались в узел на уровне груди и пульсировали. Разлетались синими и красными руслами по руками и ногам. Но эпицентром света было солнечное сплетение.

– Как тебе? – спросил сверкающий человек.

– Шишня, – щурясь, пробормотал Пушкин.

– Ты совсем? – возмутился Пятый Азеф, и составляющие его сверкающие потоки взметнулись к всевидящему оку, раскалив добела. – Хоть представляешь, сколько я в это маны вбухал? Владелец клуба совсем не хотел переносить этот перфоманс на сегодня.

– Зря ты эти словечки, старики такое не любят.

Вокруг сверкающего человека загорелся ослепительный контур.

– Это всё для тебя!

– Хочешь энергией отдам, – пожал плечами Пушкин.

Всевидящее око начало остывать и контур силуэта перестал так ослепительно светиться.

– Это единственный способ скакануть на следующий уровень, пробить барьер, потому что…

– Всё у нас в голове, даже барьеры. Ты хочешь сказать, что по-настоящему мы так и видим?

Они продвигались в глубину клуба и от сияющих линий и сверкающих силуэтов уже рябило в глазах. Иногда контуры напоминали мебель, посуду и людей, но местами походили на что-то неописуемое.

– Слышал о противомагах?

– Встречал одного на фронте. Пацан не видел ни хрена, но его всё равно призвали.

– В противовес им – есть сверхмаги. Они, наоборот, видят только ману и чары, и ни шишеня больше. Отклонение ещё более редкое. Нам повезло, что один из них оказался достаточно талантливым, чтобы показать, как и что видит.

– Рад за него. По крайней мере на фронт не отправили, – буркнул Пушкин и потёр чешущуюся от нового пропущенного звонка ладонь.

Пятый Азеф вздохнул.

– Да что там у тебя?

– Эта девчонка уже все нервы оборвала…

– То, что Лялька по тебе сохнет все знают. Нагнул бы разок…

– Да, иди ты! – отмахнулся Пушкин. – Она мне в дочки годится.

– Мне то уши не чаруй!

– Да, не нравится она мне!

Световое пятно пожало вроде бы плечами.

Найти в магическом безумие барыгу оказалось не просто. Ведь его самая заметная примета была в том, что он подволакивал правую ногу. Болтали, что одно из зелий вселило в неё вредочары, которые ничем не выводились.

– Идём туда.

Они наугад подошли к странной парочке. Два сверкающих человека перетекали один в другого и переплелись так сильно, что потоки энергии бурлили на краях силуэтов. От них шёл ощутимый жар и режущий ноздри запах.

– Хочешь присоединиться? – усмехнулся Пятый Азеф.

Пушкин скривился и отвернул в сторону. Почти упёрся в стену, стараясь не смотреть по сторонам. Глаза уже болели. А мозги кипели. От донёсшегося стона вообще замутило.

– Не думал, что ты такой ранимый.

– Какого шишеня мы ждём? Ты обещал помочь, а притащил в лятькин шаболдюшник.

– Не психуй! Твоя восприимчивость нам только на руку. Сейчас найдём одного человечка и всё будет абра-кадабра, – силуэт Пятого Азефа мигнул.

Пришлось идти дальше. Под сверкающими людьми не было видно пола. Они настолько плотно слиплись, что не осталось просветов. Искрящееся море раскачивалось. Волны накатывали и отбегали обратно в стонущую пучину. Ботинки заливала пеной, и Пушкин то и дело встряхивал ногой.

– Вот он, – выдохнул Пятый Азеф.

Судя по позам, сверкающие люди сидели за столом. Крайний вращал рукой. Под его мерцающими пальцами собирался вихрь из радужных полос, который всё сильнее закручивался и терял напряжённый яркий свет. Видимо он и был нужным человечком. Двое напротив него спорили.

– Зелёная плесень сожрала людей. Ужё одиннадцать пузырей. А сколько ещё будет? По-твоему, это мощно?

– Ты ни шишеня в искусстве не прёшь? Это новое прочтение!

– Пожрать известный нам мир?

– Авторские погромы – это будущее искусства.

– Мальчики, заткнитесь оба, – вмешалась сидящая за барыгой девушка, и у Пушкина защемило в груди от её голоса. – Если про новые пузыри услышите, шепните, в долгу не останусь.

– Мне надо выйти, – забормотал он, поворачиваясь.

– Рехнулся! – схватил его за локоть Пятый Азеф. – Сейчас заберу у него зелье и пойдём в отдельные апартаменты. Нам никто не помешает.

– А почём за пузырь дышь? – не унимались спорщики.

– Вам хватит, мальчики. За каждый прорыв скажем…

Пушкин отшатнулся. Согласиться было не сложно, а вот остаться на месте сложнее. Прошлое преследовало его и подстерегало за каждым углом. Нашло даже в нереальном мире сверхмага. Как бы здесь выглядели чаровища? От одной только мысли внутренности перевернулись и стало ещё хуже. Он нащупал стену и прижался к ней горячечным лбом. Очистил голову от всего и просто считал пролетающие мгновения, пока его не похлопали по плечу.

– Всё! Иди за мной!

В руках сверкающего человека горело настоящее пламя, только зелёное. Его языки лизали пальцы, лоснились и тёрлись об ладонь.

– За ручку повести? – не выдержал Пятый Азеф.

Они пошли дальше. За поворотом один раскалённый силуэт пытался вбить другой, согнутый пополам в стену, но у него пока не получалось. Хотя криков было много.

За ними начался узкий пустой коридор, который закончился тупиком и долгожданной тишиной.

Пушкин упёрся во что-то мягкое, ощупал кожаную спинку и напряженно опустился на диван.

– Выдыхай! – засмеялся Пятый Азеф. – У тебя уже уровень поднялся? Или только шишень?

– Пошёл ты!

– Ты на фронте так не парился.

– Там враги, – отмахнулся Пушкин, но в груди снова защемило.

– А мне показалось, что старая подруга. Откуда её знаешь?

– Кого?

Сверкающий человек сел напротив и пламя из его рук пролилось на светящуюся коробку стола.

– Не придуривайся. Я же понял, что ты от одного голоса, чуть не сбежал.

– Это неважно…

– Для тебя может быть, – голос Пятого Азефа мгновенно изменился, а всевидящий глаз снова запылал раскалённым металлом. – А мой папаша Великий магистр МСБ. МИФ наш враг!

– Она там не служит…

– Что тебя с ней связывает?

Сверкающий человек вырос. От нестерпимого сияния пришлось зажмуриться, но оно обжигало даже через закрытые веки.

– Отлятькал разок. Успокойся! Это было давно!

– Внучку Великого магистра МИФ? – заорал Пятый Азеф, и тут же засмеялся, усевшись на место. – И как?

Пушкин заёрзал.

– Мы сюда зачем пришли?

Ответом стал мучительный вздох. Пламя на столе вспыхнуло, взметнулось к невидимому потолку и опало.

– Протяни ладонь, – сверкающий человек показал, как надо.

Собранная из линий рука замерла над столом и не двигалась, пока огненные языки опутывали её со всех сторон. Скручивались вокруг запястья, обвивали, надевали пылающие кольца, затягивали их всё туже и туже, сдвигаясь к предплечью. Пламя вожделенно трепетало и взбиралось всё выше и выше. Оно уже вгрызлось в сверкающий силуэт и начало менять его цвет на синий. А потом неожиданно набросилось на всевидящее око, и сверкающий человек вспыхнул.

Пушкин сжал зубы, но всё же выставил перед собой руку.

Огонь полыхнул так, что он перестал различать верх и низ. Сверкающие полосы окончательно размазались в ослепительное зарево без конца и края. Больше не было клуба. Не было придуманного сверхмагом магического безумия, не было ничего. Только чавкающая дыра под ногами. Бездонный колодец в темноту. В боль, страх и отчаяние. В пропасть без надежды и конца. Дыра пульсировала и расширялась, если он двигал ногой, поэтому пришлось застыть. Даже перестать дышать.

– Идём! – заурчал в ухе знакомый голос, но Пушкин отреагировал только когда что-то дотронулась до плеча.

Он истошно заорал и подпрыгнул, а под ногами разошлась гигантская пасть с костедробильными жерновами челюстей. Снимающий кожу язык едва зацепил его штанину. От скрежета зашевелились волосы на затылке. Будто тупая железяка крошила стекло. Он отскочил, зацепился за диван и рухнул на пол. Подпрыгнул и шарахнулся в сторону, врезавшись в стену.

– Спокойнее, нам в балаган, – искажённый голос Пятого Азефа немного привёл в чувство. – Там безопасно!

Эти слова стали решающими. Пушкин был готов на всё, лишь бы спрятаться от чаровища.

***

Над пятиметровым забором с острыми металлическими шипами, возвышающимися ещё на метр, перемигивались голубые огни охранных чар. Поэтому стволы молоденьких сосен отклонялись от него и нагибались над дорогой. Их отталкивал подальше от железобетонных плит яростный напор энергии. Он же гнул к земле боярышник. Кусты буквально закопались в жёлтые листья, и напоминали нахохлившихся тварей, разбуженных от беспокойного сна.

Алисса огляделась. Клятья применять не решилась. От охранных чар веяло такой угрозой, что внутренности покрылись коркой льда. Ночью вокруг интерната не было ни единого источника энергии. Люди и днём то шли стороной, благо он притаился в отдалении от жилой зоны, а уж с наступлением темноты – обходили за квартал. Поэтому, она волновалась не больше, чем всегда. Хотя коленки и подгибались.

Ей пришлось встать на четвереньки, чтобы пролезть под ветками боярышника. В подол юбки мгновенно набились листья, а сама она задралась, так что из-под кустов некоторое время торчала полуголая задница.

Длинные колючки впивались в руки, но Алисса упрямо ползла к заветному углу. В самом низу у земли сиял узкий лаз. Внутри что-то двигалось и едва различимо ворчало. Почти неразличимое даже в тусклом свете уплотнение тьмы полезло на встречу. Она, как всегда, задрожала, но всё равно протянула руку. Что-то капнуло на кожу, будто ледышку прислонили, и вокруг запястья резко сжались костедробильные челюсти. Холод прокатился вверх к предплечью и разошёлся волнами ужаса по спине. Алисса еле удержалась, чтобы не отдёрнуть сжавшийся кулак. Но паниковать было нельзя. Ошибка могла стоить жизни или чего похуже. Поэтому она терпеливо позволила себя обнюхать. Каждый свой уровень.

Ещё раз обдав кожу морозом, вредочары для порядка рыкнули и спрятались в ещё сильнее потемневшем сиянии. Проход был открыт. Правда пришлось распластаться на земле и сжаться, чтобы в него протиснуться.

Когда вся исцарапанная, ободранная и уязвлённая Алисса выползла с другой стороны забора, ей на лоб легла маленькая ладошка. Она дёрнулась, но сразу успокоилась и сграбастала девочку, прижала к себе, гладила по рыжим волосам и шептала:

– Как ты, милая? Я так соскучилась. Очень ждала этого дня. У меня для тебя подарок.

– Мне сказали, что ты больше не придёшь.

Алисса выронила конфеты в синей обёртке в пожухлую листву. Руки тряслись, но она всё равно собрала их все до последней, ссыпала в подставленные ладошки девочки, и только тогда уточнила:

– Кто сказал?

– Федька.

Алисса выдохнула.

– Не слушай его – ты моя доченька, и я тебя отсюда заберу!

– Когда? – девочка распаковывала уже третью конфету, а обёртки аккуратно складывала маме в руку.

Следы оставлять нельзя. Иначе они больше никогда не увидятся. Это было самым главным правилом их встреч.

– Скоро, очень скоро. Я почти выполнила свою работу…

– Самую опасную, из-за которой ты не можешь забрать меня домой? – обрадовалась девочка.

Алисса сглотнула, стараясь смотреть в сторону, чтобы в отсветах лаза не блестели стоявшие в глазах слёзы.

– Её. За тобой хорошо присматривают, пока я делаю для МИФа самую опасную работу?

Дочь съела уже больше половины конфет и только пожала плечами.

– Наставница говорит, что МИФ присматривает за всеми детьми одинаково, потому что у нас магическое равенство, – девочка зашуршала следующей обёрткой и тяжело вздохнула. – Вот если бы у меня был талант, за мной бы присматривали ещё лучше.

Алисса вздрогнула.

– Но у меня таланта нету. Поэтому если бы не ты, меня бы давно продали…

– Это твой Федька сказал?

– Нет, – промычала с набитым ртом девочка, – воспитательница, – она дожевала конфету. – Приходил очень мерзкий дядя с белыми трясущимися руками. Я ему очень понравилась. Он очень-очень хотел забрать меня к себе. Сказал, что любит таких у кого нет таланта, кто не может магией защищаться.

Алисса схватила её и прижала к себе.

– Я тебя скоро заберу.

– Когда?

– Очень-очень скоро. Осталось совсем-совсем чуть-чуть.

– Забери, чтобы меня не продали.

Девочка отстранилась и развернула следующую конфету.

– А вообще в МИФе всё самое лучшее, – проворчала она.

Алисса погладила её по голове.

– Конечно, милая. Главное, у тебя будет всё самое. Тебя никто никогда не обидит.

Дочь наморщила лоб, даже жевать перестала.

– Ты чего, милая?

– Нам нельзя об этом говорить, – нахмурилась девочка.

– О чём?

– Ты, мама, иногда такие глупости спрашиваешь. Как же я могу сказать, если об этом нельзя говорить?

Алисса сглотнула.

– Я тебя скоро заберу и можно будет обо всём говорить.

– Конечно, мам, – дочь сунула последнюю конфету в рот, отдала обёртку, и встала. – Пора бежать, а то Чешир будет ругаться.

Она обняла маму крепко-крепко и прошептала:

– Приходи скорее, тут не так хорошо, как говорит МИФ.

Алисса смотрела ей вслед, глотая слёзы. С каждым разом было всё хуже и хуже. Поэтому она решительно повернулась и полезло в мерцающий лаз. Несмотря на трясущуюся губы, глаза горели. Выбравшись из боярышника, она стряхнула прилипшие листья, поправила юбку и затыкала по рунам на ладони.

– Вы обещали, что ей ничего не угрожает! – приставив руку к уху, закричала она.

– Мы устали ждать, – раздалось в ответ.

– Он почти согласился!

На высоком заборе мигнули охранные чары, так что Алисса прибавила шагу, но ответа долго не было.

– Вы всё ещё здесь?

– Ты же хочешь расторгнуть договор продажи твоей дочери? Помни, что путь один. МИФ вернёт её тебе, если уговоришь Пятого Азефа её удочерить.

У туфли хрустнул каблук.

– Издеваетесь?

Она остановилась.

– Сделаешь это и сразу получишь её обратно.

***

– Этого не может быть, этого не может быть, быть это не может.

– Вы снова сбились.

– Ты от меня отличаешься!

Бидбей подполз к стене, послюнявил палец и потёр им побелку. Облизал.

– Этот кальций спасёт меня. А что спасёт тебя, когда закончится мана?

– Мы анализируем не меня.

В ответ раздался смех, больше похожий на скрип. Он поднял лицо к потолку, беззвучно шевеля белыми губами.

– Слышал эту вашу столичную шишень! Хочешь услышать про мою маму? Да? Это она во всё виновата?

Голос из ниоткуда вздохнул, но будто бы собравшись с силами, продолжил:

– Не имел удовольствия знать вашу матушку…

– Не свисти, чаруша недочарованный!

Кажется, на этот раз Исчар и правда удивился.

– Такого словосочетания в моей базе ещё нет. Это значит, что вы хотите поделиться чувствами, но боитесь? Давайте я вам помогу.

Бидбей наковырял побольше побелки и начал рассасывать с деланным удовольствием, при этом по-идиотски ухмыляясь.

– Расскажите, как вы попали в интернат? Или, где ваш папа…

– Сдох!

– Обычно так говорят о животных…

– А он им и был!

Белая от побелки улыбка стала ещё шире.

– Ваша мама имела связь с животным? Из-за этого вас забрали в интернат? Чтобы исследовать…

– Это тебя надо исследовать, заклинание недоделанное. Как ты анализировать собрался, анализатор шишев, если даже не понимаешь, что я говорю?

– Я хочу помочь…

– Так выпусти меня отсюда! – заорал Бидбей.

– Вы, правда, думаете, что если выйдете отсюда, то ваша энергия начнёт накапливаться? – удивился невозмутимый голос.

– А то… – произнесли белые губы и замерли.

– Я же вам говорил, что всё дело в пандеклятии…

– В зелёной дряни, которую мы нашли? Она у меня забрала ману? Поэтому я подыхаю с голода?

Он выплюнул побелку.

– Вы не знаете, как его лечить. Так? Я всё понял. Я готов сотрудничать. Что надо делать?

Он стоял, напряжённо вглядываясь в потолок. Словно до конца не верил в реальность происходящего. Будто из-за угла мог выпрыгнуть Кореш и закричать, что всё это розыгрыш. Но никто не выпрыгивал.

– Расскажите, что вы поняли?

– Я хочу вылечиться, – снова повысил голос Бидбей, но совладал с собой и закончил более спокойно. – Я готов на всё! О чём рассказать? Про маму. Пожалуйста! Она считала, что государство о нас обязательно позаботится, поэтому отдала нас в интернат. Потому что в обычном нашем доме вообще ничего не было. Только она неправильно думала, в интернате тоже ничего не было. И заботиться о нас с сестрой никто не хотел.

– Это неважно! Что вы поняли о пандеклятье?

– Оно отбирает ману. Я больше не могу колдовать. Мне плохо, я хочу есть. Что тут ещё понимать?

На этот раз голос из ниоткуда не ответил.

– Что ещё рассказать? Про папу?

– А это имеет отношение к пандеклятью? – равнодушно заметил Исчар.

– Нет! – завопил Бидбей. – Да? Грёбаный ты чаруша. Откуда мне знать?

Он опустился на колени, в отчаянии шаря по потолку глазами.

– Я не знаю. Я ничего не знаю. Почему именно я? Где этот проклятый Дивногорский?

– Об этом мне можно говорить, – с готовностью сообщил голос. – Он в коме. Ни разу не приходил в себя.

– Как это? Это тоже из-за пандеклятья?

– Из-за чего же ещё? Оно совершенно не изучено, и на всех действует по-разному. Ему повезло меньше, чем вам…

– Он в больнице! – заорал Бидбей. – Там кормят!

На этот раз совладать с собой не получилось, он яростно замахал в сторону потолка, и на ладони неожиданно вспыхнула руна «магия». От вспышки перед глазами замелькали раскалённые пятна, а на штукатурке вверху остался ожог.

– Как это? – завопил Исчар.

– Ещё рассказать тебе про мою маму?

– Этого не может быть! Вы не накапливаете энергию. Как вы смогли?

Бидбей издевательски заржал.

– Думал не достану тебя? Да? Выпускай или я всё тут разнесу!

***

Прям вот нападают друг на друга и валят на… куда… что там есть? Всё что ты придумаешь! На асфальт прямо? Жёстко ведь должно быть! Прямо очень жёстко! Чтобы всю спину ему

отбить… и ей тоже. А если головой? Может лучше на травку… ага, и пусть за ручки держаться и томно смотрят друг на друга. Никакой романтики, только жёсткий необузданный блуд.

Лялька споткнулась и растерянно уставилась на дыру в асфальте. Какой круг она намотала вокруг Дома съёмных помещений? Неважно, она снова сосредоточилась, чтобы всё заранее представить и ничего потом не перепутать.

Надо чтобы все они немного отличались, а то похожи на неё и на Пушкина… Это уже не шаболдюшник, а лятьканье в комнате кривых зеркал.

Лялька попыталась представить другие мужские лица, но в фантазию удалось протиснуться только Валерьянке. Он это школьное прозвище ненавидел, а представлялся Валергором. Хотя как его не называй, ему приглашения на оргию всё равно не достанется. Нечего ему там делать. Только дуться будет, что его с войны не дождались. Можно подумать, она обещала его ждать. Кто вообще такое может обещать?

Пришлось начисто стереть его образ из воображаемого пространства. Только всё испортит. Лялька избавилась и от асфальта, чтобы не отвлекал непристойными дырами. Вернула паркет. Он тоже достаточно жёсткий, чтобы приложить об него спиной. Просто не обязательно сразу прикладывать, можно же сначала качнуть. Игриво так, чтобы просто немного напугать, а потом ещё немного покружить.

Она чуть не взвыла. Оргия в сотый раз превращалась в бал с танцами. Неужели у неё никогда не получится? Не может же такого быть? Или может. Лялька вздохнула. Всё его кастрированное воспитание. Проклятый тиран! Всю жизнь её от всего ограждал и получилась бесполезная размазня, которая даже оргию вообразить не в состоянии.

Она зло плюнула в сторону парадного входа Дома съёмных помещений и вызвала магоход. Темнело, самое время для непристойностей и необузданного блуда. Её пронесло сквозь пирамиду с такой скоростью, что пристыженно покраснел свет.

«Жерло» встречало сплошной стеклянной стеной. Где среди мелькающих на её поверхности голых мужчин и женщин был вход, разобраться было совершенно невозможно. Тела переплетались, кривлялись, раскачивались и разевали рты, но с такой скоростью, что превращались в смазанную красочную волну, от которой пересыхали глаза. Поэтому она остановилась в нерешительности и вздрогнула от густого баса: «Я готов погрузиться в тебя. Сегодня ты моё жерло…».

Лялька отскочила. Теперь голые люди ещё и пульсировали. От чего и без того яркий свет буквально прожигал насквозь. Она отступила ещё на шаг, но встряхнула волосами и упрямо зашагала прямо в стену.

– Приветствую тебя в клубе «Жерло» – эпицентре эстетики несоответствия. Погрузись в атмосферу психоделических образов, неподдельной свободы и экспериментов…

– Мне нужна комната для игр! – в отчаянии закричала она, сморщилась и добавила. – На всю ночь! Чтобы никто не беспокоил! Ясно?

– Ясно, – насмешливо ответил бас в голове. – Прошу прощения, госпожа, но балаган уже занят. К сожалению, её сняли на сутки, мы ничего не можем поделать. Вторгаться в чужие фантазии запрещено. Поэтому вам придётся перенести ваши фантазии на другой день. Давайте, я забронирую для вас балаган, чтобы больше не вышло подобного конфуза.

Лялька сглотнула.

– Чё шмонястрадалец, плащ дома забыл? – долетел из-за спины низкий голос.

– В следующий раз забронирую, – промычала она и потянулась к руне, самое время сбежать.

Вроде и не так позорно. Ведь попыталась же? Ну, не получилось и не получилось. Это не её вина. Так сложилось…

– Нравится подглядывать? Сам боишься? Может тебе бутылку в жопу запихать? Вдруг понравится, – не унимался низкий голос.

Лялька уже ковырялась в подписке, чтобы настроить возвращение домой, когда до неё долетел ответный шёпот.

– Чего привязались? Идите домой.

Она резко повернулась. Ослеплённые стеклянной стеной жерла глаза, не сразу разобрали в сумеречном сквере несколько фигур. Под деревом стоял нахмуренный отец, а перед ним трое бородатых парней. У одного в руках и правда была бутылка.

– А чё там делать, дяденька? – издевательски заорал он, продолжая размахивать бутылкой.

– Мультики по подписке смотри, щенок!

Она дёрнулась, но тут же задрала подбородок. Снова следит за ней, как за маленькой. Представлять глупую оргию было не так стыдно.

– Нет больше подписки, дяденька, – заревели все трое. – Ничего больше нет!

Отец поднял ладонь со сверкающей руной «подписка» и ткнул им в лицо.

– Меньше зелья жрите, уроды!

Он легко перехватил бутылку, и одним движением брови раскидал остальных. Намертво вбитые на войне заклятья, не оставили гражданским не единого шанса. Преобразованная в тугой поток ветра энергия протащила их по асфальту и перекинула через кусты.

Лялька взвыла, сдавив лицо ладонями.

– Это никогда не прекратится. Чтоб ты пропал!

– Дочь, подожди, нам надо поговорить!

– Мало тебе мамы, – пробормотала она, но всё-таки развела ладони.

В его взгляде было торжество, и внутри что-то лопнуло. Окружающий шум унёсся прочь. Осталась только звенящая тишина.

– Ты вечно всё будешь портить, – прошептали её губы.

Он сделал шаг на встречу, даже раскрыл объятия, но Ляльку передёрнуло.

– Ты никогда не оставишь меня в покое? – заорала она, но услышала свой голос будто издалека.

Задрожала ещё сильнее и вдавила руну «магия» под мизинцем.

Отец успел сделать ещё несколько шагов, прежде чем натолкнулся на невидимую стену. Нахмурился, но в глазах впервые появился страх. Он сложил руки на груди, начав расчёсывать их сильнее обычного. Изо рта вырвалось отчаянное «прости», но стена поглотила звуки. Он попытался сказать что-то ещё, но в затылок ударил камень.

Лялька вздрогнула, но оцепенение не прошло даже когда на незримую магическую преграду полетели красные брызги. За одним камнем взметнулись ещё несколько. Отец упал, сжавшись под ударами. К нему уже бежали люди.

– Наших бить? – донеслись искажённые голоса. – Сраный магик. Получай!

Звенящая тишина осыпалась осколками. Лялька, истошно закричала и бросилась вперёд, но невидимая стена отбросила и её.

Отец так и не успел подняться. Только откинул ещё несколько человек заклятьями и получил сапогом в лицо. Потом удары посыпались с такой частотой, что за грудой тел уже ничего нельзя было разобрать.

Она металась как безумная, то и дело отлетая от преграды, но снять собственные чары никак не получалось. Стена разделила саму суть магии в её голове. От такого, не так просто избавиться. Её не видно, но она похожа на отчаяние. Тогда полились слёзы, а с ними пришло осознание, что нужна помощь. Она вонзила ноготь в руну «подписка» и набрала первого попавшегося абонента.

Гудки длились целую вечность. Отдавались в ушах, как удары из-за стены. Как яростный вой обезумевших дикарей, которые наконец нашли виноватого во всех своих бедах и теперь

могли отомстить. От их возбуждённых воплей тряслись поджилки, и Лялька даже не сразу поняла, что гудки закончились…

– Что случилось? Я немного не в… – раздался голос Пушкина.

– Папа, – захлёбываясь слезами, заорала она. – Его…

– Где вы? – донесло глухое эхо.

– У «Жерла»!

Она кричала что-то ещё, но больше не слышала ответов. В припадке кинулась на стену, барабаня по ней кулаками. Билась всё сильнее и сильнее, каждый раз отлетая всё дальше, но остановиться уже не могла.

Когда Пушкин схватил её за плечо, из её горла вырвался только тихий хрип. Он одним движением смёл возведённый барьер, но тут же пошатнулся и упал на живот. Еле успел перевернуться, прежде чем его вырвало.

– Он не дышит! – заорали из безумного сплетения тел.

– Бежим!

Толпа исчезла будто по мановению волшебной палочки, а Лялька не могла сдвинуться с места. Заставить себя сделать несколько шагов и дотронуться до окровавленного тела, совсем не похожего на её отца. Вообще на живое существо. Там лежало что-то неподвижное и чужое. Голова развалилась на две части, а руки и ноги вывернуло так, как не может вывернуться ни один человек. От странного месива пахло солью и протухшими устрицами.

Пушкин ещё дёргался в конвульсиях, когда она отвернулась и пошла прочь. Ничего больше не имело значения, реальность оказалась противоположностью её наивных фантазий. Или она просто не умела фантазировать? Как не умела и всего остального. Только равнодушно смотреть, как умирают самые близкие.

***

Его, как и в прошлые разы встречала пушистая зая в высоких ботфортах, клёпаной кожаной куртке и с миниатюрной игрушечной плёточкой в руках. За её спиной переливался и играл бликами уходящий в бесконечность коридор. Упавший на бок гигантский калейдоскоп, как у соседского мальчишки из далёкого знойного детства. Только ярче!

Заместитель Бойчик хотел пройти мимо, но чаруша преградила дорогу.

– Покажите, пожалуйста, направление магистрации.

Её мохнатую морду исказила капризная улыбка. Белые усы смешно встопорщились, а длинные уши, наоборот, опустились и сложились на затылке.

Ему пришлось ткнуть пальцем в ладонь, чтобы активировать руну «грамота». Она пряталась под мизинцем, в самом низу ладони, чуть выше сгиба запястья. После этого над растопыренными пальцами засветился свиток со знаком магистрации Центрального округа Москвы – звездой на фоне луны. А ниже текст с разрешениями и печатями.

Зая довольно заулыбалась.

– Поздравляю с повышением! Вы получите руну «власти». Это большая сила, но и большая ответственность. Поэтому позвольте провести небольшой инструктаж. Руна «власти» подчиняет слабых, заставляя вставать, когда вы входите в помещение, нервничать и заискивать. Поэтому, вы должны понимать, что не должны использовать её силу в корыстных целях, а должны действовать исключительно для пользы дела, граждан и государства. Это понятно?

Она смешно склонила плюшевую голову, но заместитель Бойчик, всё ещё нервничал.

– Дад, адад, – с трудом выговорил он.

На свитке вспыхнул первый абзац, и буквы начали светиться синим.

– Руна «власти» позволяет влиять не только на поведение, но также на мысли и чувства слабых. Она вызывает доверие и желание нравится. Поэтому, вы должны понимать, что можете нарушить их душевное спокойствие и заставить делать то, что они не стали бы делать по собственной воле. Будьте благоразумны. Это понятно?

– Дадаа.

На этот раз выражение её мордочки стало карикатурно торжественным.

– Руна «власти» вызывает страх и снижает инстинкт самосохранения у слабых. Поэтому им будет сложно отказать вам, даже если приказ противоречит законам, морали и даже здравому смыслу. Поэтому ответственность за их действия будет лежать на вас. Это понятно?

– Да.

– Поздравляю с повышением! Вы получите руну «власти» уже совсем скоро. Проходите, пожалуйста.

Зая поклонилась, так что уши свесились до пола, и наконец отступила в сторону.

Калейдоскоп всегда пульсировал в такт шагам. Один шаг вверх, второй вниз. Вверх-вниз! И слипающиеся, и разрастающиеся как раковые клетки пятна – менялись в том же ритме. Поэтому цветной конструктивизм постоянно раздувался и схлопывался, как невидимое, но ощутимое дыхание вселенной. Каждое движение вытягивало за собой какую-то гадость из памяти, освобождая голову от груза прошедших потрясений. Сначала за спину унеслась траурная тень Владимира Дмитрича. Она выскочила прямо из печи крематория и, дымя жирным вонючим шлейфом, унеслась прочь. За ней проковыляли мучительные дни, когда он ещё пытался уговорить себя. Но отказаться от новой должности так и не получилось, только заболела поджелудочная. Далее в процессию влились чмокающие звуки из-за хозяйского стола… на последнем шаге заместитель Бойчик споткнулся и, нелепо размахивая руками, вывалился в комнату ожидания.

Здесь пылились три зубастых цветка в кадках, похожих на черепа. Они обступали кожаный диван с трёх сторон и тянули к нему свои красные пасти. Один справа, второй слева, а третий из-за спинки сзади. Поэтому садиться не хотелось.

К облегчению, его уже ждали. Длинные очень-очень тонкие ноги переходили в живот колесом, на котором не сходилась кожаная жилетка. Он подслеповато щурился совершенно агатовыми глазами, поэтому, будто бы наугад спросил:

– Зайчик?

– Бойчик! – скривившись, как от зубной боли, поправил бывший заместитель.

– Проходи, всё готово. Или к тебе теперь на вы? – клацнул огромный клюв и на загривке Мунина, как все называли чарушу, встопорщились иссиня чёрные перья.

Пока они проходили в кабинет и искали нужное место, чтобы встать, внутри билась одна издёргавшаяся мысль – как ему ответить. Но придумать так ничего и не получилось, поэтому Бойчик просто выполнял то, что ему говорили и молчал.

– Так нормально, теперь одну руку убери за спину. Другую! Нет! Ту которой ешь, подними и прижми ко лбу. Раскрытой ладонью наружу. Вот! Похоже.

Когда колоть руны вместо людей начали чаруши, кто-то почему-то решил, что более человеческое общение облегчит неприятную процедуру. Вроде так легче отвлечься и сосредоточиться на самом процессе. Но от одного взгляда на то, как гигантская птица, подслеповато приглядываясь, отходит в темноту – уже становилось не по себе.

Мунин остановился и поставил на пол фигурку ворона с распахнутыми крыльями. Сделал ещё несколько резких шагов на своих длинных негнущихся ногах, взмахнул опереньем и исчез.

В этот момент, как всегда, стало очень грустно и безумно одиноко. Захотелось плакать и каяться, но огромный ком перекрыл горло, так что внутри застряли и слова, и мысли, и дыхание.

– Руна «власти» открывается через третий глаз. У тебя насколько открыт третий глаз?

Бойчик хотел ответить, но пересохшие губы только царапали кожу на поднятой ко лбу руке. Он пытался увидеть что-то за ней, но тьма лишь уплотнялась от его взгляда. Светился

внутренним багровым светом только ворон с распахнутыми крыльями. Его ноги и хвост срослись столбом. Зато торчащий вперёд клюв медленно открывался.

– Третий глаз смотрит внутрь, а не наружу, – донеслось искажённое бормотание Мунина. – Власть даётся не всякому. Ты проголодался?

Огромный ком, перекрывший горло, начал расти. Заполнил ноздри и стал давить на глаза. А снизу прижался к лёгким. Но паника распространялась намного быстрее. Она вспрыснулась в кровь, попала в заболоченные залежи энергии и взорвалась торфяным пламенем. Где-то под бесконечным пожаром наматывала круги та самая акула, что плавала в аквариуме в кабинете Владимира Дмитрича. Её терзал голод. Жуткая неутолимая алчность.

– Пришло время накормить…

Пламя взметнулось вверх сотнями горячих столбов и между ними закрутилось длинное тёмное тело с плавниками. Плавники проваливались в огненные смерчи и шкворчали, от чего акула ещё сильнее скалилась, клацала зубищами и всё быстрее плыла к своей цели.

Бойчик накрыл ладонь другой рукой и со всей силы прижал ко лбу.

– Что ты делаешь? – раздражённо закаркал Мунин. – Не выпустишь, оно сожрёт тебя самого!

От страха похолодели ноги. Дрожь покатилась вверх, сдавила рёбра, отпустила и перекинулась на предплечья.

Акула ударилась в застрявший в горле ком и проехала по нему на пузе, счищая рыбприлипал с чешуи. Преград почти не осталось. Она тенью проскочила в потаённом мраке за глазами и ткнулась в лобную кость изнутри.

Бойчик взвизгнул. Ладонь оторвалась от кожи, но припечатанная другой рукой, вернулась на место, со звоном хлопнув его по голове. За первым ударом последовал второй и третий. Он еле сдерживал рвущееся изнутри чудовище. Если бы только третьим глазом можно было зажмуриться, но светящееся око во лбу – не закрывалось просто так.

– Научись приказывать, – подсказал Мунин, – твоя тёмная сторона такая же твоя, как и другая. Это всё ты! Эта энергетическая сущность, которую ты так долго морил голодом в глубине своего естества – тоже ты!

Верить не хотелось! Но воздуха уже не осталось, ком перекрыл всё, вылез из ушей и давил на мозг. А акула отплывала с каждым разом всё дальше и дальше, чтобы разогнаться и пробить жалкие попытки сопротивления.

– Может тебе и не надо? – совсем по-человечески усмехнулся Мунин. – Каждому своё! Рождённый ползать, и не должен летать.

Отчаяние давило всё сильнее. От очередного удара ладонь оторвалась от лба и отлетела на полметра. И Бойчик опустил руки. Искажённая тень вылетела из сияющего ока и раскрыла ужасающую пасть. А за ней выстрелил сжатый от чудовищного напора поток энергии. Тьма засияла! Загорелось всё, но особенно сильно выделялся ворон с распахнутыми крыльями. Он буквально раскалился. От соприкосновения с ним воспламенялся кислород. А ревущий вихрь энергии затягивало в раскрытый клюв.

– Не отдавай её! Оттиск впитает всё! Возвращай ману обратно, перенаправляй её в руну, – затрещал голос Мунина.

И пока его не изжарило заживо, Бойчик снова прижал раскрытую ладонь ко лбу. Несколько мгновений яростный поток облизывал пальцы и обтекал их вокруг, но потом всё же вгрызся в кожу. Боль перешла все разумные пределы, но ком наконец-то исчез, поэтому крик вырвался на свободу. В нём смешалось всё, но сквозь тоскливые скулящие нотки, неожиданно начал прорываться звериный рык. В ответ раздалось громкое, гортанное «крух» или отчётливое «ток». Ворон защёлкал и оглушительно каркнул.

– Хорошо, – похвалил Мунин. – Ты не безнадёжен!

Ладонь покрылась волдырями. Лимфа закипела. Кожа просвечивалась изнутри и сияла. Под ней ворочался сжавшийся кольцами луч. Он изгибался и елозил. От каждого движения шевелились волосы на загривке, но к Бойчику пришло неожиданное облегчение.

– Как ты… – пробормотали потрескавшиеся губы.

– Что?

Захлопали крылья. Оттиск мгновенно вытянулся, увеличился в сотню раз. Заполнил всё пространство иссиня-чёрными перьями и сжался, ударив раскалённым лучом в основание ладони. Прожёг её в самом низу под мизинцем и закрутился спиралью. От разъярённого карканья зашевелились волосы. Оттиск изгибался и всё глубже вплавлялся в кожу. Клюв отрывал куски плоти, а когти раздирали защитные покровы. Фигурка ворона изгибалась, вдавливая себя в человеческую руку. Крылья сложились в одно, так же как и ноги с хвостом. Дольше всего раскачивалась, щелкая и крухая голова. Но и клюв окончательно захлопнулся и растворился в тёмной массе оттиска. На ладони остался только ослепительный отпечаток в форме руны «власти», похожий на схематичное изображение молнии. В тот же момент иссяк бушующий поток энергии и потух яростный взгляд третьего глаза.

Бойчик застонал. Ему всё ещё казалась что в него бьётся гигантская птица, алчущая его крови. Но боль стихла и видение растворилось вместе с ней. От оттиска похожего на ворона с распахнутыми крыльями, осталась только отметина на коже. Её он и рассматривал, не веря в то, что произошло.

– Поздравляю с повышением! Ты…

– Закрой рот!

Слова вылетели прежде, чем он успел подумать, но самое приятное, что больше не было стыда, и ничего не хотелось исправить.

– Поздравляю с повышением! Вы получили руну «власти»! – сообщил Мунин.

Не забудьте подписаться на меня, чтобы не пропустить следующую проду. А ещё оставляйте ваши комментарии и лайки, если понравилось. Это очень важно для продвижения книги. Чем больше лайков и комментариев у книги – тем больше людей её увидят. А если попадёт в «рекомендованные», то ещё больше. Поэтому потратьте минуту после прочтения, поставьте лайк, напишите, что вам понравилось, а что нет. Ваше мнение поможет мне исправить недочёты или просто порадоваться, что вам интересно то, что я пишу.

С уважением,
Смеклоф

Глава 4. Началось!

Его тащили по полу. Рука за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.